К 23 Февраля:

«Кто, если не мы!» – сказали сыновья, уходя за ленточку. «Кто, если не я!» – вторит материнское сердце и живёт надеждой

Сибирское богатство

общественно-политический журнал

№ 1 (255) 2026

ЖУРНАЛ **СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО**

Учредитель и издатель – АНО «Тюменская область сегодня»

Директор И.С. Гимпелевич
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, офис 410
тел. 8 (3452)490018

Главный редактор С.С. Козлов, тел. 8 (3452)399400
Ответственный секретарь В.А. Ермакова
Литературный редактор Д.В. Аксарина
Дизайн и вёрстка Э.А. Кузнецова
Корректор-редактор А.В. Александрикова

Авторы: Сергей Козлов, Ляйсан Айдбаева, Дарья Аксарина, Антонина Маркова, Виктория Ермакова, Александр Вычугжанин, Полина Сайфуллина, Анатолий Омельчук, Станислав Туляков, Вячеслав Софронов, Геннадий Крамор, Наталия Косполова

Фотографии на обложке: Для создания коллажа к 23 Февраля использовано фото Евгения Шульца.
К 440-летию Тюмени: улицы нашего города. Фото Виктории Ермаковой

Адрес редакции:
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81,
тел./факс 8 (3452) 490018, e-mail: sibbog@mail.ru
Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу
10 февраля 2017 года, ПИ № ТУ72-01431
Журнал издаётся при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит с 1999 года один раз в два месяца
Журнал отпечатан в типографии АНО «ИИЦ «Красное Знамя», 625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6
Формат 60x90 1/8, бумага мелованная, печать офсетная, усл. печ. л. 10,5
Подписано в печать 05.02.2026 г. Выход в свет 20.02.2026 г. Заказ № 286 Тираж 500. Свободная цена.

16+

ПУЛЬС ОБЩЕСТВА

Четверть века 3

Слово найдёт дорогу к сердцу 6

Ирина Широкова: между обществом и властью 8

Две культуры на одной волне 15

Кто, если не мы, мама... 20

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ

Анатолий Омельчук: «Мои книги – мои дети. Я счастливый многодетный отец» 24

Помощь с небес по-тюменски 31

МЫ ЕДИНЫ

Слово на краю света. Неркаги 36

Записки военврача 42

Поэзия народов Тюменской области 50

ЛЕТОПИСЬ

Беспокойный человек 52

О чае, деле и идее 58

Красная весна двадцать первого года 61

За спичками... в Тюмень 70

Где родился, там и пригодился, или № 1 72

ОБЛАСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Романовы. Новая встреча 74

Динамика как свойство стиля 80

О жизни и песне 83

Четверть века

Не люблю подводить итоги. С христианской точки зрения это бессмысленно. С другой стороны, подытожить – дело государственное, статистическое, да и просто шаг по лестнице... Но начать решил с другого: 6 января губернатору Тюменской области Александру Моору исполнилось 52 года. И он в свой день рождения поехал в Тобольск, чтобы стоять в Софийском Кафедральном соборе на светлой рождественской службе, которую вёл Владыка Димитрий.

Главный редактор журнала «Сибирское богатство» Сергей Сергеевич Козлов.
Фото С. Конева

Кто-то заметит, что это дань моде, другие – что это теперь служебная обязанность, третьи придумают ещё что-нибудь, а я видел глаза губернатора во время службы и уверенно скажу – это был внутренний зов, это была сопричастность. Тут лесть неуместна, и надо радоваться, что страна вместе с руководителями помнит о Боге. Как говорит один мой друг, 7 января – День Рождения Бога. И тот, кто будет пытаться стирать кресты с изображений наших храмов и символов, пусть хотя бы из страха, но задумается: имеет ли он право замахиваться на тысячелетнюю Русь-Россию.

«Юбилейный год Великой Победы подарил нам чувство глубокой гордости за великое наследие нашей Родины, её славных героев и победоносную историю. Время испытаний и опыт предыдущих поколений научили нас главному. Не унывать, не терять надежду, объединяться в решении общих задач и твёрдо идти к поставленным целям. Мы вновь убедились, что именно семейные ценности, любовь и поддержка близких становятся опорой в трудные времена, сохраняют нашу веру в будущее и дают силы двигаться вперёд», – так сказал о главном губернатор.

И вот о чём подумалось. Мы недостаточно хорошо знаем тех, кто нами руководит на выборной или назначаемой должности. Поэтому с этого номера мы начнём хождение не только в народ, но и во власть, чтобы брать интервью и делать очерки о тех, кто делает региональную повестку и политику.

Достижения области на виду, о них много пишут и говорят СМИ. Это и дороги (отремонтировано 350 км трасс, введены новые мосты!), и решение проблемы аварийного жилья (расселено 947 аварийных домов, ключи от нового жилья получили 800 семей). Меняется инфраструктура городов и селений, их внешний вид (Тюменская область не первый раз в топ-5 рейтинга качества городской среды и качества жизни среди российских регионов). Промышленное производство за последнюю пятилетку выросло в 1,6 раза, традиционно радуют успехами наши аграрии, открылся новый корпус университета, и даже самым креативным наш регион признали! Растёт хорошими темпами и валовой региональный продукт как один из основных показателей развития экономики. Область в первой пятёрке по инвестиционному климату и первая по достижению результатов национальных проектов.

В числе проблем – снижение покупательной способности населения и рост тарифов ЖКХ. Но то же самое происходит в масштабах страны. Все объективные объяснения роста цен в сфере коммунальных услуг, которые вроде звучат убедительно, тают на фоне работы управляющих компаний. Тарифы растут, а качество, скорее, падает. Атавизм 90-х годов, когда ушлые ребята уловили, что можно наживаться даже на ЖКХ с изношенными сетями, страна и сегодня не смогла преодолеть. И сервис там до сих пор напоминает тот, который называли «ненавязчивым советским». Потому тут просто напрашивается некое кардинальное решение по всей стране, а не только в Тюменской области. Я мало понимаю в управлении ЖКХ, но на себе ощущаю и рост цен, и недостаток тепла в доме зимой, и качество воды, и перебои с электроэнергией даже в центре города. И всё это вместе никак

не коррелируется с ценами в платёжках... Уже должно быть стыдно использовать старую песню об «изношенных сетях». Прошло более 30 лет, как они изношены. А вот жадность не стареет. Но сам себя оборву, ибо читал документы: улучшение качества предоставляемых коммунальных услуг для жителей Тюменской области является одной из приоритетных задач на ближайшие три года.

И всё же главным для страны и народа, а значит, и для нашего края остаётся Победа. Именно противостояние с Западом определяет все прогнозы развития и региона, и страны в целом. Несмотря на небывалое в истории России давление, аналитики прогнозируют даже при консервативном (осторожно прогнозируемом) варианте рост производительности труда, снижение безработицы, рост торговли и сферы услуг, рост заработной платы (правда, умалчивают о том, насколько при этом вырастут цены и тарифы), ну и рост инвестиций в основной капитал. Говоря проще – прогноз положительный.

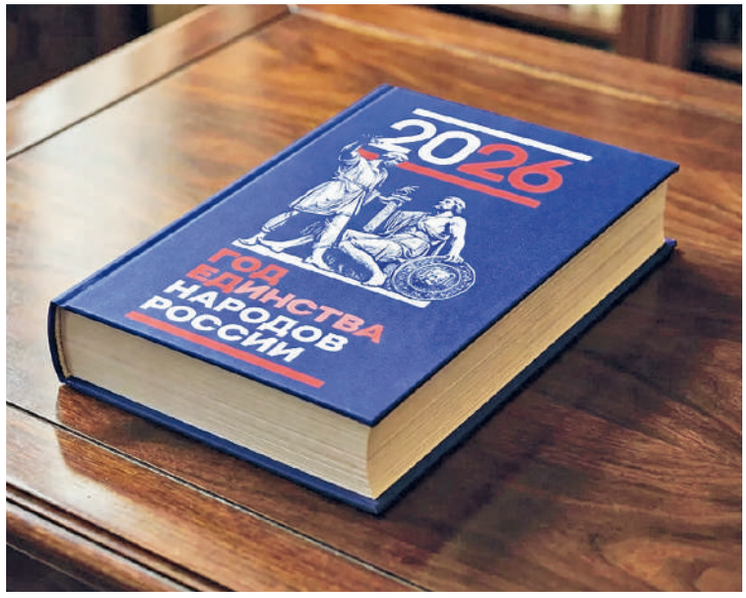
А если провести историческое сравнение, то 300 лет назад империя училась жить без Петра Великого, начиналась эпоха дворцовых переворотов; двести лет назад был подавлен мятеж первых либералов-декабристов на Сенатской площади, началась эпоха Николая I, которого несправедливо называют реакционером; сто лет назад молодое советское государство училось жить без Ленина, началась борьба верных ленинцев за власть похлеще дворцовых переворотов. Кстати, именно в 1925 году советское государство приняло закон об обязательной воинской службе и был принят курс на индустриализацию.

Аналогий с нашим временем здесь быть не может, кроме одной главной – как сейчас, так и тогда Запад давил со всех сторон, инициировал перевороты, покупал агентов влияния, охотился на патриотов и мечтал о наших пространствах и ресурсах. Значит, у нас есть только одна возможность – победить. Вместе. И сохранить свою уникальную цивилизацию. И это не прогноз, это руководство к действию. Делаем выводы. Живём дальше.

Фото А. Павлычева

Будущее нашего города создаём сегодня

Фото В. Ермаковой



Логотип «2026 Год единства народов России» представляет собой цельную графическую композицию, объединяющую знаковый исторический образ и текстовое обозначение года.
В основе знака лежит стилизованное изображение памятника Минину и Пожарскому – одного из ключевых символов народного единения и совместной ответственности за судьбу страны.
Образ памятника прочитывается как метафора сплочённости, гражданской солидарности и преемственности исторических ценностей, сформированных усилиями представителей разных народов России.
Текстовая часть «2026 Год единства народов России» органично интегрирована в композицию и выступает не просто подписью, а смысловым продолжением визуального образа.

«Сибирское богатство» No 1'2026

Текст Сергея КОЗЛОВА

Слово найдёт дорогу к сердцу

О новой национальной политике России – 2036

В.В. Путин: «Минобрнауки России разработать совместно с федеральным государственным бюджетным учреждением «Российская академия наук» и утвердить комплексную программу научных исследований, связанных с всесторонним междисциплинарным этнографическим изучением государствообразующего русского народа, предусмотрев её реализацию в 2026–2028 годах».

Т.Н. Трунилова. Фото предоставлено Комитетом по делам национальностей. Автор неизвестен

12 декабря 2025 года в рамках Международного форума «Мы единое целое» в Тюмени прошла панельная дискуссия «Унификация подходов к реализации государственной национальной политики». Она состоялась практически сразу после озвученных решений президента о новой стратегии в национальной политике. По итогам дискуссии редакция журнала «Сибирское богатство» задала несколько вопросов председателю Общества русской культуры Тамаре Николаевне Труниловой:

– *Тамара Николаевна, на ваш взгляд, что действительно нового озвучил наш президент?*

– В Указе президента от 25 ноября 2025 года представлена основательно разработанная стратегия национальной политики до 2036 года. В условиях внешних угроз, которые мы ощущаем всё сильнее, на первое место выходят такие векторы развития, как укрепление гражданского единства и усиление роли русского народа при сохранении уникального этнокультурного многообразия страны. Стоит обратить внимание на то, что впервые отдельным приоритетом заявлена поддержка языка и культуры государствообразующего народа: «Русская самобытность, традиция, культура, язык… нуждаются в самом бережном отношении и защите. Их объединяющая роль – гарантия единства нашего многонационального уже Отечества…»

Готова повторить сказанное мною во время обращения к областному отделению Ассамблеи народов России: «Указ обстоятельный и должен стать настольной книгой и руководством к действию для всех членов нашего с вами содружества, тем более что создание Ассамблеи народов России упоминается как один из важных этапов в сфере реализации государственной национальной политики. На нас возлагаются определённые надежды по гармонизации межнациональных отношений, и мы должны их оправдать. Что, кстати, в нашем регионе делается довольно успешно…

– *В таком случае, расскажите и об этой работе.*

– Тюменская область стала первым после Москвы регионом, где начал осуществляться Всероссийский литературно-патриотический проект «Русские чтения» – цикл публичных чтений произведений классиков и современных авторов с участием политических и общественных деятелей, представителей культуры, науки и спорта, школьников и студентов и даже иностранных граждан. Важно, что все эти произведения звучат на русском языке! В 2025 году «Русские чтения» проходили в рамках марафона «История России – история Побед!», посвящённого героическим событиям разных исторических эпох, начиная с победы на Чудском озере в XIII веке, заканчивая успехами на фронтах специальной военной операции. Открытие проекта состоялось 18 февраля в Москве, а уже 26 февраля «Русские чтения» собрали участников в тюменском ДК «Нефтяник» и продолжились на следующий день в Тобольске.

Мне хотелось бы напомнить слова Александра Дарковича, генерального директора Ассамблеи народов России, Героя России, поблагодарившего тюменцев за гостеприимство и заметившего, что в регионе ищутся различные способы говорить о российской истории так, чтобы молодёжь гордилась своими предками. Тюменские «Чтения» доказывают, что получается это у нас удачно. Добавлю,

что в проекте приняли участие артисты Тюменского драматического и кукольного театров, специалисты городской библиотечной сети, студенты, школьники, общественные деятели, писатели, журналисты, представители национально-культурных объединений и местных отделений Ассамблеи.

– Самым ярким и массовым мероприятием у нас всегда считались Кирилло-Мефодиевские чтения.

– Дни славянской письменности и культуры в Тюменской области – проект, реализуемый с 1977 года по инициативе учёных Тюменского университета и членов Общества советско-болгарской дружбы, которые позднее создали наше Общество русской культуры. Основной концепт проекта – «От славянской грамоты – к единству народов». В рамках программы ежегодно проходит около двухсот мероприятий в Тюмени и муниципальных образованиях. Международная конференция объединяет научную общественность, духовенство, писателей, общественных деятелей, студенческую молодёжь и школьников. Именно молодых людей надо заинтересовывать и привлекать к изучению родной корневой культуры. Несколько лет подряд в рамках «дней» проходит онлайн-викторина «Русский язык – живая связь времён и народов», в которой принимают участие тысячи представителей из семнадцати стран. В настоящее время мы развернули предварительную подготовку к юбилейной 50-й конференции 2027 года. Планируем оцифровать материалы предыдущих форумов и выпустить несколько томов лучших статей, в которых будет достойно представлена тюменская филологическая школа за полвека, история и культура нашего края.

– А как строится работа с детьми и молодёжью?

– Как раз сегодня мы разрабатываем проект «Навигатор в будущее», рассчитанный на участников от 3-х до 18-ти лет. Он будет знакомить детей с народной и духовной культурой, начиная с детского сада. В течение года программа пройдёт апробацию в Тюмени при поддержке студентов и молодых преподавателей института культуры. В дальнейшем наработанный опыт должен быть обобщён, и мы начнём его тиражировать.

Кроме того, в настоящее время нами разрабатывается патриотический проект по привлечению школьников и студентов различных национальностей к подготовке третьего издания хрестоматии «Вокруг любви непобедимой: стихи о Родине» из серии «Мы живём в России». По итогам областного конкурса видеороликов в книгу будут отобраны стихи с комментариями его участников, объясняющими, почему они выбрали для чтения именно это произведение. Мы уверены, что книги будут прочитаны, и Слово найдёт дорогу к сердцу. Одна из номинаций конкурса – авторское чтение, после которого писатель тоже скажет несколько обращённых к читателю слов. На участие в проекте уже дали согласие тюменцы – авторы книги «Фронтовой сборник: школьникам о Героях», выпущенной осенью Обществом русской культуры.

Азербайджанский поэт из Пыть-Яха Княз Гочаг в гостях у Общества русской культуры (2022).
Фото предоставлено Обществом русской культуры.
Автор неизвестен

Издание книг тюменских авторов, краеведов и первосвятителей – большая часть работы Общества русской культуры. Её поддерживают депутаты Тюменской областной Думы и Комитет по делам национальностей. Книги, издаваемые Обществом русской культуры, высоко оцениваются на региональных и федеральных конкурсах. Литературное наследие, печатное слово – основа культуры. Вот и ваш медиахолдинг «Тюменская область сегодня» в альманахе «Врата Сибири» вернул читателям считавшийся утраченным роман тюменского классика Зота Тоболкина «Долгий путь к ближнему». Его презентация в областной библиотеке стала ярким событием общественной и культурной жизни нашего края. Этот пример должен послужить – и уверена – послужит ориентиром для других издательств, государственных и общественных организаций.

Пусть это прозвучит несколько пафосно, но по-другому, наверное, не скажешь: обращённость к человеку, трансляция традиционных ценностей, признание исторически сложившегося этнокультурного многообразия при поддержке и защите языка как культуры государствообразующего русского народа, так и других коренных народов страны, будут способствовать укреплению единства российской нации, обеспечению будущего нашего Отечества и его государственно-цивилизационного устройства.

От редакции: по словам президента РФ В.В. Путина, «русский язык – один из самых образных, богатых и выразительных языков мира, который объединяет многонациональный народ России, отражает наши духовно-нравственные традиции, культуру и самобытность...» В той же речи 5 июня 2025 года наш лидер говорил о важности книгоиздания и особенно детской литературы. Также было озвучено предложение создать детскую Пушкинскую карту. Журнал «Сибирское богатство» остаётся хранителем и русского языка, и нашего многонационального многообразия, образующего уникальную цивилизацию России.

«Сибирское богатство» № 1'2026

Текст Ляйсан АЙДБАЕВОЙ

Ирина Широкова: между обществом и властью

Мы живём в эпоху информационного вала. Точнее – в эпоху информационного шторма, при котором ветры дуют сразу со всех сторон, а ещё сверху и снизу. Мы живём в эпоху, когда социальные сети заполнены мнениями и идеями, а мессенджеры – не всегда очевидными посылами. Все эти ветры, мысли, крики, шёпот – в нашем случае сходятся в одной точке – департаменте общественных связей Тюменской области. И все эти связи должны быть двусторонними, они не имеют права обрываться и должны подвергаться всестороннему анализу. Сложность задачи – из разноголосицы выделить гармонию между властью и народом, донести ключевые императивы как возможностей, так и необходимостей, при этом осваивая всё новые и новые волны бушующего эфира и технических возможностей. И во всей информационно-аналитической кутерьме ни в коем случае не превратиться в бездушный коммутатор, сохраняя в себе человека. Обо всём этом мы говорим с директором департамента общественных связей Ириной Широковой.

Ирина Широкова. Фото С. Куликова

– Мы выступили организаторами встречи главы региона с профессиональным сообществом. Она традиционная и ежегодно собирает более полусотни представителей ключевых редакций СМИ, распространяющихся в области.

Вы спросите: «Почему не собираете только печатные, праздник-то про них? Есть же ещё День радио и Международный день телевидения». Конечно, можно и так, всех в свой праздник, но в современном мире одна редакция выпускает сразу несколько СМИ. У нас в регионе практически нет такого коллектива, который бы работал только на одно издание или канал. Например, журналисты печатных изданий сейчас работают в условиях значительных изменений медиаландшафта. Если взять любую нашу «районку» (районную газету – прим. ред.), то и она выпускает в свет минимум печатное и интернет-издание. Вот и ваш медиахолдинг – изначально был газетой, теперь же в составе есть и журналы, и интернет-СМИ, и социальные сети, и мессенджеры. А сейчас вы пробуете и с видеоконтентом работать, и в офлайн выходить.

Все стремятся к одной цели, поэтому ранее и было принято решение в эту дату в начале каждого календарного года собираться для обсуждения планов и задач на ближайшую перспективу. Это ещё и возможность для редакций рассказать губернатору

С губернатором Тюменской области Александром Моором. Фото из личного архива И. Широковой. Автор неизвестен

лично о реализованных проектах, поделиться важными событиями и новыми инициативами. Так, на последней встрече редакторы презентовали, что интересного удалось сделать в Год героев в Тюменской области, а также делились идеями на предстоящий Год единства народов России.

О главных вызовах и критике власти

– Какие темы или события за последние годы были самыми сложными с точки зрения освещения?

– Пандемия, паводок и СВО. Эти события требовали от журналистов профессионализма и этического подхода. Все они «отточили» наши умения работать в условиях неопределённости и высокого информационного давления. Почему?

Пандемия была сложной из-за длительности процесса, неизвестности и быстро меняющейся ситуации. Появлялись новые данные о вирусе, постоянно обновлялись меры профилактики и лечения. Было много информационного шума, противоречивых фактов, включая фейки и ложные теории. Население волновалось, и это эмоциональное состояние аудитории надо было учитывать. А если вспомнить: в Тюменской области был зарегистрирован один из двух первых случаев COVID-19 у человека. Мы принимали первый борт из Китая на обсервацию с нашими гражданами. Задача не допустить паники оказалась непростой, надо было оперативно, без права на ошибку, во всех медиасредах с присущим им языком и видами контента донести актуальную информацию. На нас в то время обрушился шквал запросов СМИ со всей России. Для централизации потока информации Павел Викторович Белявский (предыдущий директор департамента – прим. ред.) придумал тогда создать телеграм-канал «Оперативный штаб Правительства Тюменской области» и единое окно для запросов СМИ (чат-бот). Ежедневно велись видеосводки с информацией по обстановке с ковидом и т. д. Это только один из инструментов работы с повесткой, который мы применили первыми в стране. И применяем до сих пор. Только сейчас это «Информационный центр Правительства Тюменской области», который, кстати, уже есть и на отечественной площадке в мессенджере MAX.

Во время паводка в 2024 году от нас также требовалась быстрая реакция на постоянно меняющуюся ситуацию. А как станет она развиваться, было не до конца понятно. Это ведь ЧС. Задержка или искажение информации могли привести к панике и неправильным действиям населения. Вместе с губернатором тогда большая часть сотрудников департамента работала на месте событий, в эпицентре паводка. В режиме нон-стоп, без выходных работал региональный оперштаб. Тогда мы сделали выездные пресс-центры (их было два, по количеству рек – прим. ред.), которые стали не просто местом для работы журналистов со всей страны, но и точкой сбора, аккумуляции опять же информационных потоков. С колёс выходили сводки, рассказывали о выплатах и необходимости эвакуации. Главное, не допустили паники. Наш опыт информационной работы был признан лучшим в стране. Кстати, наша кампания по информированию о паводке в Тюменской области в 2024 году стала лауреатом XIII программы «Лучшие социальные проекты России» и победителем в номинации «Продвижение государственных и общественных программ» премии в области коммуникаций «Серебряный Лучник» – Урал.

В освещении СВО мы столкнулись с массированным потоком дезинформации, которую нужно было фильтровать. Роскомнадзор блокировал тысячи фейковых материалов. В разы увеличилась работа с разъяснениями и обращениями в социальных сетях и на «Платформе обратной связи». И вот эта работа на данном ресурсе в Тюменской области в 2025 году вошла в топ-10 регионов по стране.

– Недавно дело о критике власти дошло до Верховного суда. А как вы лично относитесь к реакции граждан на действия органов власти?

– Главное, чтобы критика была конструктивной.

Или иными словами – качественной обратной связью. Лично для меня конструктив – это всегда уважение точек зрения. Руководителю важно заранее просчитать, увидеть, где могут быть сбои. В этом нам помогают возможности обратной связи – мы запускаем анкеты, проводим опросы общественного мнения или предлагаем поделиться своим мнением в соцсетях. Для этого на «Госуслугах» работает сервис «Платформа обратной связи».

То же самое касается и медиа. Мы за то, чтобы соблюдался журналистский стандарт, чтобы не было истории, когда дают только одну позицию в погоне за громкими заголовками. Чтобы при подготовке материалов журналисты были объективны, использовали достоверные и проверенные факты, соблюдали баланс мнений.

О новой философии информационного пространства

– Вы возглавили департамент в августе 2023 года. Что стали менять в первую очередь?

– И до, и после моего назначения на эту должность я была в команде с Павлом Викторовичем Белявским. В департамент пришла в августе 2017 года. Вместе с ним разрабатывали вектор, которому департамент и сегодня следует и продолжает решать все поставленные задачи.

А в целом, сразу ведь всё не поменять. У нас 33 подведомственных учреждения, это почти тысяча людей. С каждым сегментом работаем последовательно. Перезагружали типографии Тюменского издательского дома, чтобы сохранить их в регионе. В пандемию запустили в новом формате региональное телевидение, а следом переходили на «цифру», подключая жителей к цифровому вещанию. Трансформировали и медиахолдинг «Тюменская область сегодня». Каждый год что-то меняем, совершенствуем. Думаем, что изменить в районных медиа. Смотрим на проблемы и с точки зрения содержания и формата. Может, СМИ стоит расширить функционал, быть ещё и центром общественной жизни – такой точкой притяжения для людей? Например, ваша газета стала активно выходить в офлайн и запускать акции по типу «Киноподвига» (бесплатные кинопоказы военных фильмов в честь 80-летия Победы – прим. ред.).

– В октябре департаменту общественных связей будет 10 лет. Как за это время менялись его миссия и задачи?

– Главная миссия департамента осталась неизменной. Мы отвечаем за формирование единого информационного пространства, поддержку региональных СМИ и реализацию государственной политики в сфере массовых коммуникаций. Её реализация адаптируется к изменениям в структуре правительства, технологическому развитию и актуальным социальным задачам.

Например, раньше департамент занимался распространением информации: есть новость – мы её везде публикуем. Позже стратегия поменялась – в центре внимания стал инфоповод и его создание, в том числе и органами власти. Сместили акцент в сторону новых медиа – это всё, что касается социальных сетей, работы в интернете и с лидерами общественного мнения. Изменилось и законодательство: в соцсетях появились наши официальные каналы информации, так называемые «госпаблики», создали систему инцидент-менеджмента и платформу обратной связи. У каждого органа власти теперь есть свои группы и каналы на разных площадках – мы помогаем их администрировать, отрабатывать обращения от жителей.

Сейчас у нас новый вызов – искусственный интеллект. Случаи, когда люди производят в нейросетях фото- и видеофейки, учащаются. Здесь нужно очень быстро реагировать и опровергать недостоверную информацию. Но ИИ ведь не только о фейках. Наши подведомствен-

САПфест, август 2025 года. Фото из личного архива И. Широковой. Автор неизвестен

ные организации, особенно СМИ, активно осваивают и внедряют его и, как говорится, в хороший продукт. ИИ помогает нам, например, в медиамониторинге и анализе общественного мнения. Даёт возможность при умелом его использовании быстро реагировать на кризисные ситуации, формировать правильную коммуникационную стратегию.

Губернатор Тюменской области Александр Моор подчёркивал, что ИИ – это «мощнейшая технологическая сила, которая меняет облик экономики», и она должна использоваться для повышения качества жизни граждан. Это значит, идём дальше и цифровизируем процессы.

– В 2025 году молодёжная политика выделилась в отдельный департамент. Что это изменило в вашей работе?

День молодёжи, 2025 год. Фото из личного архива И. Широковой. Автор неизвестен

– Да, молодёжная политика, как и во всей стране, по поручению президента России, и в нашем регионе ушла в отдельный орган власти. Почти 10 лет департамент курировал это направление. В рейтингах молодёжной политики за это время регион удерживал лидерские позиции среди субъектов страны. Так, наша команда, организовавшая форум молодёжи Уральского федерального округа «УТРО» в прошлом году заняла третье место в номинации «Молодёжное событие года» Всероссийской премии молодёжных достижений «Время молодых». Вообще в прошлом году более 350 тысяч молодых людей – участники наших мероприятий. Их мы провели в наших общественных пространствах порядка пяти тысяч, в том числе и юбилейный, 30-й фестиваль «Студенческая весна».

Ещё раньше, в 2024 году, в рамках рейтинга Ассоциации молодёжных правительств Российской Федерации наш студсовет завоевал звание «Лучшее молодёжное правительство» – вошли в топ-5 молодёжных правительств – Российской Федерации и первое место в УФО. А также третье место в премии «Время молодых» занял Студенческий совет Тюменской области.

По линии молодёжной политики за этот период наш департамент запустил несколько общественных пространств. Это и театральный центр «Космос», и мультицентры «Контора пароходства», «Моя территория» в городах Ишим, Тобольск и Тюмень.

На уровне губернатора Тюменской области было принято решение – оставить данную инфраструктуру у нас в департаменте, так как она работает не только для молодёжи, но и для всех жителей региона.

В 2019 году «Контора пароходства» запускалась как центр развития визуальной культуры и мышления в целом, поддержки «создателей», тогда она была единственной такой площадкой. Сегодня подобных пространств, которые тоже работают над этими задачами, уже много. В областном центре это ТАРКИ, улица Дзержинского с её разными активностями, центр стратегического развития «Сибирь», Лаборатория мышления, коммуникации и смыслов в Тюменском технопарке, появился и ряд весьма интересных коммерческих проектов. В 2019 году мы как раз мечтали о том, чтобы таких точек производства «смыслов» становилось как можно больше, сейчас хотим собраться с данными командами и обсудить, какие новые направления и проекты нужны для жителей региона, что может стать новой точкой роста. Провести своеобразную перезагрузку деятельности.

Когда рассказала своей маме, что больше не курирую молодёжную политику, она с надеждой спросила: «Тебе теперь, наверное, легче будет?»

Нет, работы меньше не становится. Как я уже сказала, у нас остались общественные простран-

ства, плюс мы обеспечиваем взаимодействие с Администрацией президента, реализуем общественные проекты по их линии, такие как участие в работе и запуск филиала Национального центра «Россия», проект «Боевой кадровый резерв Тюменской области», аналог федеральной программы «Время Героев». В ноябре выступили соорганизаторами региональных дней Всероссийского форума муниципальных образований «МАЛАЯ РОДИНА – СИЛА РОССИИ». Думаю, что будут ещё новые проекты.

Офлайн – новый тренд

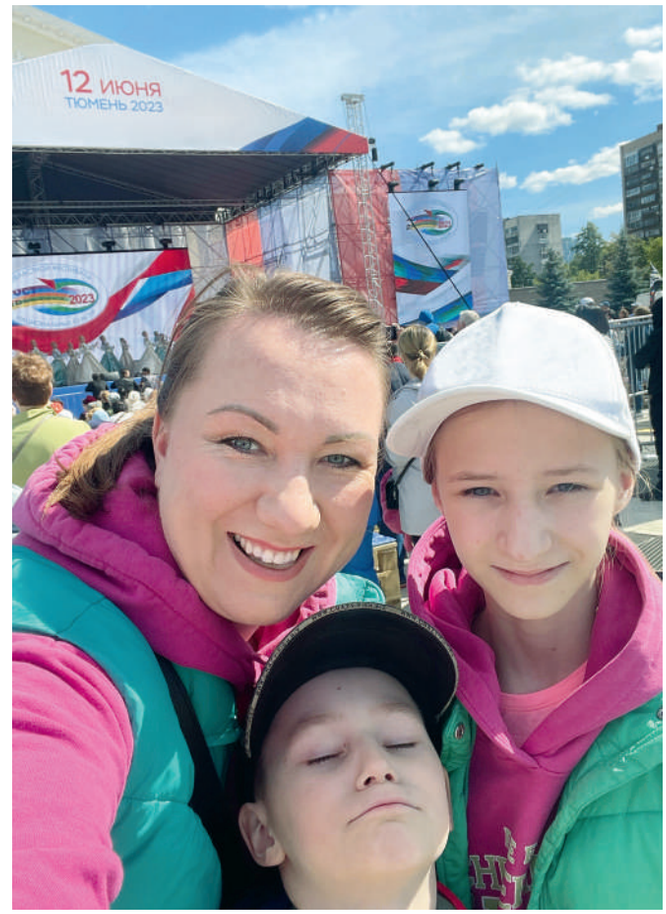
– А существует ли тюменская школа госуправления и коммуникации?

– У нас в регионе много настоящих профессионалов, есть продуктивная среда и есть чему поучиться. В тюменской команде – ориентир на постоянное развитие. Мы регулярно проводим стратегические сессии, где делимся результатами работы, что-то совместно проектируем, создаём общий словарь понятий и вызовов.

Каждый делится своим большим опытом и учит других.

– А есть ли какой-то идеальный микс каналов для общения с жителями области?

– Всё работает только в комплексе. И как бы не говорили, что умирают традиционные СМИ – телевидение, радио и газеты – у всех есть своя ниша и аудитория. А сегодня в связи с перебоями мобильного интернета у них вновь явное преимущество – они всегда доступны. Можно выделить и соцсети. У них есть возможность точечного попадания в аудиторию, у которой действительно данная информация будет востребована. То есть выделить из общего числа пользователей только ту часть, которая соответствует заданным критериям, и направить сообщение именно ей. 100-процентное целевое попадание.



Главная ценность – семья, считает Ирина Широкова. День России, фестиваль «Мост дружбы», 2023 год. Фото из личного архива И. Широковой. Автор неизвестен

9 мая, 2025 год. Фото из личного архива И. Широковой. Автор неизвестен

Отдельный блок, за которым большая точка роста, – это коммуникация внутри сообществ. Каждый живёт в своём информационном пузыре, и бывает очень сложно достучаться до него со своей информацией. Поэтому выходим в офлайн, чтобы передавать знания от человека к человеку.

Есть ощущение, и исследования это подтверждают, что люди уже устали от постоянного информационного потока. Пандемия сильно скорректировала нашу реальность в этом плане, мне кажется. Да, стало легче из-за онлайн-созвонов – меньше времени на перемещения. Но и «живых» встреч стало гораздо меньше.

Это хорошо видно в сфере медиа: журналисты перестали ходить на пресс-конференции. Зачем, если можно посмотреть онлайн-трансляцию или запись? Сейчас идёт возвращение к офлайн-мероприятиям – встречам, обучениям и просто живому общению.

Дочь военного хирурга, мечтающая о генной инженерии

– В некоторых СМИ пишут, что вы родились в семье военных врачей. Это так? Оттуда системность, умение брать на себя ответственность, «ставить диагнозы» и «лечить»?

– Врач у меня только папа. Он – военный хирург. Мама как жена военного всегда следовала за ним. Работала в военных частях в экономическом блоке. Они и в Монголии служили, и Байкало-Амурскую магистраль строили. Им даже недавно в администрации города вручали медали к юбилею этого события. Заканчивал службу отец в звании подполковника начальником в военном госпитале.

Форум уральской молодёжи «УТРО», 2019 год. Фото из личного архива И. Широковой. Автор неизвестен

Как оказались в Тюмени? Тут целая история (улыбается). Когда-то папе дали направление: на выбор Рязань или Тюмень. Правда, это выяснилось чуть ли не 30 с лишним лет спустя на семейных посиделках – мама даже не знала об этой истории! В то время Рязань казалась как будто перспективнее, да и ближе к малой родине – мы из Мордовии. Но папа сделал свой выбор, и когда мне было два года, мы переехали в Тюмень. За это ему огромная благодарность, так как я очень люблю наш город.

– Почему решили поступать на юриста, а не пойти по стопам отца в медицину?

– Кроме папы у меня бабушка фельдшером работала, сестра в гинекологии сейчас. Но сфера медицины меня совершенно не привлекала. В школе было два любимых предмета: русский язык и биология. Благодаря победам в олимпиадах меня пригласили бесплатно учиться в гимназию ТюмГУ. На выбор: гуманитарный и естественно-научный классы. Я пришла советоваться к папе. Сказала ему, что хочу стать генным инженером. Мне было интересно разбираться во всяких мутациях, формулах и прочем. А папа сказал: «Какой генный инженер?! Всю жизнь хочешь с анализами просидеть? Никакой карьеры!» Пошла в гуманитарный класс. Поэтому в 10–11-м классе думала о журналистике. Я тогда училась в школе юных корреспондентов ГТРК «Регион-Тюмень». Мы делали сюжеты в программу «Час для вас».

У мамы экономическое образование, и во время вступительной кампании модным стало учиться на экономиста. Поэтому я тоже решила идти в эту сферу. Даже готовилась к усложнённому тестированию по математике. Но на экзамене до пятёрки не хватило всего пары баллов. Я тогда решила, что из-за этого не попаду на бюджет, и подала документы на юриспруденцию: благодаря золотой медали и пятёрке по русскому языку уверенности, что поступлю, было больше. Уже позднее оказалось, что точно бы прошла, ведь набрала на экономику 221 балл, когда проходной был 180.

Не жалею, что пошла на юридическое. Это отличная база для любой сферы. К тому же, экономическое я позже всё равно получила как профпереподготовку. Ну и мечты о журналистике, получается, тоже воплотились, хоть немного и в другой форме.

Семейные ритуалы и цифровой этикет

– Вы – многодетная мама. Как оберегаете детей от нежелательного контента?

– Мне кажется, это боль всех мам. У сына стоит родительский контроль на телефоне. А дочери уже больше 14 лет – и ей надо самой учиться контролировать потоки информации. Поэтому говорим о выборе, о формировании инфополя под свои задачи и интересы. Но это сложно. Тебе как родителю хочется одного, а подростку порой – другого.

– А есть ли семейные ритуалы без гаджетов?

– Нам очень нравится вместе играть в настольные игры. Мне, правда, не всегда хватает времени и терпения доигрывать.

Ещё когда пьём чай или ужинаем, зажигаем свечу и делимся эмоциями. К сожалению, не каждый день удаётся, но итоги недели в таком формате

всегда стараемся подводить. Традиция вечернего огонька нравится мне с тех пор, как я работала вожатой в детском лагере.

И у нас есть закрытый семейный канал, где мы с детьми подводим итоги месяца – самое яркое событие, фотографии и просто заметки. Я за то, чтобы хранить историю и воспоминания.

– На какие ресурсы вы обязательно заглядываете утром, чтобы понять повестку дня?

– У нас есть наш мониторинг, он работает практически в круглосуточном режиме. В первую очередь читаю его. Я подписана на многие каналы, которые публикуют разные общественно-политические кейсы. Есть ресурсы, которые читаю для общего развития: каналы про креатив, социальную рекламу, маркетинг. Ну и, естественно, отраслевые медиаканалы.

– Есть ли в вашей жизни цифровой детокс?

– Да, конечно. В нашей работе без него сложно, постоянно приходится сталкиваться с негативом. Хоть и появляется броня со временем. Быть на связи нам надо 24/7. Это тоже непросто – постоянно беспокоиться, что пропустишь звонок или событие.

Поэтому сейчас вводим практику дежурств по выходным. Мы с моим заместителем договариваемся, кто в какой день будет на связи, а кто в это время может полностью отключиться, как говорят, «от сети». Отдыхать тоже надо.

Ещё ввожу практику цифрового детокса, когда провожу время только с одним из своих детей. Когда мы все вчетвером, не успеваю уделить достаточно внимания каждому. Последний раз с дочкой выезжали на сутки в туристический лесной комплекс, а там совсем нет связи. Я спокойно переношу время без телефона, а у дочери была ломка. Это надо было видеть.

«Тут нет связи, мама, что мы будем делать с тобой 24 часа вдвоём?! Ну ладно, поедим – это час, потом ещё один погуляем, а потом-то что?!» Она ходила по лесу в надежде, что где-то интернет всё же появится. Мы, конечно, нашли, чем занять это время: гуляли, разговаривали, играли в настольные игры, несколько фильмов посмотрели.

– Какая книга, прочитанная за последний год, особенно вас вдохновила?

– «Выбор» Эдит Евы Эгер. Она попадалась мне в рекомендациях, все советовали её прочесть. Решила послушать в аудиоформате, пока летела в командировку. Когда рассказчик начал читать – стало тяжело. У меня всегда всё внутри переворачивается от историй про фашизм, геноцид и концентрационные лагеря.

Эта книга перекликается с произведением Виктора Франкла «Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере». Его тоже могу посоветовать. Мне кажется, это нужно прочесть каждому. Особенно тем, кто думает, что всё у них в жизни плохо. На самом деле, выбор есть всегда, даже в самой трудной ситуации.

– Ваша мечта на ближайшие пять лет?

– Если говорить про медиасферу, хотелось бы, чтобы тюменская медиашкола масштабнее профессионально развивалась. Возможно, стоит подумать о создании коллаборации с университетом и запустить совместные курсы.

Если про себя, я всегда говорила, что когда выйду на пенсию, пойду преподавать в университет. У меня ведь и педагогическое образование есть. Я два года была учителем права в старших классах гимназии Тюменского госуниверситета. Мне очень нравилось работать с ребятами.

Сейчас мой опыт и знания больше связаны с медиа, чем с правом. Хотя на госслужбе и юридические знания тоже очень выручают. Не знаю, как всё будет через много лет. Возможно, и учебные процессы изменятся. Но тема, связанная с обучением, передачей знаний и развитием человека, для меня точно останется ключевой.

– Какой совет вы бы дали себе, недавно окончившей университет и начинающей путь в молодёжной политике?

– Больше смелости.

Фото С. Куликова

Текст Дарьи АКСАРИНОЙ

Две культуры на одной волне

Тюменские преподаватели в Монголии

В ушедшем году, 21–23 ноября, в Улан-Баторе, на базе Русского дома в Монголии прошло знаменательное мероприятие – «Русская филологическая школа 2025», организованное и проведённое преподавателями Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета при грантовой поддержке Россотрудничества. Трём дням образовательного интенсива предшествовало несколько месяцев напряжённой организационной и методической работы тюменских русистов.
В дружественную страну с уникальным курсом отправились исследователи, преподаватели Тюменского государственного университета, кандидаты наук: Светлана Олеговна Драчёва, Лариса Валерьевна Басова, Татьяна Николаевна Рацен, Наталья Александровна Аксарина, Ольга Викторовна Почтарёва, Яна Петровна Полухина и Елена Айбулатовна Набиева.

– Ваш проект носит громкое название – «Русская филологическая школа 2025» в Монголии. Кто был учениками в этой школе и какова её миссия?

Н.А. Аксарина: РФШ – комплексный проект, преследующий несколько значимых целей. Самая важная – распространение и поддержка русского языка в мире. Не все знают, что русский – один из шести официальных языков ООН, сегодня на нём говорят более 255 миллионов человек. Казалось бы, это много – однако в конце советской эпохи по-русски говорили почти 350 миллионов. Так что всего за 40 лет количество владеющих русским языком сократилось на целую сотню!

Монголию и Россию связывает давняя дружба. Между прочим, в государственных школах Монголии русский язык изучается как иностранный, так что мы приехали помочь монгольским учителям-русистам. Они жаловались на несовершенство и неудобство учебников, по которым школьники изучают наш великий и могучий. И мы предложили коллегам не «рыбу» (готовые пособия), а «удочку» – помогли освоить технологии самостоятельной разработки гибких образовательных курсов. Такие курсы подстраиваются под запросы конкретной аудитории и заодно избавляют учителя и ученика от полной зависимости от несовершенств учебника. В основу пилотного гибкого курса положили работу с текстом, причём с таким, который формирует и культурный кругозор, и языковые навыки.

– В чём, на ваш взгляд, значимость и ценность этой «Русской филологической школы» в Монголии?

Преподаватели ТюмГУ с монгольскими коллегами и сотрудниками Русского дома на закрытии РФШ.
Фото Е. Набиевой

Т.Н. Рацен: «Русская филологическая школа 2025» – не просто краткосрочные курсы повышения квалификации для молодых учителей, а серьёзный проект, работающий одновременно в образовательном, культурном, политическом и социальном измерениях. Он вносит прямой вклад в укрепление авторитета России, развитие кадрового потенциала Монголии и сохранение русского языка как важного инструмента международного диалога и взаимопонимания.

Лингвисты – преподаватели ТюмГУ, – формируя привлекательный образ России, выступили не только как носители знаний, но и как представители современной российской культуры и науки, опровергая возможные стереотипы, демонстрируя открытость, инновационность, наивысший уровень российской гуманитарной мысли.

– Непростые задачи. Да и гибкий курс – технология для ваших коллег из Монголии, как я поняла, совершенно новая. С чего начинали работу? Удалось ли пробудить и сохранить интерес слушателей?

Л.В. Басова: Ещё до поездки мы подготовили аналитическую справку об уровне владения наших будущих слушателей русским языком. Для такой педагогической разведки нам понадобилось придумать диагностические задания. Я как руководитель методической группы взялась за разработку основной концепции. В итоге было решено составить тест и дополнить его эссе. Тест и критерии его оценивания сочиняли всем коллективом, мы с Яной Петровной Полухиной составили детальную аналитику. А вот критерии для оценивания эссе разработала Наталья Александровна Аксарина. Интересно, что наши ученики стали спотыкаться на заданиях по межкультурному общению. Вероятно, практики культурного обмена всё же не хватает. Зато к знанию русского языка у наших слушателей не придраться – писали в среднем на восемьдесят процентов!

– Татьяна Николаевна, вы самый опытный РКИст в команде, потому, вероятно, от вас у коллег были особые ожидания. Как справлялись с адаптацией материала для нерусских слушателей? Какие тонкости и подводные камни были в подготовке курса для монгольской аудитории и в проверке дистанционных работ участников «Русской филологической школы»?

Т.Н. Рацен: В нашей команде, наверное, я была одним из самых придирчивых критиков, и, зная это, мои коллеги доверили мне ответственную миссию – адаптировать их продуманные до мелочей разработки (лекции, практики, мастер-классы и др.) под наших монгольских преподавателей.

Как я и предполагала, все с душой подобранные языковые и медийные материалы оказались эксклюзивными, интересными, я бы сказала, «вкусными». Для этого много и долго обсуждали каждый слайд, переделывали, перекраивали, подбирали нужные слова, меняли видео- и аудиоконтент.

Монгольские учителя-русисты на занятии. Фото Е. Набиевой

При проверке дистанционных работ участников РФШ заметили немало любопытного. Некоторые участники, создавая эссе, активно использовали нейросеть: бросились в глаза дежурно-стандартные фразы, чёткая структура текста, исключительные выводы. В письменных работах почти не было орфографических ошибок, но встречались пунктуационные погрешности (как и в работах наших русских студентов). Монгольские учителя слабо знакомы с русскими фразеологизмами, практически не знают русские культурные коды, молодые преподаватели не смотрели советские фильмы, а из российских исполнителей слушают только Полину Гагарину. Поэтому при разработке квиза и квеста мы постарались учитывать все эти особенности.

– Ольга Викторовна, вам досталась одна из самых сложных областей – грамматика. Грамматический строй монгольского и русского языков сильно отличается, что необходимо учитывать в работе. Насколько тщательно пришлось изучить грамматику языка дружественного народа, чтобы суметь доступно объяснить особенности русского языка? Пожалуйста, расскажите немного о вашем научном поиске и подготовке материалов.

О.В. Почтарёва: Да, мне досталась грамматика, один из самых важных разделов языка, его каркас, если хотите – скелет, и сравнение русского и монгольского грамматического строя – это сопоставление двух разных систем мышления.

Я убеждена, чтобы объяснить структуру любого языка, нужно понять точку отсчёта слушателя, поэтому мой научный поиск начался не с русской грамматики, а с монгольской. Мне было важно разобраться в грамматических явлениях, которые отличают монгольский язык от русского, и определить, какие трудности могут испытывать изучающие русский язык как иностранный. Например, в монгольском языке есть система падежей, правда, называются они иначе, чем в русском. Их восемь, а не шесть, как мы привыкли.

В монгольском языке нет категории рода и вида, а число может выражаться не окончанием, а контекстом – и многое, многое другое. Без понимания того, как соотносятся родной и изучаемый иностранный язык, можно только транслировать грамматические правила русского языка, но не обучать им. Мне кажется, основная задача грамматиста при преподавании русского как иностранного – не заменить одну грамматическую систему на другую, а построить в сознании ученика мост между этими системами и дать ему инструменты для перекодирования мысли. Глубокое изучение грамматики монгольского языка – это и есть ключ к доступному объяснению русского. Это диалог двух культур на уровне самой структуры мышления, и это невероятно интересно.

– А что оказалось самым сложным в работе?

Т.Н. Рацен: Самое сложное – это организационные моменты, когда ты понимаешь, что есть вещи от тебя не зависящие. И тут начинается тревога, стресс, переживания: а все ли смогут приехать, а не подведут ли партнёры, которые отвечают за раздаточный материал, фуршеты, стенды и прочее? А есть ли интернет, какое оборудование, а как нас встретят на месте? Всё проходит, когда выходишь на сцену к своим дорогим монгольским коллегам.

Е.А. Набиева: Для меня как ответственной за освещение мероприятия самым сложным было создание публикаций, которые бы отвечали требованиям Россотрудничества. Работа с информацией – дело деликатное, а материала набралось очень много. Нужно было сделать и корректную, и информативную выборку.

– Светлана Олеговна, вы выступали в качестве главного организатора, делопроизводителя команды. Это, как правило, труд закулисный и при этом тяжёлый. Насколько гладко проходила работа, какие возникали организационные трудности, неожиданности?

С.О. Драчёва: Мы немного не подгадали с приездом. Как раз на этапе набора слушателей на наш курс – а это работа с администрациями учебных заведений, непосредственно с преподавателями – в Монголии грянула забастовка работников сферы образования. Жаловались на низкую заработную плату. В сентябре забастовка проходила в тлеющем режиме, но к отборочному этапу нашего мероприятия разгорелась. На фоне этих волнений стало сложно наладить связь с аудиторией, ведь общение проходило через официальные каналы, к которым мы не имели доступа. Более того – наши коллеги даже по личным контактам не выходили на связь. Мы изрядно понервничали из-за недобора участников – почти половины не хватало! Усугубляло ситуацию и то, что в отдалённых районах сеть работала нестабильно, что мешало связываться с коллегами из монгольской глубинки. Необходимую для курсов сотню участников мы набрали с немалым трудом.

Встреча с Улан-Батором

Т.Н. Рацен: Монголия – страна контрастов. Начиная с аэропорта и самолета, на котором мы летели из Иркутска в Улан-Батор и обратно, заканчивая своеобразным монгольским бытом. Например, командиром нашего воздушного судна оказалась женщина. Было страшно, но она очень аккуратно подняла и посадила самолет, который летел так низко, что, казалось, мы вот-вот заденем пик какой-нибудь горы.

Е.А. Набиева: Да, устланный заснеженными горами монгольский горизонт производит неизгладимое впечатление. Особенно красиво в солнечные безоблачные дни, когда сине-белые вершины вырисовываются на светло-голубом небе. От такого пейзажа не отвлекал даже мороз.

Не порадовал, правда, смог, который порой портил пейзаж и был источником не самого приятного запаха. Дело в том, что в черте города есть

Работа группы над методическим проектом, второй день РФШ.
Фото Н. Аксариной

юрты, к которым, конечно, не подведено мудрёное городское отопление. Старинные жилища топят каменным углём, при сжигании которого большие площади застилает упомянутый мною смог – мелкие частички угля бесконечно кружатся в воздухе, оседают на землю, юрты, монголов и на нас.

Т.Н. Рацен: Лучше побегать по городу пешком, так как Улан-Батор с утра до позднего вечера стоит в пробках. В автобусах мы не ездили, а услугами такси пользовались. Оно работает не по заказу, но останавливается по поднятой руке. С таксистом договариваешься по ключевым словам (название музея, памятника, рынка): ни русского, ни английского они не понимают. Все машинки праворульные, а сами таксисты – доморощенные «блогеры» с телефонами в левой руке с включённым видеорежимом. Разговоры, комментарии, съёмка пассажиров за рулём – нормальное явление! И все поголовно сигналят! Интересно, что если пешеход перебегает дорогу в неположенном месте, то водитель всегда пропускает, приостанавливается (это из наблюдений, мы старались не нарушать). И ещё: за рулем все – с 18 и до последнего вздоха. Пешком тут не ходят, даже в магазин у дома. Это образ жизни.

О.В. Почтарёва: Удивило смешение культур и стилей: постройки и рынки из 90-х каким-то неведомым образом сочетались с новейшими стеклянными зданиями.

Н.А. Аксарина: Районы Улан-Батора разных времён застройки сильно напоминают знакомое обжитое пространство. Попадались промзоны, которые выглядели так же, как в наших промышленных городах. Центральная часть города, украшенная стеклянными башнями, недалеко от музея Чингисхана, напоминает небоскрёбы Москва-Сити. Есть кварталы, застроенные после Второй мировой войны по ленинградскому проекту. Это тот самый примечательный сталинский ампир. И эти уголки города тоже кажутся совершенно русскими.

Вид с крыши музея Чингисхана в Улан-Баторе. Фото Е. Набиевой

Т.Н. Рацен: Монгольская кухня: мясо на мясе с мясным мясом. Очень много, сытно, вкусно, недорого, а вообще в кафе и ресторанчиках в основном европейские и азиатские блюда. И ещё: монголы практически не едят сладкого! С напитками всё сложнее. Например, традиционный чай с молоком не зашёл от слова совсем. Только кофе и вода.

Маленькие истории и большие впечатления

– А что в работе, в поездке оказалось самым интересным, запоминающимся? Поделитесь парой историй?

Е.А. Набиева: Меня немало воодушевило посещение музея Чингисхана. Я испытала гордость за отечество и нашу науку. Большая часть экспозиции музея, как оказалось, была собрана советскими исследователями и антропологами! Удивительная сама структура, композиция музея, которая с каждым этажом уводит посетителей дальше по эпохам, а на самом верху гостей встречает Чингисхан в золоте. Огромная статуя находится под постоянной охраной – это мало того, что культурное достояние и произведение искусства, ещё и невероятно дорогая скульптура, представляющая собой сотню килограммов чистого золота, отлитого в честь великого хана. Правда, меня такое устройство экспозиции навело на печальные размышления… Подумайте, неужели вся история великого государства начинается и оканчивается Чингисханом?

Т.Н. Рацен: Самое интересное – это прямое общение с участниками РФШ. Когда начинаются занятия и ты вступаешь в прямой контакт, находишь общие волнующие темы, отвечаешь на вопросы монгольских учителей, обмениваешься важными в преподавании русского языка лайфхаками. На практическом занятии при обсуждении пилотного и создании своего гибкого курса активно участвовала вся группа: с огромным интересом все читали, писали, пели, играли. В результате группа сдружилась, обменялись контактами, а представленный проект был признан лучшим!

Языковое беспорожие

Т.Н. Рацен: Забавный случай приключился со мной, когда я зашла в местную аптеку прикупить на всякий случай капли для носа. Посмотрев на цену на витрине (16 000 тугриков), я решила чисто по-русски дать 21 000, чтобы избавиться от мелочи и получить взамен одну бумажку в 5 000. Провизор не поняла, почему я даю больше, обсудила это с подружкой, они похихикали, что было весьма неприятно, даже появилось желание развернуться и уйти. Но тут раздался мужской голос, который на чистом, без акцента русском языке спросил у меня, есть ли какие-то трудности. После моих пояснений этот молодой человек уже на монгольском объяс-

нил девушкам, почему я подала им такую сумму.

О.В. Почтарёва: Когда я ехала в Монголию, то была убеждена, что все монголы прекрасно говорят на русском языке. Каково же было моё удивление, когда оказалось, что на русском (чистом русском) умеют изъясняться очень немногие. Мне показалось, что даже среди представителей старшего поколения русскоговорящих довольно мало… Часто приходилось общаться жестами или на ломаном английском.

Н.А. Аксарина: Зато на территории Русского дома не было никакого языкового барьера. В Улан-Баторе уже лежал снег – толстым слоем. Когда мы впервые шли к зданию по огороженной территории, всю дорогу разговаривали. На пути нам встретился старенький дворник-монгол, сгребающий лопатой снег. Только мы поравнялись, он оторвался от работы и поздоровался с нами на чистом русском. Это было неожиданно и исключительно душевно.

Музыкальный номер на закрытии РФШ. Фото Н. Аксариной

Синтаксический концерт, или Записки в темноте

Н.А. Аксарина: Когда учишь языку, важно, чтобы потоки визуальной и аудиальной информации друг друга дополняли. Например, если я говорю о том, что русское предложение можно собирать, как конструктор или как пазл, значит, я должна наглядно показать, как это делается. Тут, конечно, не обошлось без неожиданностей. Как раз когда я объясняла свою синтаксическую метафору, пропал свет: вышла из строя какая-то подстанция, и целый район Улан-Батора остался без электричества. Примерно десять минут, пока запускали внутреннюю автономную подстанцию Русского дома, я читала в темноте. Ольга Викторовна Почтарёва была тогда со мной в зале. Она буквально через несколько секунд зажгла на телефоне фонарик, подсветив меня, стоящую на сцене. Постепенно стали зажигаться новые огни – аудитория включилась в игру. Я стояла как на концерте в свете мигающих из зала телефонов. В первые мгновения жутко растерялась – ведь занятие было построено на визуальном материале. Представьте, у меня полный зал иностранцев с разным уровнем владения русским языком… и темнота. Выручила подготовка – лекция была тщательно отрепетирована, материал родной – и, конечно, фонарики.

Имена на память

Н.А. Аксарина: Запомнилось закрытие филологической школы. Команды слушателей защищали собственные проекты – самостоятельно разработанные по нашим образцам гибкие курсы (причём всего за три часа!). Получились очень хорошие, зрелые и интересные методические работы. Но самым тёплым лично для меня моментом была встреча с нашей ученицей Ерлан Ахмарал. Она училась здесь, в Тюменском университете, на педагога и выпустилась в позапрошлом году. Когда она только приехала в Тюмень, говорить ей было тяжело. Сейчас у неё прекрасный русский, акцент почти не ощущается. Так получилось, что в разные годы она успела поучиться у каждой из нас. Ахмарал была среди наших слушателей, и в организации поездки нам очень помогала. На закрытии она вдруг пригласила нас на сцену и ещё раз представила публике, но в новом свете: «Это мои учителя!» – и вручила самые неожиданные и совершенно замечательные подарки: холсты в рамке, где на старомонгольском языке написаны наши имена. Это очень красивая и сложная каллиграфия.

Прощание с Улан-Батором, или Русский дом и все-все-все

Н.А. Аксарина: У Русского дома в Монголии замечательная команда. И директор Валерия Кильпякова, и сотрудники были с нами почти круглосуточно: приняли наше дело как своё, помогали во всех наших хотелках и проблемах.

Т.Н. Рацен: Было очень приятно, когда на последней встрече, в неофициальной обстановке за чашечкой чая мы говорили на разные темы, обсуждали новые идеи, фотографировались, а в конце наши монгольские коллеги подарили нам платки с национальными картинами. Было очень трогательно. Расставаться не хотелось.

Н.А. Аксарина: Уезжали с полным осознанием того, что всё было сделано как надо. Это редкое и приятное чувство. Чаще сомневаешься в том, всё ли возможное сделано и сделано ли правильно.

«Сибирское богатство» № 1’2026

Текст Антонины МАРКОВОЙ

Кто, если не мы, мама…

– Кто, если не я! – сказал матери каждый сын, уходя на СВО

Сыновей у Ольги Леонидовны Елышевой из посёлка Кировского Исетского района Тюменской области трое. «У меня хорошие дети! Я всегда старалась следовать народной мудрости: дыши на детей теплом, чтобы в старости они дышали теплом на тебя...» – так образно Ольга Леонидовна объясняет неподдельную гордость за своих взрослых мальчиков.

Средний сын Василий по состоянию здоровья не служил и не попал на специальную военную операцию, хотя очень хотел. А старший Анатолий и младший Даниил ушли на фронт почти одновременно и четвёртый год защищают российские рубежи. Они не спрятались от СВО, потому что привыкли жить по совести, по-мужски, по завету: «Надо значит надо!» У каждого из них своя солдатская судьба.

Бес

Спокойный и уравновешенный Анатолий рос первым помощником маме в любых делах, а ещё – непревзойдённым выдумщиком и инициатором мальчишеских игр, путешествий, соревнований. С братом Васей, который младше на год и две недели, они посещали одну группу детского сада, учились в одном классе, и Ольга Леонидовна даже старалась одевать их как двойняшек. Благодаря врождённому артистизму братья непременно участвовали в школьных выступлениях, КВНах и концертах. А дома сами придумывали и репетировали сценки, чтобы показывать их гостям на семейных праздниках.

Было у Анатолия ещё одно любимое занятие – футбол. По его предложению поселковые ребята объединились в команду, попросили родителей приобрести им форму, сами тренировались и устраивали настоящие матчи без взрослых наставников. Жизнь в посёлке текла по деревенскому укладу, когда все друг друга знают и нет места опасностям. Ребятня дни напролёт проводила на свежем воздухе, на спортивной площадке, у реки. Толя радовался за успехи одноклассников и друзей по команде: кто-то забил гол, кто-то получил хорошую оценку, кто-то победил в конкурсе. Переживая о тех, кто рядом, он был готов подсказать, убедить, подставить плечо, защитить, угостить, поделиться. Потому что так всегда делала его мама.

Братья Анатолий, Василий и Даниил. Фото из семейного архива Ольги Елышевой. Автор неизвестен

Ребята подрастали неизбалованными, трудолюбивыми, могли справиться с любым материнским поручением. Замечая тех, кому трудно, обязательно приходили на помощь: соседке донести до крыльца вёдра с водой, старушке прибрать дрова в поленницу, тётушке починить заборчик. На выпускном вечере классная руководительница отметила, что братья Елышевы с их активностью и старанием внесли большой вклад в жизнь школы.

После 9-го класса Анатолий выбрал профессию повара-кондитера. Учился с удовольствием, осваивал премудрости вкусных борщей, котлет и пирожных. И всё так же не переставал видеть тех, кто нуждается в помощи. Мама вспоминает случай: когда мальчишке из группы поваров грозило отчисление за неуспеваемость, её сын предложил: «Давай мы заплатим за него, чтобы он получил диплом. У него непутёвые родители, не поддержат, и жизнь его пойдёт наперекосяк. А я потом отработаю, мама, верну эти траты!» Ольга Леонидовна на свой страх

и риск даже искала такую возможность, но паренёк одумался, написал дипломную работу и с успехом её защитил. Быть может, не без помощи Анатолия.

Именно поварские умения позволили ему пройти службу в Московском военном училище недалеко от Красной площади. Там он оказался одним из лучших на своём месте. После армии продолжал работать по специальности – барменом. Женился, стал отцом. Жизнь, казалось, встала на прочные рельсы. Но тут объявили о начале специальной военной операции, и в сентябре 2022 года тридцатидвухлетний Анатолий ушёл по мобилизации в первом составе тюменского батальона «Ермак». Его младшему сынишке на тот момент исполнился всего месяц. Ольга Леонидовна до сих пор с напряжением вспоминает, как провожали эшелон, как бежали вслед уходящему поезду, как подступал страх, а глаза застилали слёзы.

Военные будни растянулись для рядового с грозным позывным Бес уже почти на 4 года. Сейчас, когда он зарекомендовал себя высококвалифицированным, дисциплинированным и ответственным воином, его перевели служить на штабную кухню. Он любит чистоту и порядок, даже в самых неподходящих для приготовления еды условиях следит, чтобы всё находилось на своих местах. Иногда рассказывает маме по телефону о том, что из окна подвала, с его рабочего места, видно линию боевого соприкосновения. Взгляд между делом выхватывает то разлетающуюся взорванную землю, то взметнувшееся огромное пламя над лесом, то летящие в темноте огоньки снарядов.

Анатолий учился с удовольствием, осваивал премудрости вкусных борщей, котлет и пирожных. Фото из семейного архива Ольги Елышевой. Автор неизвестен

Но чаще Анатолий просто советуется с ней насчёт сытного меню и простых блюд. А ещё обязательно присылает ответные видео с благодарностями, если получает из дома посылку с тёплыми вещами, домашним салом, сладостями и детскими рисунками. Такой день становится праздником для него и его сослуживцев. Они понимают: их ждут, скучают, думают, молятся. Эта забота и поддержка важна каждому воину!

Анатолий не скрывает, что нередки обстрелы и прилёты, что порой приходится готовить, как в сказке, почти что кашу из топора, но старается как можно меньше тревожить мать разговорами о боевых событиях. Он и сейчас остаётся внимательным и чутким сыном, переживающим за семью и братьев.

Когда выпадают короткие дни отпуска, встречается с друзьями, оставшимися в родном посёлке, с родными и близкими. Созванивается с сыновьями, живущими в другом городе. Они ждут каждой весточки от папы, ловят каждое его слово, пишут ему письма, отправляют рисунки и открытки. И огромное счастье, если удаётся повидаться, побыть вместе, обняться и поиграть.

Но самым желанным для Анатолия в последнее время остаётся простой отдых. Ольга Леонидовна замечает, как поменялся характер сына, как он иногда бывает раздражительным по пустякам, как любит и ценит минуты тишины и покоя. «Это всё последствия накопившейся усталости», – вздыхает мать.

Позывной Бес. Фото из семейного архива Ольги Елышевой. Автор неизвестен

В 2024 году Анатолия произвели в сержанты. А за разумную инициативу, старание, усердие и образцовое выполнение должностных обязанностей в 2025 году ему были вручены Благодарственное письмо и Почётная грамота от командования вой-

сковой части. За особые отличия при выполнении боевых задач Анатолий представлен к награде медалями Министерства обороны Российской Федерации «За воинскую доблесть» I и II степени.

Тайсон

Младшему сыну Ольги Леонидовны Даниилу Вшивкову 21 год, но боец с позывным Тайсон уже имеет серьёзный военный опыт, ранения и награды.

Он, в отличие от Толи, рос настоящим живчиком и непоседой. Считал себя ковбоем на велосипеде, любил примерять солдатские костюмы. Встать на защиту или спасать кого-то было главной целью мальчишеской жизни. В 10 лет он часто говорил маме: «Если бы не закончились Афганистан и Чечня, я пошёл бы воевать!»

С пятилетнего возраста проявлял самостоятельность, оставался в доме один, в семь лет уже мог приготовить еду. Как и старшие братья, помогал всем, кто в этом нуждался, не гнушаясь никакой работы. И главное – боготворил мать, повторяя: «Мама для нас всё!»

В школе младший был отличником, неутомимым затейником и защитником слабых. Друзья его любили, поддерживали все его начинания. В патриотическом лагере Даня познакомился с традициями и обычаями сибирских казаков, а после 9-го класса решил, что сам будет пробивать себе дорогу и пошёл работать вместе с мамой, овладев ремеслом маляра.

Поселковая футбольная команда. Фото из семейного архива Ольги Елышевой. Автор неизвестен

Вместе с мамой. Фото из семейного архива Ольги Елышевой. Автор неизвестен

Когда подошло время служить в армии, Даниил Вшивков попал в танковые войска в город Чебаркуль. Через полгода за хорошую службу, инициативность и проявленные при ремонте здания умения получил отпуск домой. А тут... Старший брат собирается на фронт по мобилизации. И Даниил моментально принял решение тоже идти на СВО – исполнять мечту детства.

Первую награду (медаль «За боевые отличия») он получил в июне 2023 года. В сентябре Указом президента Российской Федерации был награждён Знаком отличия ордена Святого Георгия – Георгиевским крестом IV степени. Тогда их отряд, в котором были тяжелораненые, попал в окружение. Когда закончились вода и обезболивающие, командир стал искать добровольцев. Надо было проползти два километра туда и столько же обратно, чтобы доставить лекарства и воду. Понимая, что иначе трёхсотые могут стать двухсотыми, Даниил вместе с другом отправился на задание.

Потом рассказывал, что они ползли по развороченным взрывами посадкам, по искорёженному металлу и осколкам, по трупам, без возможности поднять голову. А думал он только о том, что мама за него сейчас молится, и это его спасёт. Ребята вернулись с изодранными в кровь животами, но добыли воду и медикаменты, дав возможность отряду продержаться до прихода подкрепления.

Первое ранение он получил в живот. Повезло, что оно было сквозным. После госпиталя приехал домой, но долго отлёживаться не смог. Не долечившись, снова отправился на фронт: «Там же наши ребята! Не могу я их оставить!»

Весной 2024 года рядовой Тайсон получил третью боевую награду – медаль «Участнику специ-

Даниил Вшивков. Фото из семейного архива Ольги Елышевой. Автор неизвестен

альной военной операции», а в октябре попал в Сирию на охрану российской военной базы. Полугодовая командировка завершилась с началом боевых столкновений на западе государства, и Даниил вновь вернулся в своё подразделение. За особые заслуги ему был вручён орден «Генерал армии Маргелов» – награда Всероссийского союза общественных объединений ветеранов десантных войск «Союз десантников России».

Первой и самой больной потерей для Даниила стала гибель друга, с которым они были как братья: делили хлеб, кров, опасности и маленькие победы. Во время начавшегося обстрела Макс принял на себя смертоносные волны вражеского огня. Даниил тогда получил второе ранение – крупный осколок попал в спину, а ноги были изрешечены мелкими. И если бы не товарищ, он мог просто не выжить.

Бывая в отпуске, Даниил Вшивков рассказывает о своих боевых буднях и трудностях. О том, как зачищали огромные помещения заводов, как выбивали врага из небольших селений. Как приходилось спать под открытым небом на сложенных ветках или просто прислонившись к стволу дерева. Как, несмотря на опасность, вытаскивали из боя раненых товарищей и о том, как непосильно тяжело терять братьев по оружию. За проявленные заслуги, солдатскую смекалку и решительность Даниил получил в подчинение 10 человек, но положенного в таких случаях повышения в звании у него нет из-за отсутствия образования. Впрочем, он и здесь решил пробивать себе дорогу и поступил в колледж «Синергия». В короткие часы передышки навёрстывает упущенное, старательно выполняет задания и контрольные.

Недавно рядовой с позывным Тайсон был представлен к очередной награде. Мама не знает ещё к какой именно, потому что медаль ждёт воина в городе Чебаркуль – в той самой войсковой части, из которой он ушёл на СВО. И эта награда обязательно дождётся своего героя!

Я же добавлю, что мать бойцов специальной военной операции – женщина особенная. Она своими молитвами создаёт непробиваемую защиту для детей, а душевная боль делает её сильнее. «Кто, если не мы!» – сказали сыновья, уходя за ленточку. «Кто, если не я!» – вторит материнское сердце и живёт надеждой.

Самая большая радость – письмо из дома. Фото из семейного архива Ольги Елышевой. Автор неизвестен

«Сибирское богатство» No 1'2026

Текст Виктории ЕРМАКОВОЙ

Анатолий Омельчук: «Мои книги – мои дети. Я счастливый многодетный отец»

Анатолию Омельчуку – 80! Представлять тюменцам юбиляра нет, конечно, никакой необходимости, но от традиционной в таких случаях короткой справочной информации мы не откажемся, чтобы ещё раз вместе с читателем прочувствовать широту его личности.

Анатолий Константинович Омельчук: русский журналист, писатель. Почётный гражданин Тюменской области, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов и Союза писателей СССР, член Русского географического общества.

Хочется добавить, что в процессе знакомства с деятельностью и творчеством Анатолия Константиновича невольно приходишь к мысли о неслучайности его таланта. Нередко бывает так: даётся человеку авансом некий дар, а он, как умеет, им распоряжается. Один погасит в себе внутреннюю искру, другой сам от неё сгорит, а третий обуздает эту мощную стихию и сделает ярче жизнь окружающих.

Талант же Омельчука – осознанный, не спонтанный. Можно даже сказать: ответственный, рождённый от интереса к жизни, к идущим вокруг процессам, к связям настоящего и прошлого, к нашим скрепам. Талант не только большого журналиста и писателя, но и исследователя и учителя. Кажется, что с ним само Мироздание делится тайнами, которые до этого бережно хранило. Делится, точно зная, что доверяет их надёжным рукам, которые донесут, не расплескают... Цельный человек Анатолий Константинович, и как всегда, целеустремлённый. И, конечно, совсем не случайно в нашей беседе он с таким увлечением рассказывал об открытиях, которые ему посчастливилось сделать и которые, несомненно, ещё предстоят...

Ну а начали мы с вопроса о том, что же за период такой настал в его жизни – важный, юбилейный? Время ли это, когда по-новому открывается суть вещей? Или вдруг хочется оглянуться назад, оценивая уроки прошлого с позиции сегодняшнего опыта?

Анатолий Константинович Омельчук. Фото С. Баева из архива А.К. Омельчука

А может, как раз сейчас ясно видится даль, простор и всё то, что от других пока скрыто за горизонтом?

– Я бы сказал, что наступило очень продуктивное время – время реализации забытых замыслов, время, позволяющее озвучить то важное, что собирался,

но почему-то до сих пор не успел. Оно связано, скорее, не с переосмыслением, а с попыткой сформулировать для себя что-то пока остающееся неясным. Ежегодно завожу очередную толстую тетрадь – мой Задачник. Если одной на год не хватает, появляются новые тетради, и каждая делится на две части – «Незабудька» и «Радостник». В первой я записываю то, что мне необходимо или внезапно приходит на ум. Во второй – события, не обязательно радостные, естественные для зрелой жизни. Ежедневно вношу туда свои мысли: могу подряд исписать несколько страниц... Вот так они и складываются стопкой: текущие дела, свершения, заблуждения – можно посмотреть за любой прошедший год.

Если говорить о взгляде вперёд... Гениальный хант Геннадий Райшев иллюстрировал шесть моих книг. И собралось множество рисунков. Озорных – маэстро шалил. Я решил выпустить ещё одну книгу, сдержанную в объёме, которую назвал «Смыслы. Семь». Каждое вошедшее в неё произведение лаконично. Самое большое – двенадцать строчек, но в основном две или три. Я позиционирую её как «Книгу будущего»: сегодня толстые книги мало кто читает, а тут заглянул, пробежал глазами, и вот, одно из произведений ты уже осилил. Может быть, захотел возразить или даже возмутился – это нормальная читательская реакция! Или, наоборот, затянуло – и взялся читать дальше. Геннадий Степанович, к сожалению, ушёл от нас в пору ковида, но осознавать, что книги с его иллюстрациями продолжают издаваться – приятно. Более того, мне как автору пришлось постараться, чтобы не оплошать перед великолепным художником. А соавтором в «Книге будущего» станет сам читатель – он дополнит её своими размышлениями. Ну и, наконец, у моей книги есть фишка – я дарю её предпочтительно женщинам и подписываю: «Богиня!» Так проявляется не только моё отношение к женскому полу, но и коварный умысел: нет на планете другого автора, который пишет для богинь!

О силе слова

– Анатолий Константинович, ненадолго оторвавшись от темы настоящего и будущего, предлагаю вернуться на пять-шесть десятков лет назад. Вы – студент Томского государственного университета и, что особенно интересно, историко-филологического факультета. Уже тогда взращивали в себе краеведа, мастера слова со способностью поднять любую историческую тему?

– Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева, а когда-то первый Сибирский императорский университет начинался с двух факультетов: сперва был открыт медицинский, затем историко-филологический. Но это вовсе не значит, что мы получали какое-то смешанное образование: факультет выпускал совершенно честных историков и таких же честных филологов. Симбиоз получался красивый: студенты общались, сбивались в компании, у представителей двух специальностей всегда имелись общие интересы. В Томске в те годы работали всего два ресторана, и в день стипендии (а у меня она была повышенная) мы в них встречались за кружкой пива с профессорами, общались, находили общий язык и вдруг понимали: «Профессор, оказывается, свой парень!» Важно и то, что в этом взаимодействии филологи приобретали определённый исторический взгляд на события... Кстати, когда я уехал работать в Салехард, одной из моих первых передач на «ЯмалРадио» был «Обдорский архивариус» – попытка эдакого общежитского проникновения в историю...

Первые сапоги. С отцом Константином Терентьевичем, 1952 год.
Фото из архива А.К. Омельчука. Автор неизвестен

Что касается филологии... Всё, что мы стремимся познать в мире, раскрывается через слово. Всё – от самих себя до целой Вселенной. Кому из нас не случалось ночами без сна задаваться вопросами об её устройстве? А теперь я сумел найти ответы на свои вопросы, причём в самых обыденных, постоянно употребляемых русских словах: «Всё. Это. Есть. Всегда». Успокойся и спи: и ты, и то, что тебя окружает, – вечно!

Братва Полярного Урала, 1982 год. Фото из архива А.К. Омельчука. Автор неизвестен

Гениальный русский язык! Он – самостоятельная субстанция, внутри которой мы рождаемся. Обычно говорят «писатель», а мне больше нравится «слагатель слов». Сразу особое значение приобретают промежутки между словами, ведь каждое слово – океан, а за его пределами – бездна. А ещё наш язык святой и целомудренный – он сраму не ымет, как тело матери не имеет срамных мест. В русском языке только онтологические слова, первородные, эмоциональные. И если они станут обиходными, а то и сакральными, мы уже никогда не забудем о главной заповеди Ветхого Завета: плодитесь и размножайтесь! Это ли не путь к бессмертию?

Я против новых языковых заимствований. Чужесловие рождает чужемыслие. Пользуясь чужими словами, человек теряет самого себя. Если русский юноша говорит русской девушке «ай лав ю», не стоит ему верить – в его душе нет ни «лав», ни «люблю», он не испытывает никаких чувств... В одном из своих эссе я рассуждаю о том, что госчиновник, употребляющий в официальных бумагах заимствованные слова, предаёт государственный язык и государственные интересы, на службе которых обязан стоять. Я долго работал на Севере, поэтому понимаю, как, теряя собственные языки, исторические народы сходят со сцены...

– Это правда, что вы сняли пятьсот телевизионных фильмов, посвящённых Сибири и выдающимся людям, которые как-то с ней соприкасались?

– Пятьсот – всё-таки преувеличение! Давайте остановимся на цифре сто пятьдесят. Между прочим, начальникам телевидения в позднем СССР строго-настрого запрещалось заниматься творчеством. Если ты пришёл на эту должность, то ты чиновник, хозяйственник, вымогатель денег у нарождающихся капиталистов... Я двадцать лет проработал в Салехарде, в том числе восемнадцать – обычным радиорепортёром. Потом уже стал редактором, а в 1985 году – председателем Ямало-Ненецкого телерадиокомитета. А два года спустя понадобился человек, способный возглавить Комитет по радиовещанию и телевидению Тюменской области. Сразу скажу: моя кандидатура была не единственная, но вполне вероятная. Меня пригласили на собеседование к первому секретарю обкома партии Геннадию Павловичу Богомякову: кто помнит, что это был за человек, тот в курсе, что условий ему никто никогда не ставил. И тут я заявляю: «Готов попробовать, если... – Геннадий Павлович насторожился: это что тут за обдорский пацан со своими требованиями? – если мне будет разрешено продолжать творческую работу!» И получил от Богомякова добро, став едва ли не единственным в стране телевизионным начальником, кому подобная вольность была позволена. Это к тому, что радиопередачи и фильмы, которые я в то время делал, не входили в круг моих обязанностей. Наоборот: находились коллеги, которые ставили

Гренландия. Очередной край земли, покорённый съёмочной группой. Фото Э. Улыбина

мне в упрёк работу над ними. А между тем я не получил за них ни рубля гонорара. Горжусь тем, что я радиопрофессионал: за плечами, начиная с юнкорства, шестьдесят лет стажа! Моя программа «Культ личности» пережила двести выпусков, «Персона» – более тысячи, «Судьбы Сибири» тридцать три года держались на радио! Я родился на заливном берегу реки, и надеюсь, что матушка Обь передала мне свою мощь в словесном творчестве.

Тюменская писательская богема. 1974 год. Фото из личного архива А.К. Омельчука. Автор неизвестен

О Родиноведении

– Действительно, как знать, учитывая, что вам подвластна проза и поэзия, публицистика и эссеистика... Удивляет лишь одно: откуда в вашем таком насыщенном рабочем графике находилось время, чтобы ещё и книги писать?

– Может быть, дело в том, что книги я не пишу, а рожаю? Книги – дети. Их на сегодняшний день у меня шестьдесят девять – я счастливый многодетный отец. Иногда читатели спрашивают, в каком жанре я работаю. Отвечаю: в жанре «годового кольца». Древесный ствол подрастает за год на одно кольцо – в нём концентрируется всё, что происходило с деревом за весну-лето-осень-зиму. Так и в работе: ствол твоего миропонимания уже существует, но жизнь идёт, осмысление меняется, нарастает новое... Хороший глагол: думать. Но ещё более замечательный: размышлять. Думаешь – решаешь поставленную задачу. Размышляешь – приходишь к непредсказуемым выводам. Примерно так и получаются открытия.

Посещение Храма на Крови, г. Екатеринбург. На первом плане «главный шеф жизни», генеральный директор ВГТРК Олег Добродеев. Фото Э. Улыбина

Вот, например, с Юрием Константиновичем Шафраником (в девяностые годы он был первым главой Тюменской области, затем министром топлива и энергетики) мы одного дня рождения, и отношения у нас товарищеские. Он очень занятой человек, но каждый год выбирал время, чтобы побывать у себя на родине в селе Карасуль Ишимского района – навестить родителей. А когда родители ушли – всё равно продолжает туда ездить. Так и меня тянет в родные места. Что это, как не ген родины? Я считаю, что у человека три родителя: мама, папа и место, где ты появился на свет – это координаты твоей души. Близкие люди нас оставляют, родное место остаётся всегда. И ты остаёшься любящим сыном своей земли со всеми вытекающими гражданскими обязанностями. Уверен, что патриотизм можно воспитать, а любовь пробудить. Мои «Уроки родиноведения» на это как раз направлены.

– Тоже многолетний ваш проект с огромным тематическим охватом, который к тому же осуществляется совместно с медиахолдингом «Тюменская область сегодня». Можете рассказать, как и почему он появился?

– В своё время я был серьёзно озабочен тем, как спасать молодое поколение от чужемыслия и чужеслова. И пришёл к идее подобных уроков, которые, как мне казалось, можно было проводить прямо в школах. Мы даже обсуждали её с Валерием Николаевичем Фальковым, нынешним министром науки и высшего образования РФ... И в ходе многочисленных обсуждений я осознал, что воплотить эту за-

Тюменский стенд Международной книжной ярмарки «Красная площадь» привлёк внимание президента РФ. Фото Э. Улыбина

думку на практике не так-то просто, как, возможно, сначала казалось. Кто такой учитель-родиновед? Историк, географ, фольклорист, ботаник, орнитолог, ихтиолог, гидрогеолог – всего мы насчитали двадцать одну необходимую для преподавания этого предмета науку. Подобных педагогов-энциклопедистов в природе не существует. И такое количество узких специалистов в каждую школу тоже пригласить невозможно… А учебники? Только в Тюменской области потребовалось бы составить пятьдесят семь уникальных учебников для каждого района Тюмени, Югры и Ямала, чтобы хотя бы попытаться запустить в этих территориях пилотный проект.

В результате мы изобрели другой проект – писательский, и примерно шесть лет назад с прежним руководителем медиахолдинга Сергеем Шестаковым и с тогдашним лидером Тюменского отделения «Союза писателей России» Леонидом Ивановым начали его реализацию в интернет-пространстве. Ежегодно выходит сорок программ, посвящённых самым разным темам – историческим или современным. К настоящему времени я их выпустил уже двести… Поддержала меня и Илона Станиславовна Гимпелевич, нынешний генеральный директор АНО «Тюменская область сегодня»: «Уроки родиноведения» продолжаются.

Буквально сегодня был очень интересный выпуск: мы говорили об откровениях академика Юрия Сергеевича Осипова – тобольского уроженца, выдающегося учёного, математика и механика, который долгие годы работал на посту президента Российской академии наук. Когда в Москве о нём снимали фильм, Юрий Сергеевич показал нам свои часы – на них до сих пор тобольское время… В нынешнем году ему исполняется девяносто лет. Он – Герой Труда РФ, а надо заметить, что в нашей области всего два человека удостоены этого высокого звания. Первым был тоже сын родной – Упоровской – земли Владимир Леонидович Богданов, генеральный директор ПАО «Сургутнефтегаз», сохранивший в Сургуте офис и юридический адрес своей мощной компании.

Добавлю, что у меня постоянно проходят встречи с читателями, презентации книг в сельских библиотеках, в деревенских школах… Это тоже всегда отчасти уроки родиноведения – повод поговорить с молодёжью, предложить ей задуматься о собственной роли на земле и о роли родного места в жизни каждого из нас.

– Анатолий Константинович, многие люди в вас видят настоящего русского интеллигента…

– Нет, давайте остановимся на том, что сам себя я интеллигентом не считаю: мама – крестьянка, папа – пролетарий. В студенчестве, конечно, было желание оказаться интеллигентом в первом поколении, но потом я передумал. Те, кого принято называть русской интеллигенцией, обычно предъявляют высочайшие требования – к государству, к власти и, что особенно печально, к народу России. Ко всем, кроме самих себя… А вот моя многодетная мама действительно жила, как подлинная интеллигентка. У неё никогда не было претензий ни к кому, включая мужа. Возможно, как раз её пример дал мне понимание: если что-то не складывается, дело только в тебе – это значит, что чего-то не можешь ты…

О Сибирском пути

– А вот я не могу не затронуть в нашем разговоре какую-нибудь исключительно историческую тему. Тем более, что именно прошлое так часто вдохновляет вас на новые открытия…

– Один их моих недавно созданных фильмов посвящён хождению в Каракорум Александра Невского. Он о том, как Александр Ярославич добровольно отправился в долгое путешествие до столицы империи Чингисхана, чтобы получить ярлык на княжение в Великом Новгороде, Киеве и Владимире. Сколько раз приходилось слышать упрёки в адрес князя, что он согласился пойти на поклон к победителю. Но вот ведь в чём дело: он получил тогда не простой, а Небесный ярлык – благословение Небес Азии. Его княжество вошло в состав Великой азиатской империи. То есть Русь в середине XIII века – евроазиатское государство, часть Мон-

гольского союза, раскинувшегося на двух материках, на берегах трёх океанов. Получается, что Александр Невский не просто спас русский народ от иноземного завоевания, но и предвосхитил последующее создание Российской империи! Поскольку в своих размышлениях у меня есть право ни в чём себе не отказывать, я пришёл к следующему выводу: расположение России на двух материках и берегах трёх океанов – небесная божественная идея, высший замысел! И когда в XIX веке мы бездарно продали Аляску, то немедленно приобрели непримиримого конкурента и оппонента в лице Северных штатов Америки, в тот момент тоже ставшей государством на берегу трёх океанов. Вот моё геополитическое открытие, сделанное благодаря съёмкам фильма «Сибирский путь Александра Невского». Кстати, отправившись Сибирским путём, Александр Ярославич пересекал верховья Ишима, Тобола, Иртыша. На месте, где будет три века спустя строиться Тюмень, не был, но, добравшись до конечной точки своего странствия, посетил дворец Десяти тысяч лет благоденствия – Тумен Амгалант.

С Александром Моором и Сергеем Корепановым.
Фото из личного архива А.К. Омельчука. Автор неизвестен

Мы попали в Монголию сразу после ковида, и нам показали развалины этого дворца – кстати, съёмки фильма очень поддержал Юрий Шафраник... А потом в московской штаб-квартире Русского географического общества состоялась его презентация. И тогда же мне позвонила Анна Павловна Неркаги и стала уговаривать обязательно сделать копию фильма для Владимира Владимировича Путина! Спонсорам её предложение понравилось, и Эдуард Улыбин, наш оператор и режиссёр, сделал двадцатипятиминутную президентскую версию ленты. Презентация проходила 27 октября, а 3 ноября наш президент, выступая на заседании нового состава Общественной палаты РФ, целый абзац своей речи посвятил Александру Невскому. Он говорил о том, что, спасая Русь, Александр выбрал азиатское направление. А ведь эту же самую мысль я проводил в своём фильме! Мне, конечно, приятно думать, что Владимир Владимирович хотя бы краем глаза успел фильм посмотреть, но больше склоняюсь всё-таки к тому, что сама эта идея носится в воздухе. Идея мудрого выбора, государственного взгляда – в трудную минуту обратиться не к западу, а к востоку, к восходу! Думаю, что во многом благодаря тому, что исторически у нас восторжествовал именно этот взгляд, Россия сегодня крепко, обеими ногами стоит на евроазиатском континенте.

«Вечный Рим». Анатолий Омельчук с главным спонсором своего творчества в XXI веке Римом Сулеймановым.
Фото Э. Улыбина

– А вот ещё одна важная историческая и событийная тема: в нынешнем году Тюмени исполняется 440 лет!

– По этому вопросу у меня тоже есть мнение: на самом деле, ещё в прошлом году мы могли бы отпраздновать 650-летие нашего города! В 1375 году живший в Испании великий еврейский картограф Авраам Крескес по заказу арагонского короля начертил Каталонский атлас. И на нём есть точка – Чимги-Тура (Сингуй). Вольный перевод названия нашей реки с вогульского – «водный поток», Чимкей... А официальная карта, на которой отмечен населённый пункт, если о нём нет более ранних свидетельств, даёт нам право год её создания считать также годом основания этого пункта. Кстати, свидетельства о том, что и раньше на этом месте

жили люди, у нас всё-таки имеются, поэтому я не удивлюсь, если Тюмень намного старше того возраста, который мы ей приписываем. Это не просто цифры – помните, как после празднования 1000-летия Казани вперёд вырвался весь Татарстан? Какой мощный старт был тогда дан его развитию! Но ведь и Тюмень тоже никогда не была затрапезным городом: именно за ней подвиг первого государева острога в Сибири! И вот, что интересно: примерно через год после того, как он был поставлен, здесь стали рождаться ребятишки. Женщин государевы воины-строители в поход не брали, даже воеводы. Так что жён они находили в наших краях: вогулок, остячек, калмачек, сибирских татарок. С ними, прекрасными представительницами местных народов, строили семьи. Представляете, какой тогда подрастал здесь Первый Тюменский Детский Интернационал!

А вот что мне в нас не нравится, так это неблагодарность. Почему в Тюмени до сих пор нет памятника Фёдору Михайловичу Достоевскому? Ведь классик, возвращаясь с каторги, заехал сюда на несколько дней. И какой оставил отзыв? «Тюмень – великолепный город, торговый, промышленный, многолюдный, удобный...» Мы с великим сибирским благотворителем Аркадием Григорьевичем Елфимовым сходили уже с этим предложением к градоначальнику Максиму Викторовичу Афанасьеву. Он пообещал, что не забудет о нашей просьбе.

– Анатолий Константинович, столько лет развивая региональное телевидение, вы допускали, что рано или поздно телевизор в наших домах потеснит какой-нибудь новый мощный конкурент?

– Нет, за судьбу телевидения я не беспокоюсь. Вот и радио когда-то все хоронили, но, поверьте, до тех пор, пока женщина любит ушами, оно бессмертно. И пока человек любит полежать на диване, телевизору конкуренции не будет. Театр тоже должен был бесследно исчезнуть с приходом кино, как многим когда-то казалось. Но пока остаётся зритель, за будущее театра можно не переживать. Да, когда-то телевидение мы видели десятой музой, относились к нему, как к искусству, а не как к информационному потоку. Но оно и сейчас чутко вбирает в себя все современные художественно-технологические достижения. Хорошо это или плохо – посмотрим... Наверное, меня больше волнует судьба печатных изданий – газет, журналов... Книг! Всё, что мной когда-то написано, помещается сейчас на одном крошечном носителе. Четыре пуда литературы! Когда-то читать книги было привилегией избранных – может быть, однажды мы к этому и вернёмся: книгу в её бумажном формате смогут себе позволить только избранные.

– Вы оптимист?

– И это не моё слово! Оно ведь тоже заимствованное! Я весь – от русского слова «счастье». Счастье родиться в Сибири! Счастье жить в России! Счастье творчества и счастье творчества жизни! Это всё значимее, чем дежурный оптимизм. Поэтому моя следующая книжка будет открываться стихом: «Ты по жизни идёшь, поцелованный Богом!»

«Перекрёсток пространств и времён», город Кяхта, Республика Бурятия. Сибирская столица Великого Чайного пути.
Фото Э. Улыбина

Текст Александра ВЫЧУГЖАНИНА

Помощь с небес по-тюменски

История тюменской санавиации тесно связана со всей историей создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Причём страницы этих трудовых будней настолько драматичны, что по ним можно снимать захватывающий сериал.

Начало

В 1963 году на улице Котовского открылась Тюменская областная больница с поликлиникой в специально построенных зданиях. Распоряжением главного врача областной больницы Александра Артемьевича Моисеенко одна из комнат на третьем этаже выделялась для оргметодотдела и одна для отделения экстренной и планово-консультативной медицинской помощи (санавиации) – ЭПКМП. Зарождавшаяся санавиация в то время была подразделением оргметодотдела.

Отдел курировал все больницы области. Возглавлял его Владимир Кретинин, руководство санавиацией было поручено Павлу Юрьевичу Шевченко (в последующем он руководил Тюменским кардиоцентром). Диспетчером назначили Марию Андреевну Гузанову. От её компетентности зависело очень многое: в случае поступления телефонных звонков из районных больниц она соединяла по внутренней связи с профильными врачами.

Нормальных дорог, даже до недалёких по нынешним меркам Ялуторовска и Заводоуковска, в то время ещё не было. Для оказания экстренной медицинской помощи в распоряжении санавиации имелся вертолёт Ми-1, потом добавился самолёт Як-12. Ми-1 принимал на борт пилота и врача, позже был выделен вертолёт Ми-2, который помимо пилота мог взять четырёх человек и носилки.

Из автомобильного транспорта – «Волга» и УАЗ, в просторечии «буханка», для сельских дорог той поры машина незаменимая. Спустя какое-то время первый секретарь обкома КПСС Геннадий Павлович Богомяков разрешил для нужд санавиации использовать служебный вертолёт Ми-8. Он был хорошо оборудован и утеплён, поскольку на нём нередко летали высокие представители из Москвы. Вспоминаю иногда, поскольку жил недалеко от этого места, как на пустыре между областной больницей и улицей Мельникайте приземлялись вертолёты…

Н.И. Казеко, выпускник Свердловского Суворовского военного училища, 1966 г. Фото из архива Н.И. Казеко

Гордись доверенным делом

Во всех райцентрах Тюменской области, в том числе в южной её части имелись аэродромы. Самолёты Ан-2 совершали в районы регулярные рейсы, но в экстренных ситуациях врачи по санавиации могли специально вылететь до нужной точки. Зимой к Ан-2 крепили лыжи, и этот безотказный воздушный труженик обеспечивал связь с областным центром.

Областная больница была школой передового опыта. На работу сюда брали не всех желающих: кадровый костяк составляли специалисты, несколько лет отработавшие в районных больницах. Вот так, в 1976 году, молодого хирурга-уролога Николая Казеко из Тобольска, где он за четыре года получил неплохую практику, перевели в Тюмень. Николай Иванович стал активным участни-

ком вылетов для оказания экстренной медицинской помощи.

Трудовые будни для доктора Казеко начались как одна нескончаемая кинолента. Кроме работы со «своими» больными в урологическом отделении, в неделю случались два-три вылета по санавиации. Операцию закончил – самолёт ждёт. Вперёд, Николай Иванович! Несмотря на окончание рабочего дня или даже выходной день… Причём эти вызовы не оплачивались.

Однажды заикнулся перед главврачом областной больницы Владиславом Васильевичем Шевчуком об оплате и услышал: «Какие деньги?! Гордись, что тебе доверили такое дело, что работаешь в областной больнице и такой молодой ездишь выполнять сложные операции!»

Для выпускника суворовского училища подобного назидания было достаточно. Всю жизнь он руководствовался юношеской закалкой, помнил: «Служи по уставу, завоюешь честь и славу». А ещё – примером своих родителей, ветеранов партизанского движения в Белоруссии. Мама его в отряде была разведчицей. Однажды фашисты схватили её и собирались на следующий день показательно расстрелять перед всей деревней, но ранним утром пленных отбили партизаны. После освобождения Белоруссии партизанские отряды вошли в состав Красной армии. Мамин боевой путь в составе фронтовой разведки продолжился до Берлина. А за взятие Кёнигсберга она была награждена орденом Красной Звезды.

Не случайно мне вспомнилась эта военная история. Всё бытие Николая Казеко в тот период – фактически на казарменном положении. Он был готов по команде, а точнее сказать, на крик о помощи вылететь в любую точку огромной Тюменской области. И вылетал. Иначе как Служением это не назовёшь.

Диспетчерские будни. С телефонной трубкой – Галина Николаевна Хмелёва. На переднем плане – записывающая аппаратура. Фото из архива Н.И. Казеко. Автор неизвестен

Однажды зимой отправились на Ми-8 в Юргу. С вертолёта Казеко показал, где находится районная больница, но приземлиться можно было только на одно очищенное место – на дорогу. А там рядом провода, рискованно. Молодого доктора не высадили, скорее, выбросили в поле: вертолёт завис в двух метрах над землёй, и Николай Иванович прыгнул в снег. Провалился по грудь. Преодолев это препятствие, весь промок от пота.

Кстати, в авиационном транспорте, поскольку зимой и в Ан-2, и в вертолёте холодно, для докторов была предусмотрена тёплая одежда – тулуп и унты. Однако так как у нашего героя 46-й размер ноги, такой обуви в наличии не оказалось, и он продолжал летать в ботинках. За эти годы доктор Казеко изучил всю географию самой крупной в СССР области.

Как-то в субботу закончил сложную операцию в Казанке, а из Тюмени новая команда – надо срочно лететь в Вагай, спасать человека. «К Вагаю подлетаем, пилот спрашивает: "Доктор, покажи, где больница?" А больницу временно разместили в интернате, в тридцати километрах от посёлка, на берегу реки. Ориентир – огромные резервуары в тайге».

Был случай, когда Казеко по экстренному вызову один в огромном самолёте Ил-76 добирался в Надым – больной был нетранспортабелен. Впрочем, случались и приятные моменты. Однажды по экстренной помощи в отделение поступил знаменитый геолог, начальник Главтюменьгеологии Фарман Салманов. Врачебной помощью остался очень доволен, шутил при выписке. И вдруг через неделю, в пятницу, Казеко позвонил встревоженный Шевчук: «Ты ему всё нормально сделал? Хочет тебя видеть. Садись в мою машину, поезжай к нему». Встретил Фарман Курбанович доктора очень приветливо в своём служебном кабинете. Пригласил в комнату отдыха, а там был накрыт стол по всем законам кавказского гостеприимства.

На всю жизнь Казеко запомнил и такой случай. В 1979 году поступил вызов в Уват. В то время в Тюмени было огромное наводнение. Вылетели на вертолёте Ми-2. Маршрут привычный: на север, над заречной частью Тюмени, где сейчас всё в воде. Несколько десятков километров от города (погода стояла солнечная) благостная картина – лоси пасутся, мишки бегают. А в Увате беда: люди передвигаются по улицам на лодках, туалеты деревянные плавают, больничное крыльцо как причал. Нашли бугор, где вертолёт смог приземлиться. Казеко перешёл в лодку. Перед этим местные врачи четыре часа вели операцию, но не смогли остановить внутреннее кровотечение у семилетнего ребёнка. Эстафету возле операционного стола принял тюменский доктор. Ситуация оказалась крайне непростой. Парнишка упал с забора. Разорванную почку пришлось удалить, кровь хлещет, не останавливается. У ребёнка общая масса крови – до полутора литров, а ему перелили в два раза больше. Спасибо жителям

Увата: приплывали на лодках, сдавали кровь, чтобы спасти мальчишку.

Ещё четыре часа у операционного стола провёл уже сам Казеко. Выяснилось, что у ребенка гемофилия – несвёртываемость крови (редкое наследственное заболевание). Любой прокол, когда накладываешь швы, вызывает новое кровотечение. С большим трудом путём тампонирования, да ещё тем, что прямо в рану зашил стерильные салфетки, смог её остановить. Утром погода не обрадовала. Туман, мелкий дождь – у нас его называют моросью, однако пилот принял решение лететь. Казеко вспоминает: «Примерно на половине пути слышу, что двигатель чахнет. Потом окончательно заглох, и мы стали падать. Ми-2 – вертолёт противный, на Севере такие часто разбивались... Никогда у меня подобного не было: вся жизнь мелькнула перед глазами, как цветной фильм. Но за счёт автротации (раскрутки винтов) приземлились мягко, в болото, в няшу. Запах вокруг отвратительный – как будто сели в канализационное море. И это в глухой тайге. Позже знающие люди объяснили: явление не редкое. Человек в таком месте может даже сознание потерять и навсегда в этом болоте остаться».

Но ещё страшнее представить, что машина могла упасть в воду или на деревья. Мой знакомый Олег Первов, опытный вертолётчик, по линии ООН облетевший всю Африку и половину Латинской Америки, пояснил: при падении на воду вертолёт переворачивается, как поплавок. Что происходит, если он падает на деревья, читатель может легко представить сам. Впрочем, дальше события развивались удачнее. По вызову пилота прилетел более надёжный и скоростной Ми-8, завис над болотом, скинул трап, проложили мостки. Казеко взял прооперированного ребёнка на руки и вместе с его мамой перешёл в салон. Тюменские авиаторы – настоящие асы!

«Золотой скальпель». Фото из архива Н.И. Казеко. Автор неизвестен

Групповое фото: первый ряд, слева направо: Гузанова Мария Андреевна, Казеко Николай Иванович, Шевченко Павел Юрьевич, Козлова Мария Иннокентьевна. Второй ряд, слева направо: Хмелёва Галина Николаевна, водитель Юрий Порфирьевич Васильев (фронтовик, вся грудь в наградах), Сысоева Клавдия Михайловна – фельдшер. Год 1978. Фото из архива Н.И. Казеко. Автор неизвестен

Ещё находясь в Увате, доктор Казеко позвонил в Тюмень, объяснил ситуацию. Во всём Советском Союзе в то время только в Кирове имелся институт переливания крови, где готовили антигемофилическую сыворотку, но повезло: в расписании был авиарейс Тюмень – Киров – Ленинград. К прибытию маленького пациента в Тюмень требуемое лекарство доставили прямо в больницу.

Несмотря на постоянные стрессы, работа нашего героя затянула. Ему полагался двадцатичетырёхдневный отпуск – святое дело было съездить в Краснодарский край, проведать родителей. Но через две недели снова тянуло в операционную. Возвращался в Тюмень, писал заявление с просьбой отозвать из отпуска.

Всего Николай Иванович Казеко налетал по санавиации 1 500 часов, выполнил около 2 000 операций. Он стал своим человеком среди пилотов самого крупного управления гражданской авиации в СССР. Я дал ему карту Тюменской области, попросил красным маркером отметить места, где он побывал за дни и ночи этих экстремальных вылетов. Огромное пространство – от казахских степей до Полярного круга и за ним – покрылось отметками памяти. Учитывая специализацию Казеко (мы понимаем, что по мелочам его не дёргали), за каждой меткой чья-то спасённая жизнь.

Лучшие по санавиации

Сейчас самое время добрым словом вспомнить заведующего Тюменским облздравотделом Юрия Николаевича Семовских и главного врача Тюменской областной больницы Владислава Васильевича Шевчука. Именно благодаря их практике в подборе и воспитании медицинских кадров в Тюменской области стало возможным выдвижение талантливой молодёжи, создание огромного коллектива преданных делу медработников. Успехи в добыче нефти и газа – это заслуга и областного здравоохранения.

Назначение Николая Ивановича Казеко в 1978 году руководителем службы санавиации по всей огромной области стало логичным шагом такой кадровой политики. Фактически он совмещал работу хирурга в урологическом отделении и руководство службой. Ежедневно в семь часов утра доктор Казеко заходил к диспетчеру санавиации, брал информацию обо всех случаях за сутки и с докладом шёл на ежедневную планёрку у главного врача областной больницы. Ему самому каждый месяц выпадало 10–12 круглосуточных дежурств по оказанию экстренной хирургической помощи.

Даже сейчас, спустя почти пять десятилетий, Николай Иванович с большой теплотой вспоминает Галину Николаевну Хмелёву, которая из оргметодотдела в 1981 году перешла на должность старшего диспетчера санавиации. «Талантливый помощник», – в устах человека, много повидавшего в медицине и в России, и за рубежом, такая оценка дорогого стоит.

Диспетчер – нерв санавиации, к нему поступает вся информация. Ему необходимо в считаные минуты определить, с каким специалистом соединить врача из района для консультации, а при необходимости срочно организовать вылет или выезд в точку вызова. Телефон санавиации стоял во всех ординаторских. Казеко распорядился (впервые в Тюмени), чтобы все разговоры записывались на магнитофон. В дальнейшем, в случае непростых ситуаций, это помогало определить степень ответственности тех, кто принимал решение об оказании помощи.

Приёмное отделение Тюменской областной больницы. Фото из архива Н.И. Казеко. Автор неизвестен

Когда открыли девятиэтажный хирургический корпус на улице Одесской, в нём для санавиации отвели уже три комнаты на первом этаже. В службе стали подрабатывать студенты-шестикурсники из медицинского института. Николай Иванович составил методические указания для службы санавиции, а также должностную инструкцию для сотрудников. К работе начал активно привлекать профессоров, доцентов медицинского института. Важным нововведением стал регулярный анализ поступающих обращений. Если, к примеру, из какого-то района часто обращались за консультацией по одним и тем же вопросам, имело смысл послать специалистов на место, выяснить причины и оказать необходимую методическую помощь.

Конец 1970-х – начало 1980-х годов – пик развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Тюмень на сессии Верховного Совета РСФСР определена базовым городом по развитию ЗСНГК (Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс). К этому времени в области создана достаточно хорошая транспортная инфраструктура, в тайге появились новые города. Благодаря Тюмени в северных населённых пунктах складываются коллективы медицинских работников. Это позволяет создать филиалы экстренной помощи в Ханты-Мансийске, Сургуте, Салехарде. И в Тобольске при районной больнице, где главврачом работал Валерий Филонов (в настоящее время больница носит его имя). Всего появилось 16 подобных подразделений по всей территории области – такое расширение ложилось дополнительным грузом на плечи Николая Ивановича Казеко, но жизнь подтвердила правильность принятого решения.

В 1982 году в Ульяновске в мемориале «Венец» состоялся первый в СССР Всесоюзный съезд руководителей отделений экстренной и планово-консультативной медицинской помощи (санавиации). В работе съезда принимал участие первый заместитель министра здравоохранения СССР. И Тюмень на этом представительном форуме прозвучала очень хорошо.

В 1981 году в Москве был открыт институт микрохирургии. Тюменцы одними из первых в стране получили уникальный опыт совместной работы с этим институтом. Наших врачей было за что хвалить. Пример: в посёлке Пионерском Советского района Тюменской области рабочему леспромхоза пилой отрезало кисть руки. Местные врачи срочно позвонили в отделение санавиации областной больницы, диспетчер связалась с институтом микрохирургии. Счёт шёл на минуты! Диспетчер сказала фельдшеру леспромхоза, чтобы кисть положили в целлофановый пакет и всю обложили льдом. Был конец мая. Вертолёт санавиации имел право садиться только в аэропорту Плеханово, но Казеко

договорился с Владимиром Григорьевичем Джугашвили, в то время командиром второго авиаотряда, чтобы вертолёт с пострадавшим приземлился в аэропорту Рощино. С тех пор вертолёт санавиации Ми-8 стал базироваться там. Также Казеко договорился с Джугашвили о задержке вылета на Москву самолёта Ту-134, чтобы пострадавшего сразу пересадить на московский рейс. Несмотря на жару, пассажиры в самолёте с пониманием ждали два часа – им объяснили причину задержки. Это и по сей день восхищает Казеко.

На съезде в Ульяновске врачи показали, что рука их пациента работает. Заместитель министра Сергеев после доклада Шевчука распорядился на базе тюменского отделения санавиации создать школу передового опыта, а также вручить за успехи переходящее Красное Знамя! Знамя в министерстве доверили получить Николаю Ивановичу Казеко. Гвардейский рост 186 см вполне соответствовал его роли знаменосца.

В 1990 году Николая Ивановича вторично рекомендовали для работы в Йеменской Арабской Республике, где он до этого очень достойно представлял СССР. Не случайно за свои труды получил от правительства Йемена «Золотой скальпель». Фактически на этом историю тюменского отделения санавиации можно считать завершённой. Укрепилась материальная база медицинских учреждений северных городов, появились коллективы квалифицированных медицинских работников (помним благодаря чему и кому...).

Вскоре распалась огромная страна, изменился общественный строй. Эти тектонические процессы в обществе вызвали к жизни новое образование, в какой-то степени напоминающее санавиацию, – медицину катастроф. Но опыт тюменской санавиации – это то, чем наша область по праву может гордиться. Он достоин не только благодарной памяти, но и внимательного изучения в медицинских образовательных заведениях. В архиве Николая Ивановича мне встретился интересный документ – присяга врача Советского Союза. Её слова в наше время могут показаться кому-то излишне пафосными, но доктор Казеко подтвердил каждую строчку всей своей жизнью, своими 30 тысячами операций, проведённых в стране и за рубежом. Завершается документ такими строчками: «Верность этой присяге клянусь пронести через всю свою жизнь».

Служение Н.И. Казеко продолжается.
Фото А. Вычугжанина

Когда началась СВО, Казеко пришёл в военкомат с просьбой направить его в зону боевых действий. Объяснил, что имеет после Йемена большой опыт оказания медицинской помощи при пулевых и осколочных ранениях. В военкомате, узнав возраст добровольца, отказали с большим уважением. В настоящее время он ведёт консультативный приём в одной из лучших клиник города Тюмени. Николай Иванович Казеко продолжает свято выполнять всё, что записано в данной им присяге. А я, будь моя воля, дал бы ему звание Героя Труда. Пока же дай Бог ему здоровья и благополучия!

Информация: Казеко Николай Иванович

Доктор медицинских наук, профессор. С 1998 по 2018 год являлся главным урологом Тюменской области. Один из создателей тюменской санавиации.
За самоотверженную работу в Йеменской Арабской Республике Николай Казеко был удостоен грамоты Министерства здравоохранения ЙАР и награждён символическим «Золотым скальпелем» (из золота 950-й пробы).
Отличник здравоохранения – 2003 год. Заслуженный врач РФ – 2005 год. Кавалер ордена Авиценны (по ходатайству арабского правительства). Почётная грамота губернатора Тюменской области – 2008 год. Фонд В.И. Муравленко отметил заслуги врача Казеко за вклад в создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса своей премией – Знаком «Почётный работник здравоохранения Тюменской области» – 2014 год. Почётная грамота Тюменской областной Думы – 2018 год.

«Сибирское богатство» № 1’2026

Готовясь отмечать 75-летие известной в мире ненецкой писательницы Анны Неркаги, люди, которые хорошо её знают, решили напомнить об этой юбилейной дате читателям журнала.
Сегодня мы публикуем рассказ Полины Сайфуллиной, которая нарисовала графический роман «Анико из рода Ного» и детскую повесть «Предание об одиноком человеке», ставшие книгами года в своих номинациях. Полина жила и работала рядом с писательницей в её стойбище: ряд присланных ею фотографий иллюстрирует этот материал.
Также вниманию читателей мы предлагаем очерк друга Анны Неркаги Анатолия Омельчука – писателя, краеведа, журналиста. Анатолий Константинович, кроме своей рукописи, передал нашей редакции записанный с голоса монолог Анны – сложный, идущий от самого сердца, способный, по мнению близких ей людей, показать некий её «космизм». Мы согласны: когда в центре внимания такой человек, как Анна Неркаги, есть смысл дать слово и ей самой.

Текст Полины САЙФУЛЛИНОЙ

В доме под названием «тундра»

Сайфуллина Полина Сергеевна окончила Институт архитектуры, дизайна и визуальных искусств ТГАКИСТ, иллюстратор, дизайнер. Живёт и трудится в Тюмени.

Несколько лет назад мне открылось окно в другой мир. Так бывает, когда решаешься на новое. Знакомство с Анной Неркаги стало таким открытием, решиться на которое было очень непросто. С творчеством Анны Павловны я знакома давно, по мотивам её произведений делала украшения, писала картины, рисовала небольшие иллюстрации. В простых словах её текстов заключена огромная сила, они образны и живописны.

В выборе произведения я не ошиблась. «Анико из рода Ного» – это беседа с автором об истории семьи, становлении личности, страхах, переживаниях и боли. Анна Павловна знала, как непросто мне будет работать над иллюстрациями, не погружаясь в среду, и пригласила в гости на Ямал. Какой была бы книга без этого путешествия? Скупой на образы, лишённой понимания природы и места. В августе 2022 года я отправилась в путь. Сначала самолётом до Салехарда, потом переправой до Лабытнанги, машиной до Лаборовой. Первое, что бросается в глаза – непривычно низкое небо с разбросанными по нему облаками и синие полоски гор вдалеке. Всё время мы ехали вдоль Уральского хребта, он казался огромным спящим великаном на краю земли. В одну из остановок уже на пути из Лабытнанги в Лаборовую к нам вышли олени. Представьте себе бесконечный простор, куда глаза глядят, ветер, волнующий траву, низкое небо, тонкие речки и степенно идущие олени.

В гостях у Анны Неркаги. Фото из личного архива Полины Сайфуллиной. Автор неизвестен

В таком духе умиротворения мы приехали к дому Анны Павловны на Единственной улице, как они её там называют, в Лаборовой. Навстречу нам вышла невысокая женщина в клетчатой рубашке, собранная в движениях и очень серьёзная. По факту поездки я бы сказала – по-ненецки серьёзная, потому что именно такими – спокойными, серьёзными и вдумчивыми, не делающими лишних движений, представились мне все местные жители тундры, которых я встречала.

У Анны Павловны большой дом, в котором кипит жизнь, теплица с зеленью и горохом, цветы во дворе, но самое большое богатство – реки и тундра, лежащие по обе стороны от улицы Единственной. В этой тишине я узнала ответы на некоторые вопросы, которые не давали мне покоя во время работы над книгой. Вдали от цивилизации, без съедающей душу городской суеты, в тишине тундры пишутся

те самые слова, рождаются самые точные образы. Творчество Неркаги – разговор с Богом, а для этого нужно смотреть внутрь себя, не отвлекаясь на посторонние звуки. Ещё я не могла понять, как можно из города с горячей водой из крана и центральным отоплением вернуться в чум. Главное слово – вернуться. Душа всегда остаётся на родной земле, эта земля – и источник сил и вдохновения, и ключ к пониманию устройства мира. Как, должно быть, она счастлива, что живёт там. Хоть и был этот выбор сложен, он определил во многом не только творческий путь автора, но и судьбу Лаборовой и её детей.

«Земля Надежды». Фото из архива Полины Сайфуллиной. Автор неизвестен

На второй день Анна Павловна пригласила нас на Землю Надежды, своё духовное детище. Ещё 25 километров мы ехали на гусеничном треколе (вездеходе), преодолевая речки, низкие перелески и наблюдая за приближающимися горами. По дороге остановились на полной голубики полянке. Я увидела эту ягоду впервые здесь – настоящее сокровище. И снова кругом тишина и шорох травы. Да иногда вспорхнёт с озера птица. Наверное, давно я так долго не молчала, сил не было говорить, хотелось наблюдать и впитывать в себя мир, о котором мне предстояло нарисовать множество иллюстраций. На территории «Земли Надежды» красивый деревянный храм, камни, расписанные Анной Павловной, много детей в пёстрых платьях, серьёзных ненцев, чумы, нарты, белые пушистые собаки. Здесь мне удалось сделать наброски с натуры, поговорить с местными. За чаем нам представили мальчика Никиту, который любит рисовать. Конечно, у него не было учебных пособий и академического педагога, поэтому, возможно, уже сейчас в тундре растёт наивный художник. Дочь Анны Павловны провела мне экскурсию по музею ненецкого быта, так что вопросов по части текста почти не осталось. Наполненные впечатлениями, мы со съёмочной группой отправились в обратный путь.

Пленер. Фото из архива Полины Сайфуллиной. Автор неизвестен

В Лаборовой поговорили перед отъездом с Анной Павловной, она сомневалась по поводу идеи рисовать «Анико» в виде комикса, но всё равно поддержала меня, почти по-матерински.

И это её отношение ко мне, как к ребёнку, который пока не очень понимает, что делает, но должен получить порцию свободы, чтобы научиться жить самостоятельно, придало уверенности в работе. Я благодарна ей за каждую минуту в этом огромном доме под названием «тундра», где мы были робкими гостями и получили в дар поддержку и понимание. Впереди был год работы над иллюстрациями, сложности с изданием, волнение от выхода книги. Но у меня было доброе слово Неркаги, с помощью которого я преодолела этот непростой путь.

В заключение скажу, что Анне Павловне понравился комикс. Увидев страницы будущей книги, она сказала моему мужу: «Бог, когда создавал наш мир, был и Художником, и Писателем, и Музыкантом. Когда Поля рисовала книгу по моей повести, была и художником, и писателем. Ты понимаешь меня?»

Вот так я получила в своей жизни самого доброго творческого союзника.

«Сибирское богатство» No 1'2026

Текст Анатолия ОМЕЛЬЧУКА

МИССИЯ АННЫ

Самое главное открытие в любой жизни – это открытие человека. Себя. И Другого. Человек – главное событие Вселенной. Как и Вселенная, человек, наверное, непознаваем. Его можно открывать вечно, поэтому человечеству и дана вечность.

Главное открытие моей жизни, признаюсь, – это Анна Неркаги. Она знает свою миссию. Человек – подтверждение Бога. Ты веришь – Бог есть. Бог в тебе – это твоё божественное и житейское предназначение. Бог – творец человечества, но человек – штучное произведение Творца, штучное создание. Бог потрудился над каждым из нас. Каждый из нас – единственная формулировка Господа, единственное предназначение, единственное благословение.

Я произношу всё это, имея в виду Анну Павловну Неркаги. Каждый из нас рождается со своей миссией. Жизнь даётся ему, чтобы миссию исполнить. Осуществить.

Многие, уже прожив свою – скучную или бурную – жизнь, так и не осознают, зачем они приходили в этот мир, сделали ли что-то по собственному божественному предназначению.

30 лет назад талантливая писательница-ненка Неркаги вернулась в родной чум старого Себеруя – старик отец попросил дочь помочь по хозяйству. Анна вышла замуж, но случилась трагедия – не смогла родить. Тогда она собрала всех сирот Байдарацкой тундры (их оказалось ровно 12) и объявила им:

– Вы – мои дети.

Создала на фактории (торгово-снабженческий пункт на территориях Крайнего Севера) Лаборовой семейный детский сад, семейную школу, организовала поблизости на озере Тейнто в предгорьях Полярного Урала летний детский лагерь «Земля Надежды».

Этношкола Анны Неркаги – первая в России авторская школа северной жизни. Жизни в современном мире, но в традиции житейского обучения и жизненного опыта родного северного места и родного народа. Неркаги не смирилась с тем, что её небольшой народ покорно, тихо и скромно уйдёт с исторической сцены. Нет, она не борется с наступающим глобальным чувством утраты всего человеческого и национального, она делает всё, чтобы её великому отважному народу – арктическому авангарду человечества – нашлось достойное место и действие, участь и занятие. Сегодня. Завтра. Всегда.

Анна Неркаги с детьми.
Рисунок А. Кухтерина

Её родной ненецкий – как и всякий северный малочисленный – народ уже так много потерял, что больше ему терять нечего. Только – жить! Радостно, деятельно и счастливо. Ведь для этого у ненцев автономного Ямала есть всё – ягельная тундра, олени, рыбные реки и озёра, горы, незаходящее полярное солнце, мудрые отважные предки и главное – родная страна. Родная заботливая Россия – сад народов.

На озере Тейнто в голой тундре вы увидите и первую её простенькую церквушку во имя святой Троицы и великолепный рубленный из лиственницы собор Архангела Михаила. Не дождавшись её приезда в Москву за орденом Андрея Первозванного, Патриарх всея Руси Кирилл сам приехал помолиться в храме Анны.

Создав повести «Анико из рода Ного», «Илир», «Белый ягель», апокалипсис XX века – роман «Молчащий», Анна замолчала. Казалось, навсегда, но нет. Признаёт: тот, кто стоит за её спиной, когда она пишет, помог создать шедевр русской письменности, отечественной словесности «Мудрые изречения ненецкого народа».

Подчеркну: книга двуязычна, но это шедевр русской словесности. Неркаги издала «Мудрые мысли» за свой счёт – денег хватило на 30 экземпляров. Сегодня она заканчивает «Легенды и предания родной земли» – эпос ямальских ненцев.

Она перенесла немало трагедий, но, пожалуй, самая страшная из них, когда в лихие девяностые весь тираж её великого романа «Молчащий» был сожжён на салехардской помойке.

Основные деньги на жизнь большая семья Большой Мамы зарабатывает сама. Её семейное фермерское хозяйство «Надежда» первым на просторах полярной Сибири начало осуществлять национальную президентскую программу развития внутреннего и международного туризма. Пока что сюда – на Крайний Полярный Урал идут за арктической экзотикой.

Творец по натуре, Анна оказалась велика не только в литературе (она нобелевский номинант), но и в творчестве жизни: своей личностной и своего родного народа.

Я здравый и, скорее, очень приземлённый человек, давно знаю Анну Павловну, но, сдаётся, явственно вижу трансформацию, как Большая Мама переходит в ипостась тундрового пророка.

Как-то недавно мне задали вопрос:

– Есть ли в родных пределах, на нашей земле кто-то ещё масштаба Анны?

Я честно задумался, огляделся окрест и понял: нет, не встречал, не видно. Нам, современникам, если мы даже не заблуждаемся, не всегда дано понять масштаб личности ближнего современника по человечеству. Анна Неркаги – не только уникальное событие культурной жизни России и Евразии, но и уникальное явление современного социального бытия нашей страны.

В своё время на «Регионе» я создал телетрилогию «Евангелие от Анны» («Вечность в эту осень», «...и Бог плакал вместе со мной»). Мощная вещь получилась – масштаб героини многое снять не позволял. Почти случайно, попутно, мимоходом мы записали монолог Анны – пронзительный, вечный, искренний, навзрыд. Настоящее откровение творца. Я такого никогда не слышал. Пожалуй, в истории творящего человечества такого и не существует. Поэтому для вас, моих читателей, – без купюр.

Интервью на «ЯмалРадио». Салехард, начало 80-х гг. Фото из личного архива Анатолия Омельчука. Автор неизвестен

Монолог Анны Неркаги

... и Бог плакал вместе со мной...

Если мои дети делают что-то хорошо, я глажу их по головке. Самое моё горячее желание, чтобы и Христос гладил меня так же. Когда я закончила «Молчащего», Он и погладил. По этому поводу я написала: «Никто на земле не заметил, что появился «Молчащий». Рождение «Молчащего» было отмечено на небесах». Бог мне дал этот дар.

Работая над «Молчащим», я испытывала великое счастье и такое страдание, которое нельзя описать словами. Наверное, про него даже говорить не надо. Но когда нашла этот изумительный конец... Когда этот несчастный кричал: «Смотрите, вот Он!» – и Молчащий показывал свои пальцы, истекающие кровью, оттого что сотворил живыми своими пальцами, оттого что они не могли увидеть глазами лик Христа. Вот этот изумительный финал я нашла в лесу.

Дописывая «Молчащего», я чувствовала: нет конца. Всё прекрасно: они горят, скопийцы должны сгореть. Но как – этого я не знала. Мучилась. Измучалась до того, что спать не могла, заболела. Почему... почему не могу найти эпилог...

Тогда я сказала Коле: «Давай уедем куда-нибудь». И мы уехали в лес. Вечером разожгли огонь, сели около костра, а я всё мучаюсь. Не могу родить, у меня схватки, а родить не могу. Смотрю на Колю и чувствую: он мне тоже не в силах помочь.

Когда женщина не может родить, она кричит. И я стала кричать. Стала разговаривать с Колей так, будто мы с ним на одном уровне, будто он тоже не может родить. Смотрю на него и говорю: не могу найти конец своей изумительной повести. Десять лет писала, за это время что только со мной ни происходило! Но не могу найти конец, помоги! А он не того уровня человек. Он просто очень хороший, но не тот, который помог бы мне родить слова. Я начала разговаривать сама с собой, чтобы помочь себе. И вдруг поняла: Молчащий должен был на каменной глыбе своими руками сотворить лик Христа.

И когда я это поняла, вы не поверите, почувствовала счастье – это как освобождение женщины от физического бремени, когда она выкидывает своего ребенка. Ей – счастье. Ей не больно, она освободилась. Вот то же самое почувствовала я, но только в духовном смысле. Я оставила мужа сидящим у огня, а сама пошла в наш маленький вездеход. Легла и крепко уснула – как женщина, которая только что родила своё дитё.

Анна Неркаги, деревня Лаборовая. Фото Э. Улыбина

Ночью я просыпалась совершенно счастливая. Вокруг меня было ощутимо чувство – меня любили. Я чувствовала любовь так, как можно её чувствовать… Такого чувства любви на земле нет, между людьми нет такого чувства. Я поняла: меня любили за то, что я нашла этот изумительный конец. На небе радовались, что он был именно такой. Подобного чувства я больше никогда не испытывала. И не испытаю, потому что больше не напишу такого произведения, как «Молчащий». Наверное, и не надо.

Вы спросили, живём ли мы вечно? Я ответила: да, вечно. После того как умерла моя единственная дочь, я как бы встала на середину собственной жизни: посмотрела назад, посмотрела вперёд. И увидела… Впереди я увидела себя. Вы читали «Молчащего». Молчащий – это я. Это меня будут убивать, это я людям буду кричать так, как до сих пор кричу. Даже сейчас кричу, потому что вижу: вам тяжело это понять. Когда посмотрела назад, на много миллионов лет назад, то увидела, кем была. Тяжело говорить. Увидела, что я вечна. Точно так же, как вечен каждый из нас. Увидела, что я была сотворена Христом себе в помощники.

Да, Христос, когда о человеке ещё не было речи, создал себе помощников. Это были титаны. Огромные великаны. Помните, в «Илире» была легенда о Голубых Великанах? Это ненецкая легенда, это моя легенда. Легенда о Голубом Великане – это моё воспоминание о титанстве.

Вы знаете, что титаном был Лермонтов, титаном был тот же Данте, титаном был Лев Толстой. Это те, кого я сейчас могу назвать. Титаном была и я. Мы предали Христа. Неверно говорят, что Христа предал Иуда. Первыми Христа предали мы. То, что мир таков, что в нём есть смерть, есть болезни, есть нетворчество, есть чувство нерадости – это результат предательств. Вот вы сейчас в тревожном состоянии, вам очень больно, вам невмоготу, вы себя отравили и мучаетесь (у Анны были все основания так сказать собеседнику – А.О.).

Гордыня творца – его средство защиты. Я тоже обладаю гордыней. Она – самое главное свойство моего характера. Но моя гордыня помогает мне в этом мире выживать. По крупному счёту. Хотя понимаю, я виновата в том, что человек смертен, что люди страдают, и я страдаю точно так же. Как человек, грубо выражаясь, который вечно пьёт, страдает по рюмке. Я страдаю по разговору о вечности. Я страдаю о том, что знала. Я была с Лермонтовым, была с Данте. Я их знала, с ними разговаривала, с ними делала горы. Другое дело, что мы сотворили не те горы. Я страдала оттого, что мне не с кем разговаривать, что люди – предатели, что одинока. Одиночество я чувствовала, как только родилась. А ещё усталость, усталость от миллионновекового существования.

Я знаю, когда рожусь и кем буду. Своей силой воли это могу… Не я одна, каждый может это сделать. Но сейчас я про себя. Я поняла, что силой воли могу построить не только свою теперешнюю жизнь, но судьбу свою космическую. Я могу родиться, именно родиться, тем, кем хочу родиться. Я бы хотела родиться Богом. Маленьким Богом. Богом тем людям, среди которых сейчас живу. Может быть, ненцам. Богом, ответственным за ненцев на земле и в тундре.

На нашей территории, на костяном камне – бабка-богиня. С благоговением её имя не произношу, потому что перед ней виновата: возгордилась я в своё время перед ней, и она меня наказала. Теперь я перед ней преклоняюсь и поддерживаю с ней хорошие отношения.

Конечно, я бы хотела творить не на Земле, потому что творчество на Земле – одно из видов страдания. Все наши великие писатели, великие творцы сделали из своих талантов монстров. Этими же монстрами они и были убиты.

Когда умерла моя дочь – кончилось время, которое Господь определил мне. Он взял мою дочь, когда увидел, что я решила жить для себя. Любовь к этой девочке стала смыслом моей жизни. Я мечтала сделать из неё такую женщину, которой вообще никогда не было. И Бог забрал её у меня. После этого я была не в своём уме. У меня случались видения. Я слышала голос умершей дочери, я видела на небесах храмы. В моей книге есть замечательные строки «…и Бог плакал вместе со мной».

По дороге в Лаборовую.
Фото П. Сайфуллиной

Но вот я что хочу сказать, Бог-то не только с нами плачет, Бог бывает с нами и счастлив. Я сейчас пытаюсь показать людям, как должен жить человек, который покаялся и который понимает, что он должен получить прощение Христа. Вот эти двенадцать сирот, которых я воспитываю, и наш тринадцатый – отец, который тоже как дитё.

…Восемь лет мы работаем. И в течение этого времени я делала добро, временами совершенно невидимое. Восемь лет мы с мужем занимались деланьем этого добра. В конце концов вдруг поняла: я их не люблю. Я сейчас честно говорю, что не дошла ещё до того, чтобы их любить, но я их терплю, я делаю добро, потому что я должна это делать.

Если вы помните, в «Молчащем» есть замечательные строки: «…Поле человеческой души посеяно добром, семенами божественными». Помните, да? Я начала сеять поле человеческой души, но поняла, что напрасно трачу свою энергию, напрасно кладу туда семена, семена, грубо говоря, вечности. Теперь я буду работать с душами детей. Души детей ещё не тронуты дьяволом.

Графический роман «Анико из рода Ного» стал Книгой года Тюмени.
Фото П. Сайфуллиной

Я начала писать семь повестей, коротких, как гнев. Там были «Маук», притча о брате, «Наста»… Довела до середины, но дальше почему-то они не рождались. Из всех семи повестей получился только «Молчащий». Только один ребёнок вышел из меня. Вышел тот, кто был угоден Богу. Эти незаконченные произведения – я их прочитала как-то на досуге – написаны талантливо, хорошо. Подумалось, я даже имею права издать их. Пусть читатель допишет сам. Надо давать читателю возможность дописывать кое-что за писателя. Последней книгой, если я доживу, будет книга о смерти. Это будет очень хорошая вещь.

Я возвращаюсь к вашему первому вопросу: вечны ли мы? Надежда умирает последней, но, может быть, надежда – это то, что не умирает никогда. Вечная спутница вечных скитаний. Вечность – безбрежный океан, в котором каждый из нас плывёт в утлой лодчонке с тщетной надеждой узреть среди бесконечных волн желанный берег. И каждое неверное движение грозит гибелью.

…Я не всё, конечно, сказала. Я из вечности и я в вечности. Времени нет. Я вдруг поняла, что должна встретиться с Омельчуком и более ни с кем. Вы правильно сказали: она живёт среди нас, но не с нами. Да, я живу совсем в другом времени. Для меня нет времени в качестве какого-то отрезка. Я приглашаю в вечность, это моё самое жгучее желание. Помните, в «Молчащем» есть: «… не творить – нет хуже наказанья, не любить – нет горестней участи».

«Сибирское богатство» № 1'2026

Текст Станислава ТУЛЯКОВА

Записки военврача

Продолжение. Начало в № 5 и № 6 2025 г.

Самый убеждённый пацифист – солдат на передовой. Вообще, понятие «пацифист», как и многие другие понятия, без контекста совершенно пустое.

Очень показательно это иллюстрировали действия двоих самых известных пацифистов XX века: Хемингуэя и Ремарка. Оба участники войны, воевавшие по разные линии фронта и создавшие пронзительные произведения о трагедии своего «потерянного поколения», обожжённого Первой мировой. Оба встретили начало Второй мировой войны состоятельными людьми в статусе известных писателей, убеждённых антифашистов, будучи дружны между собой.

Но как они повели себя?

Ремарк бежал от нацистского режима и войны. Сначала во Францию, а когда немецкие танковые клинья, обойдя линию Мажино, устремились к Парижу, рванул дальше, через океан. В США.

Талантливо стонал о бессмысленности войн и гордился, что его роман «На западном фронте без перемен» горел вместе с книгами великих философов в огромном костре, который ярко освещал безумие нацистского факельного шествия.

Ушёл в длительный запой, когда нацисты казнили его сестру, а потом... продолжил сибаритствовать и крутить романы с самыми красивыми и знаменитыми женщинами своей эпохи, издалека наблюдая за жестокой общемировой битвой.

Хемингуэй высадился в ещё оккупированной Франции вместе с бойцами американского спецподразделения, которое координировало действия отрядов Сопротивления перед десантом союзников в Нормандии.

После, в составе армии США, участвовал в штурме линии Зигфрида, получил награду «Бронзовая звезда» за личную храбрость и вошёл в освобождённый Париж в одном строю с Де Голлем.

Хемингуэй считал, что пацифизм без действия – это просто синоним пораженчества в красивой обёртке. В обёртке, которая может скрывать банальную трусость, непонимание политической ситуации, а иногда и... открытое предательство.

Глядя на красивых молодых людей, распевающих на центральных площадях крупных городов России якобы антивоенные песенки музыкантов, открыто спонсирующих убийства российских солдат, меня охватывает непонимание, граничащее со злостью. Эти ребята со стаканчиками ванильного кофе в руках, которые, скорее всего, занимаются тем, что перекладывают бумажки в офисах, уверены, что одно из самых сложных решений военно-политического руководства России – приказ о начале СВО был отдан на эмоциях, и его можно как дать, так и взять назад. Солдаты вернутся домой, а они продолжат потягивать смузи по кафеш-

После боя. Фото предоставлено автором

кам после своей часто не особо нужной для базового существования общества «работы». Пацифизм в их понимании – это немедленное окончание войны путём признания поражения России. А наивность этих людей граничит с олигофренией.

Наша Родина вступила в противостояние с Атлантической цивилизацией, которая только по счастливой случайности проморгала начало восстановления России после оглушительной, но, к счастью, не фатальной катастрофы в противостоянии, длившемся несколько веков.

Великая, без кавычек, цивилизация отважных мореплавателей, жестоких пиратов, хитроумных торговцев и безжалостных колонизаторов откровенно почивала на лаврах после развала Советского Союза, который до этого был мощной Российской империей. Наслаждаясь разрухой и нищетой, царящих на грязных улицах российских городов, запустением научно-исследовательских институтов и цехов военных заводов.

Ирония в том, что они никогда и не скрывали, что весь мир для них – «кормовая база». Данной теме посвящали целые философские и экономические труды, совершенно не стесняясь. Но они, хоть и с опозданием, всё же спохватились...

Потому что улицы российских городов стали чистыми, а по стране начали один за другим возникать новые технологичные производства. И несмотря на стоны части российского общества, статистика упрямо твердила, что такого высокого среднего уровня жизни не было ещё никогда в истории.

Сложно сказать, когда точно была спланирована операция по моральному и экономическому отрезанию 40 миллионов граждан Украины, но резали по живому, организованно и с продуманной информационной поддержкой. И цинично дали старт операции в самый разгар сочинской Олимпиады. Когда Россия возрождала спортивную и национальную гордость, в центре Киева вспыхнул госперевороот, и потянулась цепь трагических, безусловно спланированных событий, приведших к началу СВО.

Молодые люди, не видящие дальше своего стаканчика смузи, этого совершенно не понимают. Они не понимают, что взоры всего бывшего колониального мира устремлены на Россию, не понимают, что пока борется и побеждает Российская армия, держится экономика, курс акций и валюты.

Цивилизация торговцев закачивает сотни миллиардов долларов и евро в Украину для борьбы с Россией не для того, чтобы наши народы жили богато и счастливо.

И если последовать «пацифистским» желаниям российского аморфного «офисного планктона» и сдаться, то рухнет первым делом их кофе и смузи, а свои «компетенции» всяких маркетологов, блогеров или СММщиков они не смогут обменять даже на лапшу быстрого приготовления...

Солдаты действительно вернутся с фронта. Но одно дело, когда с фронта возвращается боец в почёте и уважении, а другое – возвращение сотен тысяч обозлённых мужиков побеждённой армии. Жизнь этой ванильной молодёжи точно безопаснее не станет, а экономический кризис может поставить страну на грань новой гражданской войны и развала – о чём так мечтают западные спонсоры тех «пацифистов», которые на зарплате.

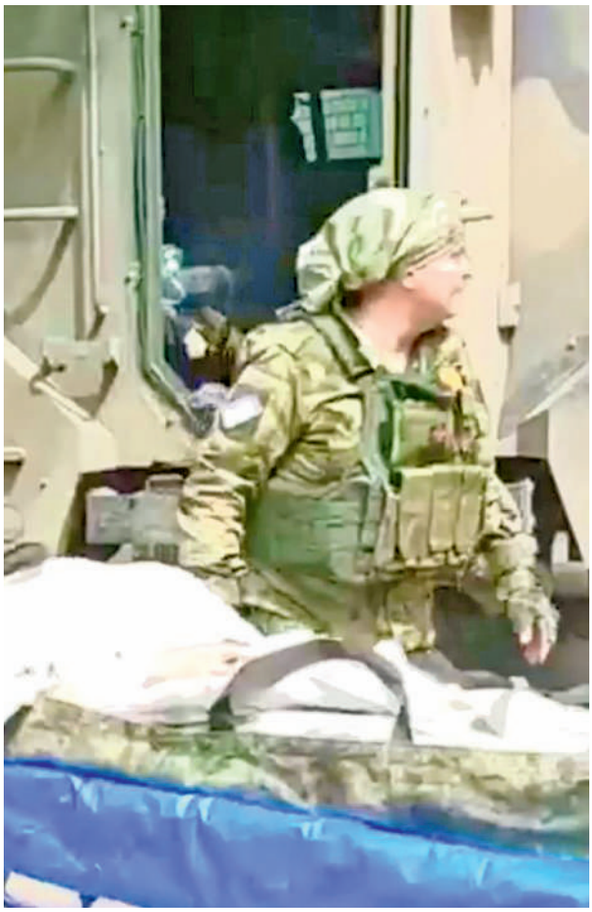
Солдат, участвующий в СВО, как истинный пацифист мечтает об окончании войны, потому что в любой момент может потерять свою жизнь, но как истинный патриот защищает уровень жизни своих сограждан. И если вы не помогаете ему, то хотя бы... не мешайте.

Выход

Солдат ВСУ, стоявший на посту в окопе у пулемёта, не услышал выстрел. Пуля быстрее скорости звука, а при попадании в голову наглухо гасит все органы чувств. Теоретически он ещё мог засечь вспышку выстрела – всё-таки скорость света хоть и весьма высока, но заметить можно, однако боец спецназа армии РФ с позывным Вжик пользовался «банкой». Так в войсках называют устройство – пламегаситель, навёрнутый на ствол оружия. Так что последнее, что видел и слышал ВСУшник перед падением на дно окопа, это тёмный лес и оглушительное пение ночных цикад.

Вжик увидел его в тепловизионный прицел на своём АК-12. По сути, этому пулемётчику можно было предложить сдаться. Но логика, опыт и ин-

Городской бой. Фото предоставлено автором



Эвакуация. Фото предоставлено автором

стинкт самосохранения идею предложить сдаться вражескому солдату на посту с пулемётом на изготовке отвергли сразу, и Вжик выстрелил…

***

Маршруты эвакуации раненых после развёртывания мобильного передового медицинского пункта Док предпочитал всегда проверять лично.

Во-первых, потому что помнил свою ошибку, когда он не проконтролировал визуально резервный маршрут, который внезапно стал основным по ходу боя.

По спутниковой карте маршрут пересекался с небольшим ручьём, который фазаны вброд могли перейти, но оказался по весне разлившимся притоком реки Бахмутки, и бойцам групп эвакуации пришлось перетаскивать раненых через него по грудь в холодной воде.

А во-вторых, ему нравилось работать с разведчиками. И выход на маршрут под их охраной представлялся порой даже более безопасным предприятием, чем эвакуация тяжелораненых на транспорте с риском получить дрон в борт, или работа на передовом стабилизационном пункте под угрозой прилёта на голову чего-то тяжёлого и взрывающегося.

Этот выход был достаточно обычным и не сулящим особых сюрпризов. Фронт за неделю ушёл вперёд на несколько километров, надо было менять структуру эвакуационных маршрутов.

Впереди по вечернему лесу шёл разведчик-сапёр, а следом, соблюдая дистанцию 20 метров, шли Док и командир разведгруппы Злой. Группа уже прошла по одному маршруту эвакуации до линии боевого соприкосновения и двигалась обратно по резервному, рассчитывая на закате вернуться на позиции медпункта.

И тут, почти бесшумно, из кустов вывалился разведчик с позывным Владик из звена контроля периметра.

– Командир, дистанция 200 метров, по кромке леса движутся двое хохлов, Метель наблюдает.

– Разведка? – напрягся Злой.

– Не думаю, оборванные они какие-то, один вообще без оружия и сильно хромает, – хохотнул Владик. Этот молодой боец родом из Приморья всегда подкупал своей улыбчивостью и весёлым характером.

– Берёшь их с Метелью живыми, тащишь сюда, Вжика ко мне, – распорядился Злой, и Владик исчез в кустах.

Пленных было двое. Немолодые мужики, грязные, небритые и с потухшим взглядом. Пока Док оказывал помощь одному из них, они рассказали, что сидели вчетвером на небольшом опорнике, даже разобрались с электронной картой планшета, указав, где он находится, чем привели Злого и Дока в некоторое недоумение. Как они оказались в тылу российской группировки, не попав ни под одно наступающее подразделение, было загадкой.

Но командование ВСУ их, по-видимому, бросило и списало в потери. Проткнутая гвоздём из доски стенки окопа нога одного из солдат загнила, распухла, и товарищами было принято решение разделиться. Солдат с пострадавшей ногой в сопровождении напарника, не имея связи, без приказа поковылял, как они думали, в сторону своих позиций, совершенно не зная, что фронт уже откатился. А на опорнике остались двое, вооружённые пулемётом и автоматом.

Игнорировать такой, пусть не великий и с деморализованными защитниками укреп в тылу группировки разведчики позволить себе, конечно, не могли.

– Мы быстро, Док, – кивнул Злой и, оставив связанных скотчем пленных под наблюдением сапёра и врача, скрылся с разведчиками в надвигающейся темноте.

Тишина была давящей, и Док негромко спросил одного из пленных.

– Откуда родом будешь?

– Из Киева.

Трудился пленный на моторном заводе рабочим. Как выяснилось, пошёл в ТЦК (аналог украинского военкомата) сам, по повестке. Бегать смысла не было: жена работала в школе, и за мужа-уклониста ей грозило увольнение. Как прокормить в этом случае детей-школьников, становилось совершенно непонятно. Государственная система принуждения

действовала на Украине безжалостно, по жёстким методичкам и под контролем западных кураторов.

Тяжёлый разговор прервал лёгкий шелест листьев. Недаром эмблемой разведки выбрана летучая мышь. Из темноты, как обычно, почти бесшумно «выпорхнул» с неизменной улыбкой Владик.

– Док, всё чисто, Злой приказал взять пленных – и на опорник. Там решим, что с ними делать.

***

...Вжик выстрелил... А через несколько секунд увидел в прицел поднятые из окопа руки. Голову обладатель этих рук предусмотрительно прятал, учтя опыт погибшего напарника. И теперь у разведгруппы совершенно неожиданно оказалось трое пленных.

Разведчики тащат пленных в тыл только по заданию, либо когда предполагается, что внезапно подвернувшийся военнослужащий противника обладает ценной для командования информацией.

То, что эти трое бедолаг, забытые своими командирами в тылу российских войск, никакими важными данными не обладают, было понятно.

И Злой по жестокой логике разведвыхода вполне мог их ликвидировать. Понимали это и пленные. На неожиданно взятом укрепе собрались все разведчики и молча смотрели на поникших солдат ВСУ, ожидая решения их судьбы от командира группы.

– А давай возьмём их с собой? – неожиданно предложил Док. – Пусть помогут раненых таскать, постоянно рук не хватает. А потом в тыл с эвакуацией отправим, пусть там решают с ними.

Лица пленных посветлели.

– Будете помогать? – обратился к ним Док

И все они горячо согласились, закивав. Даже тот, что был с распухшей ногой. Но Злой мрачно смотрел куда-то сквозь них.

– Бушлаты снимайте и футболки тоже, – внезапно приказал Злой равнодушным голосом. И пленные начали дрожащими руками раздеваться, вероятно, мысленно прощаясь с жизнью.

Вернувшись в расположение медпункта, двоих пленных сдали под охрану бойцам взвода огневой поддержки, а Док сразу же отправился вскрывать нагноившуюся флегмону третьему украинцу. Когда он закончил операцию и вернулся в блиндаж, бойцы разведгруппы уже разогрели консервы из сухпайков и оживлённо обсуждали подробности выхода.

Приказав снять одежду пленным, Злой под светом фонарика осмотрел их на предмет нацистских наколок. Но эти измождённые мужики явно не были идейными последователями Бандеры и горячими борцами с «сепарами» и «руснёй», поэтому кроме корявой наколки «Коля» у одного из украинцев ничего не обнаружил. Осознав, что им сохранят жизнь, двое пленных подхватили своего хромающего товарища на руки и понесли до медпункта.

Наблюдая за отчаянными парнями, которые азартно анализировали подробности выполненного задания, Док думал. Он знал, что эти ребята истинные пацифисты, прилагающие все усилия, чтобы закончить войну. Победой России, конечно. Но ведь посмотри – они оказались ещё и гуманистами...

Да, Доку нравилось работать с разведчиками.

Артобстрел. Фото предоставлено автором

День ВДВ

Илюха был десантником до мозга костей. Вообще-то звали его Иван. Позывной Илюха он взял в честь незаменимого военного транспортника Ил-76, с которого его целых семь раз выбрасывали с парашютом во время срочки. После окончания медколледжа, когда он получил специализацию фельдшера, его направили проходить службу в славные ряды «Крылатой пехоты». Ну... как отправили...

Он загодя написал целых три письма в военкомат, будучи ещё на последнем курсе, что очень желает служить в ВДВ. И после медкомиссии не удивился, что его вызвали в кабинет к военкому, который, еле сдерживая улыбку, объявил:

– По здоровью подходишь. Отправим в десант, а то, чего доброго, ещё Верховному на меня жалобу накатаешь.

Тут присутствующие в кабинете военкома сотрудники рассмеялись уже не сдерживаясь.

После службы он стал фельдшером скорой помощи, женился на коллеге и воспиты-

вал двух дочерей. Удаль десантника вполне ужилась в нём с гуманизмом любимой профессии. День ВДВ, конечно, отмечал и с гордостью ходил в голубом берете. Но этот день для него был всегда тревожным и тяжёлым. Будучи убеждённым трезвенником, он целый день вытаскивал десантную братию из неприятностей. Вызволял из отделений полиции, оказывал медицинскую помощь после спорадических драк, которые ему не удалось остановить. Честь мундира и долг медика были для него не пустыми понятиями.

– Романтик ты, Ваня, и… десантник, поэтому и вышла за тебя замуж, – не раз со смехом говорила ему супруга.

Он чуть было не ушёл на фронт после Гостомельской десантной операции, но главный врач станции скорой помощи горячо убеждал ценного сотрудника, что и здесь он очень нужен, ведь фельдшер скорой сам как на войне каждый день. Да и вообще… Скоро справятся и без него. Но когда через год не справились, Иван подписал контракт с МО.

Его невероятно раздражали первые месяцы службы. Выполнял он, по сути, те же функции, что и на гражданке, мотаясь между аэродромами, аэропортами и госпиталями, перевозя тяжелораненых эвакуированных десантников и отправляя их дальше в тыл на военных бортах, заваливая командование рапортами об отправке на передовую. Потери среди медиков были большие, и через некоторое время в тылу военных врачей и фельдшеров почти не осталось. Все они отправились на ЛБС и были в тылу заменены волонтёрами со всех уголков России, приезжающими работать в госпиталях ДНР и ЛНР. Илюха добился своего и стал фельдшером десантной роты.

Первого августа командир роты был необычайно торжественен, когда ставил задачу.

– Так вот, воины-десантники. Противнику промыли голову пропагандой, он окрылён временными успехами и верит в анекдот, что самый безопасный воин в мире – это российский десантник второго августа. Докажем, что это не так! Опорник будем брать завтра. И флаг ВДВ не забудьте с собой взять.

Ну это точно бы не забыли…

От мысли, что его первый бой состоится в День ВДВ, Илюху распирала гордость, к которой добавлялась тревога. Этот день традиционно был не совсем удачным для него.

Позиции ВСУ в лесополке уже второй день утюжила артиллерия. Но и без этого десант не сомневался в своей удали. Определённая самоуверенность и «безбашенность» всегда пропитывала бойцов «Войск Дяди Васи».

Пошли двумя группами. Первая, состоявшая из более опытных бойцов, – была основной, и на неё делалась ставка в штурме и окопном бою. Но как часто бывает, по ходу операции план внезапно изменился, и первыми в окопы ворвались десантники из группы, где шёл Илюха с санинструкторами, связав сражением защитников опорника, что позволило первой группе ворваться в окопы и вступить в тяжёлую перестрелку на кинжальной дистанции, планомерно оттесняя оказывающих яростное сопротивление ВСУшников. Бой уже затихал, когда продвигавшийся впереди Илюхи по окопу десантник остановился перед блиндажом-землянкой в центре укрепа и уже почти выдернул кольцо гранаты, собираясь забросить в невысокий, закрытый камуфлированным навесом вход.

Утро, после ночного боя. Фото предоставлено автором

И тут из блиндажа раздался крик.

– Не стреляйте, я медик, я ранен. Сдаюсь!

Илюха намертво вцепился в руку бойца, готовую рвануть кольцо.

– Стой. К раненым надо относиться гуманно.

К тому же у Илюхи привычно щёлкнула в голове коллегиальность. Медик же! Хоть и вражеский. Но сдаётся ведь. Нельзя убивать, неправильно это.

– Выкинь автомат! Я захожу. Не буду стрелять.

Из-под ткани вылетел автомат. Не АК… иностранный, но разбираться в его модели было некогда. И Илюха нырнул в блиндаж, сорвав полог из камуфлированной ткани.

Внутри лежали трое вполне профессионально перевязанных, но мёртвых солдат ВСУ, а в углу, схватившись за окровавленное левое плечо, в одном берце, сидел ещё один. Живой. Другая нога была без обуви, стопа перевязана окровавленными бинтами.

– Разгрузку сними! – скомандовал Илюха.

Разгрузка полетела наружу вслед автомату. Зашедший следом десантник деловито вытащил из блиндажа оставшееся от убитых оружие. Щелчком поставив автомат на предохранитель, Илюха присел рядом с ВСУшником. Тот как-то виновато кивнул на покойников.

– Вот. Не смог спасти. Умерли все.

На рукаве пленного красовался красный шеврон с крыльями и парашютом.

– Ты десантник, что ли, и медик? – с удивлением спросил Илюха. Раненый украинец только грустно кивнул. Убивать врага не просто не хотелось, Иван почувствовал к нему даже некоторую симпатию. Хотя помнил, как по ним ещё недавно из этого опорника вели шквальный огонь.

– А зовут тебя как?

– Иван, – ответил ВСУшник таким же безэмоциональным тоном.

Надо же сколько совпадений!

– Ну, с Днём ВДВ тебя, Иван! Ты же десантник! – улыбнулся Илюха и начал накладывать повязки, которые его первый на войне пленный не смог нормально себе наложить из-за ранения в руку.

– Спасибо, – равнодушно поблагодарил украинец.

– А как ты на войну попал?

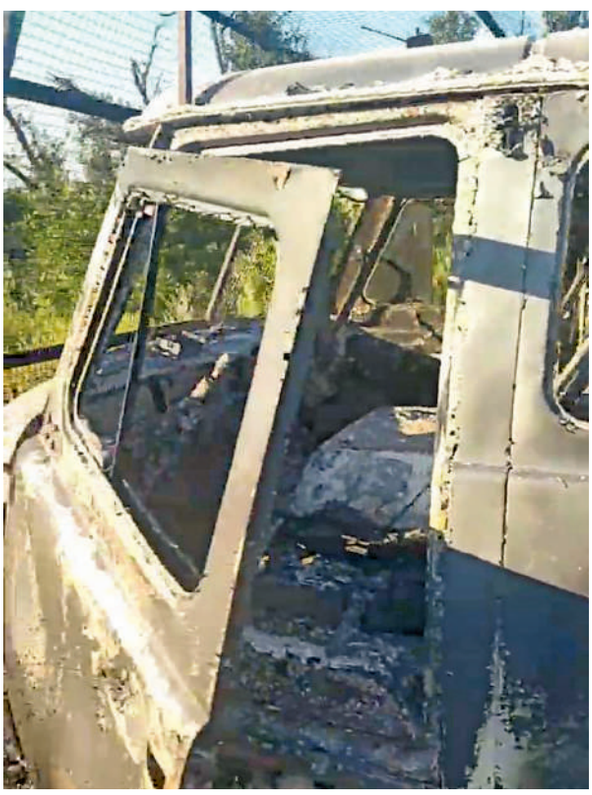
– Мобилизовали насильно, но я медик. Я не убивал никого! – поспешно начал заверять пленный. Говорил он на чистейшем русском языке, даже без характерного «гэканья».

Тут их разговор прервался стрелкотнёй по всему опорнику. Отступившие ВСУшники перегруппировались и предприняли контратаку, намереваясь вернуть позиции. Илюха рванул на выход из блиндажа, бросив пленному:

– Не бойся, всё будет нормально. Тихо сиди.

И когда он уже вынырнул и почти разогнулся в окопе, намереваясь отбивать атаку, вслед раздался выстрел…

Дикая боль пронзила левую ягодицу, и он ощутил, предполагая, как пуля уткнулась в бедренную кость. Илюха был отличником боевой подготовки и сделал, как учили, несмотря на пелену и тёмные круги, застилающие сознание: перенёс упор на правую ногу и упал в противоположную сторону от линии огня. На каком-то автоматизме достал гранату, расчековал и швырнул в проём блиндажа, зло и грязно ругаясь, чего он обычно себе никогда не позволял.



Подбитый эвакуационный уазик. Фото предоставлено автором

Когда Илюху перевязывали, командир распекал его, не стесняясь в выражениях, узнав обстоятельства ранения.

– Какого х****?! Ты с кем брататься начал? Какой он десантник? Аэромобильщик он. Нет в ВСУ десантников, есть аэромобильные бригады! У них даже береты красные.

Труп украинского медика вытащили и положили рядом. Взрывом разорвало камуфляж, была видна правая рука, сплошь забитая свастиками, рунами и какими-то фашистскими лозунгами готическим шрифтом. Когда Илюха выходил из блиндажа, тот выстрелил в него из пистолета… Где-то спрятал.

Документы убитого были в руках командира роты.

– Из правды он сказал тебе только то, что медик, – безжалостно продолжал припечатывать капитан. – Звали это тело Богдан. Призван из Ивано-Франковска, западенец. Судя по партакам, – мразь нацистская. Идейная.

А у Ивана на глаза наворачивались слёзы. От боли в левой ягодице, которая с каждой минутой только усиливалась, от злости на себя, что так глупо получил ранение, подвёл товарищей. На то, что такой добрый и доверчивый. Не должен десантник таким быть. Не так себе Иван представлял свой первый бой…

Командир, увидев его состояние, сбавил обороты.

– Жив – и хорошо. Уносите его в тыл.

И подбодрил с усмешкой:

– Не грусти, Илюха! Говорят, что пуля очень многое меняет в голове… даже если попадает в задницу.

Mayday

Mayday – международный сигнал бедствия

Звон в ушах сменился отвратительным и совершенно специфическим привкусом, который бывает при вдыхании продуктов физико-химического процесса, что на войне называют просто – прилёт. Снаряд вошёл чётко в лестничную клетку кирпичной пятиэтажки, и теперь в выбитые двери и окна квартиры на третьем этаже лавиной устремился дым и взвесь из штукатурки и силикатного кирпича.

Судя по тому, что звук выхода снаряда практически слился с грохотом взрыва, работал танк. Работал прямой наводкой. А вот это уже плохо.

Когда кто-то говорит, что танк потерял своё значение в современном бою, это означает только одно – по нему никогда не стреляли из танка.

– Сейчас будет накат. К бою!

Зычный голос командира группы огневой поддержки с позывным Злой звучал каким-то непривыч-

ным тембром и несколько приглушённо. Баротравма, механически поставил себе диагноз Док.

– Держите со своими из окна пролом в заборе короткими очередями по краям, чтобы не полезли! Отобьёмся – организуем эвакуацию. Подмогу вызвали. Док, ты слышишь?!

Док слышал. Только почему Злой говорил во множественном числе про «своих»?

В комнате вместе с ним был только санинструктор Брянск и раненый десантник, который из-за наличия множества осколков в правой ноге и руке поучаствовать в этом предприятии никак не мог, хотя, по всей видимости, очень хотел. Схватил автомат и матюгаясь переворачивался на носилках.

– Лежать! – прикрикнул на него Док и почему-то совершенно буднично задал вопрос Злому: – И какие у нас шансы задвухсотиться сегодня?

– Очень высокие, – ответил тот с невозмутимостью профессионала и скрылся в пылевой взвеси дверного проёма.

(За сутки до этих событий…)

Док – командир мобильной медгруппы, родился в Сибири, поэтому расстояния между населёнными пунктами (по-армейски просто – н. п.) в Донецкой области до сих пор не укладывались у него в голове. Не десятки и сотни километров, как в Сибири. Здесь дом одного н. п. мог быть следующим за огородом дома совершенно другого посёлка соседнего района. Плотная агломерация сплелась в клубок построек частного сектора, промзон, посёлков городского типа и небольших городов. Протянувшись вдоль разветвлённой сети дорог, эта агломерация превратилась в одну огромную крепость, где бывшие когда-то населёнными пункты были превращены в настоящие бастионы. Что, впрочем, не спасало их от участи – один за другим падать под натиском Российской армии.

Но в данный момент размышлять об этом было некогда. В оперативном штабе ставилась боевая задача для медгруппы. Романтический образ командира, склонившегося в задумчивости над картой, остался только в фантазиях военкоров, время от времени приезжавших в штаб и снимавших красивые кадры с картой, стрелочками и задумчивыми, проницательными взглядами офицеров, склонявшихся над ней. Потом корреспонденты, невероятно гордые своей отвагой, уезжали получать удостоверения ВБД (Ветеран боевых действий), а штаб продолжал обычную работу, где спутниковая карта двигалась по экрану огромного телевизора, подчиняясь компьютерной мышке в руках начштаба и его замов. А точки и задачи командиры подразделений отмечали на таких же картах своих электронных планшетов.

Стабпункт. Фото предоставлено автором

Замнач озвучивал обстановку и задачу:

– Док, выдвинетесь с группой по сумеркам. Необходимо организовать пункт стабилизации в этой пятиэтажке. Там подвал хороший, был ЖЭК местный в доме. Для развития штурма нужно медицину развернуть. До промзоны эвакуировать постоянно уже не вариант. Будут сопровождать сапёры по маршруту. От промки организованы посты наблюдения и РЭБ, эти дома уже наши, сейчас идёт штурм следующей линии, к моменту передислокации стабилизационный пункт окажется прикрыт нашими позициями. Раненых много сейчас там.

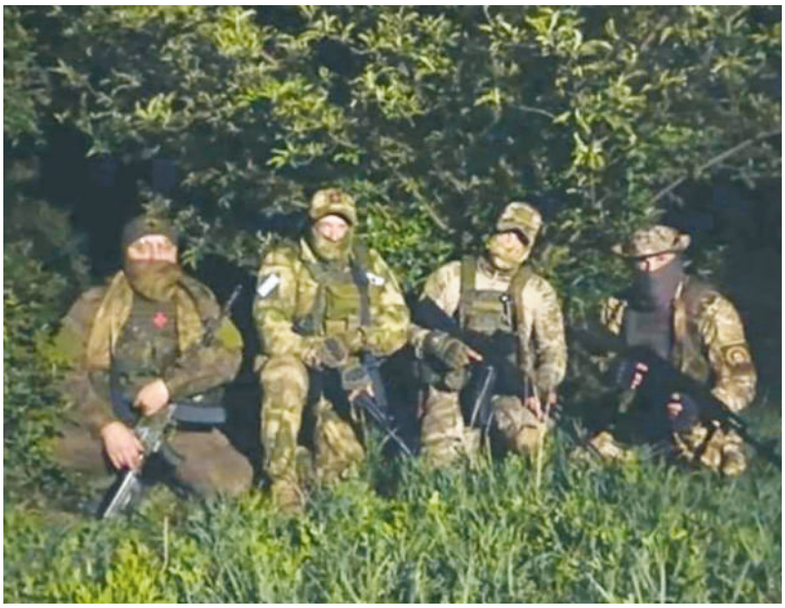
Задача была понятна и обычна. Армия научилась штурмовать застройку. Передовые медгруппы шли со штурмовиками и организовывали пункты стабилизации на поле боя, где проводили операции и готовили раненых к эвакуации дальше в тыл. Без подобной организации медицинской помощи в условиях огня вражеской артиллерии и действий дроноводов выжить тяжелораненым было бы невозможно, но это имело и обратную сторону. Профессия медика превратилась в одну из самых опасных военных специальностей.

Прорваться до позиции удалось без потерь и особых «приключений», доехал и уазик-буханка с оборудованием, который усилиями водителя с позывным Мазай замаскировали в открытом гараже ЖЭКа, прилегающего к трёхподъездной пятиэтажке.

Раненым десантникам штурмовых групп вполне логично оказывалась медпомощь на третьем этаже. Это защищало от внезапного штурма и облегчало эвакуацию раненых с верхних пролётов здания.

Обстановка, как обычно, при интенсивном городском бое была спутанной и тонула в сплошном гуле разрывов снарядов и очередей из стрелкового оружия, но наутро ситуация прояснилась…

Интенсивный огонь из окон пятиэтажного дома, стоявшего напротив и несколько наискосок, не оставил сомнений, что он пока так и не стал «нашим»… А выстрел из танка совершенно развеял все иллюзии по поводу «второй линии». Медгруппа находилась на самом что ни на есть переднем крае из всех возможных, причём, судя по интенсивному обстрелу, ещё и на острие вражеской контратаки. А штурмовые группы противника уже сконцентри-



Группа военных медиков. Автор второй слева. Фото предоставлено автором

ровались в гаражах за кирпичным забором со множеством проломов.

И когда Злой скрылся в проёме входной двери, начался штурм. Фигуры в узнаваемом степном камуфляже профессионально перекатывались через проёмы в заборе и, укрываясь за развалинами разбросанных взрывами придомовых построек, вели ответный огонь, продвигаясь к зданию.

Прав был старик Эйнштейн. Время – субстанция непонятная и весьма относительная. Док совершенно перестал чувствовать его ритм. Поэтому точно сказать, через какое время бой переместился уже на первый этаж, который на всём протяжении занимала пресловутая жилищная контора, было трудно.

Теперь противник мог продолжить атаку практически по любой лестничной клетке. Десантники, отступившие с первого этажа, заменили медиков у окон, продолжив бой. А Док наконец-то смог ощутить время. Оно превратилось для него в пульс раненых. Привычная работа вернула реальность происходящему. Но общее положение было отвратительное.

Из тяжёлых мыслей Дока вывела весёлая нецензурщина и возглас:

– Откатываются! Бабайку испугались!

Несмотря на кажущуюся детской несуразность сказанного, Док суть уловил сразу. К зданию со своими бойцами прорвался командир разведвзвода с позывным Бабай.

Когда по незнанию кто-то начинал подтрунивать над его позывным, то шутника осаживал любой разведчик. Старший лейтенант Бабай был из Башкирии и позывной, который с башкирского переводится как «дед», взял в честь прадеда, погибшего под Кёнигсбергом.

Разведчики Бабая ударили в тыл штурмующей группе, а десантники перешли в контратаку по лестничным пролётам. Кинематографичность ситуации зашкаливала. И, усилив её эффект, в импровизированный госпиталь на третьем этаже ввалился сам герой этого боя. Но на этом «кино» закончилось…

Вместо какой-нибудь патриотической фразы в лучах заката Бабай просто воскликнул, показав в огромной ладони россыпь разноцветных шевронов:

– Док! Смотри, какие флажки содрали мы с этих… Которые кошмарили вас с утра.

– Колумбия, Эквадор… Ох ты, Коста-Рика, а говорят, там армии нет, – удивился Док, с интересом рассматривая трофеи.

Наёмников подвело наплевательское отношение к ним союзничков из ВСУ. Под натиском десанта они не стали упираться насмерть и оставили многоэтажку, из которой прикрывали штурмовую группу латиносов с фланга, справедливо опасаясь уничтожения. И Бабай смог залететь в здание. Откатившись на исходные позиции, наёмники попали в окружение и сейчас отхватывали по полной от нашей арты, а обозлённые донельзя десантники готовились идти на штурм. Доку предстояло организовывать эвакуацию раненых до промзоны и возвращаться обратно. Уазик с оборудованием дроны противника всё же обнаружили, и он догорал под навесом гаража.

Но что-то похожее на стабилизационный пункт уже удалось развернуть. Для полноценной работы надо было сделать ещё несколько ходок по опасному километру малоэтажной застройки.

Несмотря на то, что идти до «промки» по частному сектору менее километра, эвакуировали раненых несколькими группами до полудня следующего дня, передвигаясь от дома к дому. Дошли не все… Дроны противника, оснащённые тепловизорами, стрекотали невидимые в ночном небе, врезаясь гранатомётными «выстрелами» на подвесах в любое движение, которое засекут. Случившийся под утро ливень был настоящим подарком и милостью Божией. Прижав жужжащую смерть к земле, позволил закончить эвакуацию.

Док выходил с последней группой, когда у связиста зашипела трофейная рация. Истошные вопли международного сигнала помощи «mayday, mayday!» перемежались с криками на английском и испанском. Похоже, зачистка пятиэтажки шла полным ходом и даже приближалась к логичному завершению. Зная отношение к наёмникам, сомнений не оставалось – эти «дикие гуси» из солнечной Латинской Америки домой уже не улетят.

– Док, а вы английский знаете? Чего они орут там про месяц май? Не май же уже? – внезапно прохрипел вопросом молодой боец, которого тащили на носилках.

– Они орут, что кранты им, а тебе… нет, – устало ответил Док и добавил. – Воду будешь?..

«Сибирское богатство» No 1’2026

Поэзия народов Тюменской области

В разделе «Мы едины» редакция начинает серию публикаций переводов на русский язык поэтов Тюменской области, пишуших на национальных языках. И открывают эту рубрику татарские поэтессы, слагающие стихи на сибирскотатарском языке. Переводы выполнены членами Тюменского регионального отделения «Союза писателей России».

Гульнара Калиева и Антонина Маркова. Фото предоставлены Тюменским региональным отделением «Союза писателей России». Авторы неизвестны

Гульнара КАЛИЕВА
Перевод с сибирскотатарского Антонины МАРКОВОЙ

Мать сына ждёт

От мечети ближней глаз не отрывает,
Из кудели мыслей тихо тянет нить –
Мать свои молитвы снова повторяет,
Дум её о сыне не остановить.

Встанет за ворота, опершись спиною,
Разные догадки душу бередят:
Сыночку, кровинку, где ведёт судьбою,
Где сейчас воюет молодой солдат?

Он отдать уехал долг своей Отчизне…
Страху да цинизму многих вопреки.
Молодые парни, не жалея жизни,
Родину закрыли грудью по-мужски.

Ждёт ежеминутно – позвонит он снова,
И сыновий голос одарит теплом:
– Мама, всё нормально, живы и здоровы,
И с Победой скоро возвратимся в дом!

На большак всё смотрит, слёзы вытирая.
Сына ждёт, и сердце немощно болит.
Верить, ждать – надежда матери святая!
Каждая слезинка – потаённый щит!

Здравствуй, солдат!

Здравствуй, незнакомый мне солдат!
Наконец, письмо к тебе дошло.
В каждой строчке – нежности заряд
И моё сердечное тепло.

Материнский шлю тебе привет.
На глазах – слезинки без причин.
Пусть меж нами родственности нет,
Но сейчас ты мне как будто сын!

Говорят, несладко на войне.
Сердцем это чувствую сполна,
Как нужна поддержка, и в цене
Добрых слов простая глубина.

Знаю, боль на сердце приглуша:
Вряд ли есть работа тяжелей…
Не остынет пусть твоя душа,
И молитва не затихнет в ней!

Пусть войне конец скорей придёт!
Мы тебя с Победой будем ждать.
Верую, что никакой исход
Жизнь твою не сможет оборвать.

Осиротевший дом

На старом крылечке я обувь снимаю,
Хоть плашки не мыты давно, понимаю,
Что ветхий лежит у двери половик,
Который к ногам приходящим привык.

Вот стол, тёмный чайник у самого края,
Пустой и холодный, о чае мечтая,
Давно не поил он желанных гостей,
И не с кем беседовать множество дней.

А в мисочке чёрствая корочка хлеба:
И плесень на ней, и согнулась нелепо.

И пыль неприглядная всюду легла –
На чайник, на хлеб, на поверхность стола.

Пахучих дровишек у печки не видно,
И в комнатах нет ни души – очевидно…
Диван… одеяло… приляг, отдохни,
Но, кажется, заледенели они.

В пустой умывальник налево от входа
Никто не нальёт родниковую воду.
А рядом висит полотенце большое –
Пропахло забвением и давней тоскою.

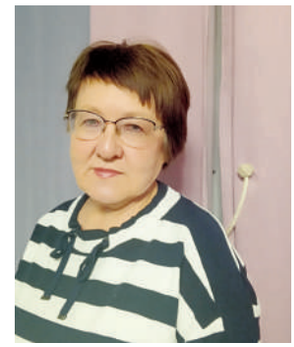
Царит полумрак, хоть окошек немало,
Но шторки весь свет закрывают устало.
Ведь некому их открывать на заре,
Испачкались – пыльные, как в серебре.

А справа часы наравне с тишиною
Не тикают в этом печальном покое.
Никто механизм не заводит, и вот
Теперь остановлен у времени ход.

Безмолвно и глухо, и не суетливо…
Ни звука не слышно. И так сиротливо…
И только пичужка в саду золотом
Щебечет беспечно за нашим окном.

Съезжу в родное Чечкино

Когда на сердце снова нет покоя,
Взгрустнулось или тяжко на душе,
Зовёт меня к себе село родное –
И я поеду в Чечкино уже.
Соскучившись по улочкам знакомым,
Где так давно, казалось, не была,
Пройду, не торопясь, а в горле комом
Волнение – здесь молодость прошла.
На горочку Сырма ведёт тропинка,
На Красный берег, наш Кысыл Йар
Берёза старая там машет мне косынкой
И птичий щебет преподносит в дар.
Остановлюсь, глаза на миг закрою,
Почувствую, что ветер невзначай
Мне волосы погладит как рукою.
Деревня, я приехала, встречай!
На мостик, что над малою речушкой,
Взойду, чтоб, наклонившись, поглядеть,
Как серенькие уточки-подружки
Сидят на перламутровой воде.
А вот и дом родной, трава густая
Высоким стражем встала у ворот,
Большой замок мне доступ закрывает.
И долго я стою, а время ждёт…
В окошках – грусть, они тоскуют тоже.
Ссутулились обиженно дома,
Когда никто их больше не тревожит.



Диля Хабибуллина и Валерий Ермолаев. Фото предоставлены Тюменским региональным отделением «Союза писателей России». Авторы неизвестны

И деревенька старится сама.
Когда душа наполнится тоскою,
Печаль на сердце медленно ношу,
За молодостью, давней и смешною,
В родное Чечкино уехать я спешу.

Диля ХАБИБУЛЛИНА
Авторизированный перевод
с сибирскотатарского Валерия ЕРМОЛАЕВА

Исчезающей моей деревне

Вернусь я жить ещё в свою деревню –
Не бросила её я навсегда.
Она зовёт меня укладом древним
И речкой возле, где всегда жива вода.

Озёра плещутся на прежнем месте,
А, значит, буду жить я с ними вместе,
Их благодарно принимать дары.

И наслаждаясь красотой природы,
Работать, засучивши рукава,
На плечи взяв крестьянские заботы,
За счастье жить как будто сызнова!

Широкая душа моей деревни
И дочь свою не оттолкнёт она.
О счастье этом на мотив напевный
Я поделюсь с берёзкой у окна.

Деревенский пейзаж Фото В. Ермаковой

«Сибирское богатство» No 1'2026

Текст Вячеслава СОФРОНОВА

Беспокойный человек

Журнал «Сибирское богатство» публикует отрывок из исследования тобольского краеведа Вячеслава Софронова, посвящённый судьбе декабриста Гавриила Батенькова, уроженца Тобольска, участника событий на Сенатской площади. Как говорит сам автор: «Хотя его жизнеописанию посвящено значительное количество различных публикаций, так называемые белые пятна в биографии нашего героя имеют место быть...»

«Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года». Художник Карл Кольман (1830-е годы)

Сибирь неизведанная

По замыслу сибирского генерал-губернатора Сперанского, Сибирь нуждалась в проведении давно назревших реформ, что дало бы ей возможность в дальнейшем развитии. Следовало менять систему административного управления краем, вводить новые формы в работе и надзоре за ссыльными и поселенцами. Кроме того, нужно было срочно менять методы управления инородцами.

Для этой цели он собрал вокруг себя единомышленников, в число которых привлёк и Батенькова. Тому предстояло собрать сведения о географическом местонахождении всех (!) сибирских регионов, включая данные об их климатических условиях, добыче полезных ископаемых, народонаселении и прочее. Но Гавриил Степанович, с готовностью откликнувшийся на выполнение столь немыслимых задач, во многом превзошёл

первоначальные планы, преуспев не только в сборе тех или иных сведений, но и взявшись за написание новых законодательных положений. Одним из первых он подготовил трактат «О ссылке и ссыльных». Вслед за этим собрал описания Тобольской, Томской и Иркутской губерний, которые в разное время были составлены сибирскими землемерами А. Лосевым, С. Зверевым, В. Филимоновым.

Вместе с тем его перу принадлежит серьёзное исследование «О заселении Сибири» и статья «Общий взгляд на Сибирь» (1822–1823 годы), опубликованные в периодическом издании журнала «Сын отечества». В них он рассматривает степень изученности внешних границ России, которые, на его взгляд, недостаточно исследованы и описаны. Там же он предлагает внести коренные изменения в «гражданское устройство Сибири», которое «должно строиться не по широтным зонам», а иначе. Но при этом оговаривается, что если создать отдельный административный орган по управлению Севером, то следует «приноровить административную деятельность к обычаям, добрым нравам и преданиям коренных жителей». Отдалённость от центральных областей северных территорий, отсутствие путей сообщения с ними, а также зависимость в продовольственном отношении от южной части страны делают создание такого органа управления невозможным.

Одним из первых он предложил разделить Сибирь в административном плане на Западную и Восточную и ввести раздельное их управление. Там же Батеньков обращает внимание читателей на северные границы Сибири, в том числе на берега Северного Ледовитого океана. И сетует, что «по трудности астрономических наблюдений в полярных странах … многие места на означенных берегах ещё не определены с точностью». Указывает на ряд неточностей на географических картах, содержащих порой ошибочные сведения.

Далее он приводит причины, которые мешают устранению допущенных ошибок, заключающиеся в подготовке профессиональных геодезистов и картографов. По его сведениям, к 1714 году по распоряжению Петра I были открыты геодезические училища, находящиеся в Тобольске, а также в Иркутске и Охотске. Но значительная часть их выпускников была задействована для изучения лесов, службы на флоте и в горной промышленности. Так, в качестве штурманов к Балтийскому морю из Сибири было направлено в разные годы около 40 человек. А к концу XVIII века геодезические училища в Сибири полностью прекратили своё существование. Другой немаловажной причиной отсутствия точных сведений о границах Сибири, по его словам, стали частые пожары: «Истреблены все произведения прежних геодезистов».

В составленном им «Положении о приведении в известность земель Сибири» Батеньков предлагает снарядить особую «землеописательную экспедицию», находящуюся в ведении сибирского генерал-губернатора, для проведения исследований которой её следует обеспечить учёными пособиями и всеми необходимыми приборами. В состав экспедиции должны войти 12 офицеров и 50 топографов. Стоимость расходов, по его подсчётам, должна составить 116 тысяч рублей, не считая жалованья участникам экспедиции и затрат на её снаряжение.

Гавриил Батеньков. Литография Капитона Зеленцова

Нам, современникам, остаётся только удивляться грандиозным замыслам нашего земляка, который два столетия тому назад строил планы по освоению и изучению Сибири, до которых у нас, следует честно признаться, руки дошли лишь много лет спустя. Но это далеко не полный перечень интересов тобольского выпускника школы кантонистов. Его интересует этнический состав коренного населения Сибири. Он подчёркивает, что присоединение Сибири «не было сопровождаемо опустошениями», когда первые землепроходцы принуждали бы многочисленные племена и народности «переменять веру, обычай, язык». Батеньков проанализировал процесс заселения русскими Сибири и дал характеристику численного состава населения в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, в Якут-

ской и Камчатской областях, а также в Охотском приморском управлении.

По его классификации все сибирские «инородцы», как писали тогда, делятся на три разряда: оседлые, кочевые (полуоседлые) и бродячие. На основе этого им был разработан «Устав об управлении инородцами», который лёг в основу будущего закона на этот счёт. Там же он предложил способы и наметил меры по поднятию общественной и культурной жизни сибирских народностей до уровня русского населения. И предложил, как обеспечить их переход от кочевого и бродячего образа жизни к оседлому, склонить к занятиям земледелием, для чего выделить наиболее пригодные для этого земли. По его мнению, «Сибирь содержит в себе богатый запас земель, обеспечивающий изобилие наших земледельцев на неисчислимое время».

Сюда вошёл и более ранний его труд под названием «Табель населения Сибири по климатам», где он предложил вести изучение всей территории Сибири в зависимости от климатических особенностей тех или иных регионов. Он ввёл такие понятия, как Северная, Средняя и Южная климатические полосы.

Его проект был направлен в Главный штаб, но планы сибирских реформаторов показались столичным деятелям чересчур грандиозными, и его передали в Сибирский комитет. Там решили провести исследование лишь тех земель, что считались плодородными и были пригодны для пашни.

Но это далеко не все исследования «беспокойного человека», имя которого современные учёные стараются не упоминать в историографических работах по изучению тех или иных вопросов, связанных с сибирской историей. В другой своей публикации «О дорогах Сибири» он назвал главную причину, мешающую развитию экономики края, заключающуюся в бедственном состоянии транспортных путей сообщения, которые были проложены с незапамятных времён и во многом не соответствовали запросам местного населения. Но вместе с тем он считал, что именно Сибирь является «маховым колесом для движения неизмеримого нашего отечества».

Им были собраны основные сведения о быте русского крестьянского населения и ссыльных по ряду уездов Сибирской губернии. Там же содержались сведения о расширении посевных площадей в 1810–1819 годах, о деятельности горных заводов и рудников, об отдельных видах и отраслях кустарного производства, а также о том, какие национальности проживают в той или иной местности.

Кажется, не было ни одного события или нерешённого вопроса, способного остаться вне внимания любознательного выпускника тобольской школы кантонистов. Но, к нашему глубокому сожалению, Гавриил Степанович не потрудился обобщить все свои исследования в единый труд, который стал бы основой базовых данных о Сибири девятнадцатого столетия. Возможно, он не придавал этому большого значения, а может, просто не хватило времени. Так или иначе, но мы вынуждены ссылаться на различные его публикации, помещённые в периодических изданиях. А жаль. Имя Батенькова могло бы стоять в одном ряду с такими хрестоматийными исследователями Сибири, как Герхард Фридрих Миллер и Пётр Андреевич Словцов. Но кто знает, может, найдётся такой человек, который соберёт воедино все материалы и труды нашего героя и издаст их за его авторством в значительном числе экземпляров.

«Кажется, не было ни одного события или нерешённого вопроса, способного остаться вне внимания любознательного выпускника тобольской школы кантонистов»

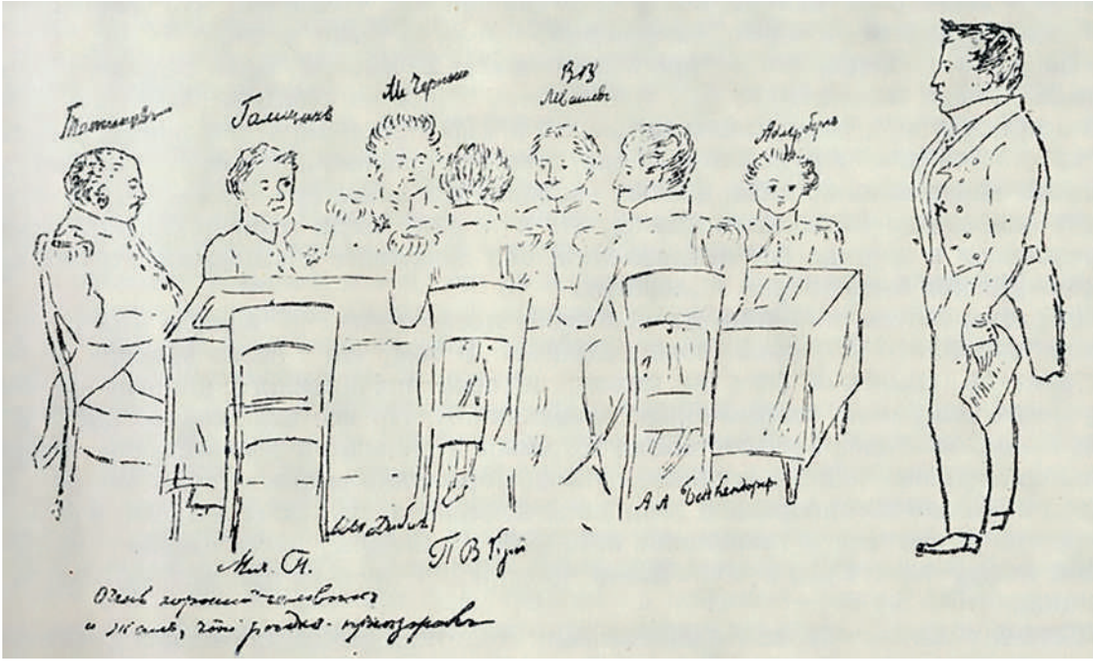
Искушение столицей

На этом заканчивался очередной сибирский период жизни Батенькова, начавшийся с должности инженера-строителя, в котором он даже какое-то время управлял округом. 20.06.1821 года ему был присвоен чин майора, а указом 28.07.1821 года он был назначен делопроизводителем в Особом сибирском комитете с переводом в Петербург. Наконец, наш герой попадает вместе со своим покровителем в столицу империи. Место, где вершатся все главные события, и он становится их полноценным участником, вершителем чьих-то судеб и чаяний. Вот только пока не подозревает, какая трагедия уготовлена ему самому переменчивой судьбой.

Дальнейшие события, на взгляд постороннего наблюдателя, развиваются совершенно неожиданно. Взлёт в его карьере идёт по нарастающей, поскольку по Высочайшему повелению 29.01.1823 года он назначается чиновником «по особым поручениям по части военных поселений», а через год становится членом Совета главного над военными поселениями начальника с производством в подполковники. И через короткий срок (10.07.1824 года) – очередная ступенька по карьерной лестнице: его назначают старшим членом Комитета по отделениям военных кантонистов.

Казалось бы, кто, как не он, выпускник тобольской школы кантонистов, должен заниматься вопросами опеки в общероссийском масштабе этих самых школ? Всё так, но над ним стоит зловещая фигура фаворита императора Александра I – Алексея Аракчеева, начальника всех российских военных поселений. И он его ближайший помощник.

В дальнейшем он писал об этом, что в 1823 году граф Аракчеев потребовал, чтобы Батеньков служил у него в качестве члена Совета военных поселений и ему определили оклад в 10 тысяч рублей, что по тем временам могло обеспечить



«Следственный комитет, 1826 год». Рисунок В. Ф. Адлерберга

вполне безбедное существование. Далее он сообщает, что граф «непременно желал» сделать из него царедворца и строгого начальника, чему сам Батеньков противился всеми силами. И произошло то, чего и следовало ожидать в подобной ситуации: разный подход к одним и тем же вопросам привёл к разрыву отношений между ними. Если Батеньков привык действовать самостоятельно и не терпел малейшей опеки, то Аракчеев же наоборот контролировал каждый шаг своих подчинённых. Не зря за глаза его называли не иначе как «тупым солдафоном», а затем в русской литературе появился и вовсе убийственный термин – «аракчеевщина». Так что служить под началом Аракчеева стало для него невыносимо. Вот что он писал по этому поводу:

«Зрелище военных поселений и Западной Сибири, угнетаемой самовольным и губительным правлением, общее внутреннее неустройство, общие жалобы, бедность, упадок и стеснение торговли, учения и самых чувств возвышенных, неосновательность и бездействие законов – всё, с одной стороны, расположило не любить существующий порядок, с другой же – думать, что революция близка».

Высказывания, скажем так, вполне революционные…

Хотя и прежнего своего покровителя он характеризовал не совсем лестно, но нового начальника считал едва ли не всемирным злом: *«Аракчеев страшен физически, ибо может в жару гнева наделать множество бед; Сперанский страшен морально, ибо прогневить его – значит, уже лишиться уважения. Аракчеев зависим, ибо сам писать не может и не учён; Сперанский холодит тем чувством, что никто ему не кажется нужным… Аракчеев решителен и любит наружный порядок; Сперанский осторожен и часто наружный порядок ставит ни во что… Аракчеев богомол, но слабой веры; Сперанский набожен и добродетелен, но мало исполняет обряды. Мне оба они нравились как люди необыкновенные. Сперанского любил душою».*

Вместе с тем он уже в те годы считал, что поскольку в России не существует политической свободы, то и сам строй непрочен и требует коренных изменений. Созданные при Александре I министерства, по его мнению, не оправдывают своего назначения, а потому *«вскоре вся администрация представила собой огромные и праздные канцелярии министров, … а верховное правительство в последние годы рассыпалось, потеряло всё единство и представляло собой нестройную громаду»*. Так что дело, на наш авторский взгляд, было не только в Сперанском или Аракчееве, а во всей политической системе того времени. И к этой мысли пришёл не только Батеньков, но и многие из числа его ровесников – в большинстве своём участники кампании 1812 года. Стоит ли удивляться, что примерно в то время Батеньков сошёлся с недовольными существующим политическим устройством России офицерами и, по ряду сведений, именно тогда вступил в тайное «Северное общество». По его словам, он, не желая служить дальше под деспотическим управлением своего непосредственного начальника, попросил освободить его от должности члена Совета военных поселений, что и было сделано *«словесным распоряжением Аракчеева»*.

Вероятно, этот факт стал решающим для нашего героя. Хотя чего он ждал? Что Аракчеев станет уговаривать его остаться и предложит новую должность? Или изменится он сам? Не убедительно. Да и вряд ли мы когда-нибудь узнаем это. Важно другое, отставка лишь подтолкнула его в круг единомышленников, после чего он стал активным участником практически во всех совещаниях заговорщиков, рассчитывая занять место во временном правительстве в случае переворота. Однако по какой-то неизвестной нам причине он не был предупреждён о дате выступления членов

общества на Сенатской площади, а потому принёс присягу новому императору Николаю I. Может, поэтому он был арестован лишь через две недели (28.12.1825 года), когда первые взятые под стражу заговорщики начали давать показания, и прозвучала его фамилия.

После ареста в Петербурге он был помещён в городском карауле, а 29 декабря 1825 года доставлен в Петропавловскую крепость в № 2 Никольской куртины. При этом охране предписывалось: *«Присылаемого при сем Батенкова содержать строжайше, дав писать, что хочет; так как он больной и раненый, то облегчить его положение по возможности»*.

Мог ли он тогда даже предположить, что его заключение в одиночной камере продлится долгих два десятка лет?! Своеобразный рекорд среди прочих узников печально известной Петропавловской крепости…

Не виновен? Виновен…

Через несколько дней после выступления на Сенатской площади и ареста первых участников восстания была создана специальная Комиссия для изысканий о злоумышленных обществах. Возглавил её военный министр Александр Татищев. Уже в конце мая 1826 года императору Николаю был подан доклад о проведённом предварительном расследовании, после чего все дела передавались в Верховный уголовный суд, куда были включены такие сановники, как Мордвинов и Сперанский Дело в том, что сам император подозревал их и нескольких других высокопоставленных лиц в поддержке и покровительстве членов тайных обществ. К сожалению, неизвестны результаты этого расследования, поскольку все документы, связанные с ними, после следствия были уничтожены.

Министр А.И. Татищев передал царю списки привлечённых к следствию лиц, из которых 156 находились в заключении в Петропавловской крепости, 9 – на излечении в госпиталях, 17 – в иных местах в столице, 14 – под секретным надзором и 48 – освобождены из-за отсутствия за ними вины.

В феврале комендант крепости А.Я. Сукин направил Николаю I служебную записку:

«Во вверенной мне крепости не осталось для посаждения ни одного свободного места или арестантского покоя, и занят даже один, в который должен поступить по выздоровлению из госпиталя арестант». Поэтому часть заключённых перевели в другие крепости вне столицы, среди них оказался и Батеньков.

Ряд авторов в своих публикациях считает, будто бы в первые дни следствия, когда выяснилось, что Батеньков не принимал участия в восстании на Сенатской площади, император Николай Павлович якобы приказал освободить его и даже произвести в следующий чин, а также вознаградить материально. Когда об этом сообщили арестованному, то он, испугавшись, что друзья обвинят его в предательстве, направил на имя императора послание, где заявлял, что хотя и не участвовал в самом выступлении по незнанию даты начала, но полностью поддерживает мятежников. Мало того, он писал, что если его освободят из-под ареста, то он всё равно не откажется от идеи свержения существующего строя и будет публично выступать за это и даже устроит новый заговор.

Портрет Николая I. Художник В.А. Голике

Надо полагать, император был несколько обескуражен подобным заявлением и направил к нему доктора Арендта с целью обследования того как человека больного. Батеньков отверг все попытки осмотра и пригрозил доктору, что тот будет виновен в последствиях его освобождения, поскольку от своих убеждений он не собирается отказываться. Но затем (18 марта 1826 года) он вдруг отрицает все свои прежние показания и ссылается на случившийся с ним припадок, а в завершение вообще признаёт себя главным деятелем «Тайного общества».

Он пишет: *«Покушение 14 декабря – не мятеж, как к стыду моему именовал его несколько раз, но первый в России опыт революции политической, опыт почтенный в бытописаниях и в глазах других просвещённых народов»*. Согласитесь, подобная смена показаний говорит о неустойчивом душевном состоянии нашего героя. Если первоначально он чувствует тревогу по поводу обвинения

его в предательстве, то затем вдруг выдаёт себя за главного заговорщика, готового взять на себя всю вину. Всё это явно не пошло ему на пользу при расследовании и вынесении судом приговора.

Вот как описывает своё впечатление о Батенькове А.Д. Боровков. В своих «Автобиографических записках» он даёт ему довольно нелестную характеристику:

«Гордый, высокомерный, скрытный, с ясным и дельным умом, обработанным положительными науками. Он пользовался благосклонностью графа Сперанского, который обратил на него внимание, быв в Сибири генерал-губернатором, и поставил его правителем дел Сибирского комитета, учреждённого в С.-Петербурге.

Гордость увлекла Батенькова в преступное общество: он жаждал сделаться лицом историческим, мечтал при перевороте играть важную роль и даже управлять государством, но видов своих никому не проявлял, запрятав их в тайнике своей головы.

Искусно подстрекал он к восстанию; по получении известия о кончине императора он провозглашал, что постыдно этот день пропустить...

В предварительных толках о мятеже он продолжал воспламенять ревностных крамольников, давал им дельные советы и планы в их духе, но делом нисколько не участвовал, ни в полках, ни на площади не являлся; напротив, во время самого мятежа присягнул императору Николаю».

Верховный суд по его делу записал в своём обвинительном приговоре:

«Был членом Общества со дня смерти покойного Императора, но ещё прежде вступления питал образ мыслей, согласный с духом онаго.

В совещаниях пред 14 декабря участвовал и подавал мнения, хотя и клонившиеся к достижению цели Общества, однако более умеренные и ограничивающиеся одним стремлением ко введению конституционного правления, стараясь, впрочем, оградить во время переворота общее спокойствие и удалить всякую возможность от грабежа и буйства. Когда при нём сказано было, что можно забраться и во дворец, то он возразил:

"Дворец должен быть священное место; если солдат до него коснётся, то уже ни от чего удержать его будет невозможно".

Готовясь к участию в предприятии Общества, которое, как он показал, для достижения своей цели считало необходимым принести на жертву ныне царствующего Императора, он питал честолюбивые виды быть членом временного правления и надеялся в виде регентства управлять государством под именем Его Высочества Александра Николаевича. Наконец, раскаявшись в преступлении своём, он дал присягу ныне царствующему Императору и в возмущении 14 декабря никакого участия не принимал».

Обратите внимание на слова о «более умеренных» предложениях Батенькова, ратующего прежде всего за «введение конституционного строя». И тем не менее по приговору Верховного уголовного суда он был признан виновным в том, что «*знал об умысле на цареубийство, соглашался на умысел бунта и приготовлял товарищей к мятежу планами и советами*».

На основе чего 10.07.1826 года он был осуждён по III разряду, а затем по конфирмации приговорён к каторжным работам на 20 лет. Как отмечает в своём сочинении историк литературы Б.Д. Модзалевский, Батеньков, в сравнении с другими заговорщиками, призывавшими к убийству всех членов царской фамилии, придерживался более умеренных взглядов и выступал за ограничение монархии и принятие конституции. Всё это он изложил в письме к Николаю I от 29 марта 1826 года. Но при этом пострадал неизмеримо сильнее, чем большинство его товарищей высших, по сравнению с ним, разрядов.

Гавриил Батеньков. Приблизительно 1860 год

«Сибирское богатство» No 1'2026

Текст Дарьи АКСАРИНОЙ

О чае, деле и идее

В XIX веке начинается новая «торговая эпоха», ставшая для сибирских купцов сразу и суровым испытанием, и большой удачей. В начале века между Россией и Китаем налаживаются торгово-экономические отношения, представляющие для обоих государств большую ценность, но сложные в регулировании. Особенно тесно с соседом контактирует Сибирь, удачно расположенная рядом с границей и пронизанная множеством торговых маршрутов.

Фотография семьи Ивана Петровича Колокольникова. Автор неизвестен

С первых торговых караванов особенно ценным товаром, поставляемым в Россию из Поднебесной, становится... чай! Экзотический напиток даже преподносился в дар монархам. Приобрести его было недёшево, а сберечь сложно (чай требовал правильных условий хранения). Однако русские купцы, проявившие инициативу в заключении торговых соглашений с Китаем, поняли его востребованность. И не только среди господ в Центральной России, но и в самой Сибири. Кроме того, что приятный, согревающий напиток в холодном краю сам по себе уже хорош, выяснилось, что он полезен и как средство против цинги. Эта хворь была в то время не редкостью в сибирских землях из-за недостатка у местного населения витамина С. Чай даже потеснил алкоголь как средство от холода и тревог. Стоит сказать, что формирование в регионе «чайной культуры» поспособствовало улучшению товарооборота в целом – большой спрос на экзотический продукт стал поводом для ускоренного развития транспортных путей.

Пользу чая и выгоду от торговли понял и тюменский купец Иван Петрович Колокольников, сделав его своим основным товаром и практически монополизировав местный чайный рынок.

Примечание: *Наш современник, потомок знаменитого купца – Е.А. Ледовский-Колокольников – также занимается торговлей чаем!*

Правда, началась история купеческого рода не с чая, а раньше и с совсем другого товара. В дозорной книге Тюменского уезда за 1700 год есть сведения о литейной мастерской казачьего атамана Ивана Михайловича Кадмина. Если верить раритетному источнику, атаман вместе с сыновьями занимался литьём колоколов для церквей, а также дорожных колокольчиков. Вот с этим товаром семья и попала в купеческие ряды, став в итоге называться «по ремеслу» – Колокольниковыми. В период разведывательных экспедиций по Сибири в 1717 году семья купцов-литейщиков во главе с Фёдором Ивановичем Колокольниковым кроме колоколов для городов-крепостей (Омска, Каменск-Уральска, Невьянска, Верхотурья и Тобольска) отливала по казённому заказу ещё и пушки с мортирами.

Примечание: *Купцы распределялись по гильдиям в соответствии с накопленным капиталом. Предки Ивана Петровича начинали с последней – третьей – гильдии. За свою жизнь предприимчивый купец постепенно «дорос» до первой.*

Чего стоит чашка чая

Иван Петрович Колокольников – правнук Фёдора Ивановича – к середине XIX века сумел подняться до купца второй гильдии. Добившись уже заметных успехов в торговле, он решил попытать счастья в продаже как раз распробованного Россией китайского чая. Дело прибыльное, но и сопряжённое с немалыми рисками.

Русско-китайские отношения практически полностью были завязаны на торговле, причём самым поставляемым товаром из Китая (просто не имеющим конкурентов по востребованности!) был именно чай. И, конечно, при таких обстоятельствах возникали политические трудности, находились спекулянты

и недобросовестные поставщики. Да и сама транспортировка была непростой и небыстрой – чай перевозился преимущественно гужевым транспортом.

Как только границы открылись, русские купцы тут же отправились за товаром в Центральный и Южный Китай. В 1860-х на север через Тяньцзинь ежегодно переправляли более трёх сотен тысяч ящиков чая, а в Чжили перебрались на регулярное проживание несколько десятков русских купцов.

В 1858–1860 годах Россия и Китай заключили договоры о морской торговле, но несмотря на то, что это было и быстрее, и давало возможность перевозить партии большего объёма, размер пошлин на сухопутных маршрутах не так отпугивал. Пошлины на ввоз чая весь XIX век сохранялись достаточно высокими. Китайские торговцы, перевозившие свой чай в Кяхту, и вовсе не выдерживали конкуренции с русскими предпринимателями из-за внутренних таможенных сборов. В это время прагматичные сибирские купцы перебрались с закупками чая из Кяхты в самый центр чайной торговли того времени – город Ханькоу. Там они стали вести более масштабные закупки чая на аукционах, а вскоре отважились на создание собственных фабрик по изготовлению кирпичного чая.

Кроме столицы чая Ханькоу, дорогой напиток закупали в Цзуцзяне и Фучжоу, а вот ехали крупные партии товара по-прежнему через Тяньцзинь и Кяхту, порой, правда, предпочитая посетить Одессу или Лондон. Небольшие же партии чая иногда провозили в Россию через Николаевск-на-Амуре и Владивосток.

На протяжении всего XIX века шёл поиск наиболее удобных торговых маршрутов, обсуждались таможенные сборы и пошлины на провоз разных его видов. Проблема непропорциональности импорта и экспорта сохранялась весь XIX «чайный» век. Интересно, что Россия закупала китайского чая в два раза больше, чем Англия, Америка и британские колонии.

Портретное фото И.П. Колокольникова. Фото из личного архива Е.А. Ледовского, потомка И.П. Колокольникова. Автор неизвестен

Примечание: *Кирпичный чай – это чай, плотно спрессованный для удобства транспортировки. Сейчас подобную формовку назвали бы брикетом, но в XIX веке форму сравнили с привычным стройматериалом. К слову, технологию прессовки придумали сами русские купцы. Конечно, для дорогого чая такой способ хранения не подходил.*

Примечание: *Кроме различных сортов чёрного чая, в Россию поставлялось и небольшое количество зелёного, так как спрос на него был очень мал.*

В 1876 году целых пять русских фирм, обустроившихся в Ханькоу, обратились к российскому вице-консулу за поддержкой. Купцы жаловались, что производители чая взялись подмешивать в него обычную траву. Почва для мелкого мошенничества была благоприятной. Хотя подобные прецеденты чаще решались простой беседой местных властей, для купцов подмена товара на пустышку могла обернуться потерей репутации и разорением.

Маршруты чаеторговцев, случалось, проходили через неспокойные земли Поднебесной. Не каждый человек в Китае был рад иностранцам. В июне 1870 года жители Таньцзиня, ополчившись на католических миссионеров, по ошибке убили сына и невестку сибирского торговца Протопопова и работника торговой фирмы Басова. Волнения, связанные с развернувшимся миссионерским движением в Китае, ощутимо усложняли торговлю. Недоверие и агрессия китайского народа не были безосновательны. Европейские миссионеры нередко позволяли себе лишнего, а порой к их «паствам» прибивались недобропорядочные местные, о которых имели представление «свои», но мало что знали «пришлые просветители». На неправомерные действия со стороны иностранцев китайцы реагировали соответственно, но порой поспешно и бесконтрольно.

Семейный очаг и семейное дело

Ивана Петровича Колокольникова можно считать одним из первопроходцев в нелёгком деле чайной торговли. Его первая поставка китайского чая добралась до России уже в 1860 году. Торговля шла успешно, в 1880-м Иван Петрович стал купцом первой гильдии и вскоре открыл свои торговые филиалы

сразу в нескольких городах – Вятке, Перми, Кургане, Челябинске и Омске. В оптовой торговле тоже не на что было пожаловаться – товар хорошо раскупался на знаменитой Ирбитской ярмарке, второй в стране по своему масштабу после Нижегородской. Кроме того, чай сибирского купца поставлялся в Петербург и Москву, что говорит об исключительном качестве товара.

Главная контора чайного дома Колокольниковых находилась непосредственно при семейной усадьбе, расположившейся на улице Никольской рядом с Крестовоздвиженской церковью (в 1890-х годах семья купцов была основными попечителями церкви). Главный дом семейства по меркам времени считался богатым, но не вычурным. Здание было выстроено в популярном тогда стиле позднего классицизма. Полутораэтажный дом был каменным лишь наполовину, но умело скрывал свою немонолитность под кирпичом и аккуратной штукатуркой. Приусадебное соседство колоритному строению составляли три деревянных дома поскромнее и семейный магазин.

Иван Петрович женился ещё до своего большого успеха в торговле чаем. Супруга Мария Дмитриевна была из крестьянского сословия и помочь мужу в пополнении стартового капитала, конечно, не могла. Но это была умная и внимательная женщина. После смерти Ивана Петровича она в 1895 году основала «Торговый дом И.П. Колокольникова. Наследники» с основным капиталом в пятьсот тысяч рублей и вместе со старшими сыновьями – Антоном (у него в этом году 155-летие со дня рождения), Степаном и Виктором – возглавила его. Дальновидный супруг даже запас для семьи средства. Мария Дмитриевна с детьми успешно продолжили семейное дело. У Колокольниковых было два магазина, чай в которые они самостоятельно выбирали и выписывали с китайских плантаций. Помимо сахара с чаем стали продаваться и прочие сопутствующие товары.

Иван Петрович Колокольников заслужил уважение современников и потомков не только успехами в торговле, но и стремлением превратить эти успехи в общее благо. Известный меценат и просветитель всю жизнь вкладывал средства в родную землю и её народ. Купец успел походить в разных чинах: он был гласным Тюменской городской Думы и членом управы, блюстителем Тюменского Никольского приходского училища и членом попечительства Тюменского Александровского реального училища.

Фотография частной школы Колокольниковых. Автор неизвестен

Примечание: *Гласный – выборочный, то есть избираемый народом, член городской Думы или земского собрания, также имевший на заседании право голоса.*

За свою жизнь Пётр Иванович немало облагородил облик Тюмени. Хотя город славился огромным купеческим сословием, мало кто из товарищей по ремеслу мог конкурировать с Колокольниковым во вкладе в развитие города.

Многие крупные учебные заведения города возведены на средства семьи Колокольниковых. Облик некоторых построек практически не изменился с XIX века, как, например, здание корпуса Тюменского индустриального университета (ранее – Тюменского государственного архитектурно-строительного университета, а до этого Коммерческого училища). Узнаваемыми остались частная школа Колокольниковых (теперь это вечерняя общеобразовательная школа № 2) и женская гимназия «ТД И.П. Колокольникова. Наследники» (сейчас один из корпусов Тюменского государственного университета).

Старшие сыновья Ивана Петровича успешно продолжили семейное дело и сохранили идеалы Колокольниковых, сменив родителей на посту предпринимателей-меценатов.

Первый сын Степан Иванович учился в Москве, окончил реальное училище и практическую академию коммерческих наук, Виктор Иванович, пятый по старшинству, начал обучение с Тюменского Александровского реального училища, а продолжил в Московском сельскохозяйственном институте. Александровское реальное училище окончил и второй сын Ивана Петровича Антон, но из-за слабого здоровья продолжил обучение дома. Виктор Иванович Колокольников на русско-японскую войну ушёл добровольцем. Получив ранение, вернулся домой с Георгиевским солдатским крестом за храбрость и героизм.

В 1909–1913 годах купцы развернули торговлю масштабнее, занявшись ещё и мукомольным делом. Построенные Колокольниковыми две паровые мельницы обеспечили работой девяносто человек! К чаю подоспели мука и хлеб. И не только в родной Тюмени, но и в других сибирских городах.

Семью Колокольниковых считают одним из лучших примеров семейного предпринимательства и образцом исключительной принципиальности и порядочности среди купеческого сословия. В наше время правительство России стремится сформировать у народа именно такие предпринимательские ценности, и о династиях, подобных Колокольниковым, вспоминают всё чаще.

Текст Геннадия КРАМОРА

Красная весна двадцать первого года

В самом центре областной столицы, на бывшей Александровской площади, стоит монумент «Павшим борцам революции от трудящихся Тюмени». На одной из сторон гранитного постамента выбиты слова: «1921 год. Зверски замучен кулаками губернский продкомиссар Инденбаум». За что? Почему? Помнит ли кто-то об этом спустя 105 лет, задумывается ли?

Нападение повстанцев на город Ишим 10 февраля 1921 года. Художник Рудольф Симанов. 2000 год. Ишимский краеведческий музей. В настоящее время роспись утрачена

Крупнейшее антибольшевистское выступление в истории нашей страны охватило в начале 1921 года огромную территорию – от земель Сибирского казачьего войска (нынешний Северный Казахстан) до Обдорска (ныне Салехард), то есть значительную часть Западной Сибири. В советское время его называли «Ишимско-Петропавловский кулацко-эсеровский мятеж», но говорить о нём считалось неудобным – в учебники истории, в отличие от Кронштадтского и Тамбовского восстания, оно не вошло, да и сейчас нечасто вспоминают. В рамки узкоклассовой парадигмы эту трагедию – современные историки именуют её Западно-Сибирским восстанием – оказалось сложно вписать.

«Поведение завоевателей в чужой стране»

Чтобы накормить голодающие промышленные центры и Поволжье, советское правительство

в 1920 году выбрало жёсткую меру – продовольственную развёрстку. Хлеб отнимали фактически безвозмездно и безвозвратно, под угрозой оружия. Крестьяне Тамбовщины и пришедшие на службу из деревни матросы Кронштадта в итоге взялись за винтовки – против несправедливого отношения «народной власти» к своему народу. Зауральские же крестьяне терпеливо сносили обиды, хотя ряд локальных восстаний прошёл на Алтае, богатой житнице Сибири. И когда продотрядовцы стригли посреди зимы овец (отчего те умирали), и когда выносили из печи чугунки с картошкой, и даже когда насиловали жён и дочерей.

Но угли недовольства постепенно разгорались. Уже в декабре 1920 года в Ишимском уезде зафиксированы первые вспышки недовольства. Настоящий же бунт вспыхнул после рокового решения тюменских властей…

В январе 1921 года вышло распоряжение тюменского губернского продкомиссара Г.С. Инденбаума о семенной развёрстке. Хлебную развёрстку крестьяне, несмотря на многочисленные «перегибы» со стороны продработников, всё же стерпели. А вот изъятие семян принять не смогли. Семенное зерно – это основа будущего урожая, залог существования семей земледельцев. Гирш Самуилович не мог этого не понимать, но рассылал директивы вроде такой: «Должна быть самая беспощадная расправа вплоть до объявления всего наличия хлеба деревни конфискованным».

Хотя минул уже почти век, не утихают споры историков вокруг мотиваций столь провокационного решения. Было оно результатом тайной политики скрытых эсеров, желавших вызвать недовольство властью большевиков? Или вызвано горячностью троцкистов, желавших потопить в крови крестьянскую Россию? Или это были элементарная глупость и низкопоклонство перед начальством, лобовое «проведение в жизнь» ленинских указаний? Но факт несомненный: губернский продкомиссар и руководство края сделали всё, чтобы обозлить сибирского мужика.

От вил этого мужика погиб и сам Инденбаум в начале февраля 1921-го. Причём обстоятельства его гибели весьма туманны. Так, историк А.А. Петрушин склонен полагать, что она спровоцирована местными органами ЧК, недовольными его откровенно провокативной политикой.

Трезвая оценка этой политики содержится и в секретном докладе командира 85-й бригады внутренней службы Н.Н. Рахманова Помглавкому о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии с 10 февраля по 24 марта 1921 года: «Одной из главных причин, в конечном счёте вызвавшей восстание, безусловно, является продовольственная развёрстка (включительно: хлебная, мясная, шерстяная, масляная и пр.), самый факт которой был ненавистен собственническим инстинктам крестьянства… Это представление крестьянства усиливалось многими случаями недостойного поведения продотрядов, а именно: пьянством, побоями, непрестанными угрозами оружием и другими самочинными действиями, напоминающими поведение завоевателей в чужой стране».

Памятник борцам за советскую власть в Тюмени. Октябрь 2022 г.
Фото Г. Крамора

«Каждый дом брали с боем…»

Одним из центров ожесточённых боёв повстанцев с красноармейскими отрядами стало село Ново-Травное, в двадцати верстах от Ишима. Обороняли родные жилища крестьяне, по выражению краеведа Н.Л. Проскуряковой, насмерть, отчаянно. Вокруг села нагребали снежные валы, в которые вмораживали бороны. Торчащие железные зубья не позволяли коннице ворваться на улицы. Комбриг Николай Рахманов, отдавая должное самоотверженности повстанцев, докладывал: «Засевши в окружённых, часто горящих деревнях, нередко под огнём артиллерии, бандиты не теряли духа и спокойно, без лишней траты патронов, расстреливали из-за укрытий наши цепи… Приходилось с боем брать бомбами и поджогами каждый дом».

Примечательно, что восстание в Ново-Травном началось с «бабьего бунта». Когда пришли отнимать семенное зерно, Татьяна Ивановна Григорова

по прозвищу Игнашиха выскочила на улицу и с криком: «Женщины, берите вилы и ухваты!» – повела крестьянок к амбару. Охрана начала отстреливаться, появилась первая жертва. Пролитая кровь прорвала плотину народного гнева…

Едва ли не месяц оборонялось Ново-Травное. Наконец, с большим трудом, каратели заняли село. Взятых в плен повстанцев-мужиков – около трёх сотен – погнали в Ишим. Однако городская тюрьма оказалась переполнена такими же крестьянами из других деревень. Потому на полпути, у деревни Синицыной, новотравнинцам устроили расправу – без суда и следствия. Поставили на возвышенном берегу речки Детель три пулемёта и дали очередь по толпе. Трупы лежали на снегу до весны. Лишь тогда расстрелянных разрешили похоронить на возвышенном месте в Синицынском бору. Без креста.

Чудом удалось найти людей, которые запомнили по рассказам стариков это место. Евдокия Яковлевна Смагина работала в Ишимском доме отдыха. Как-то шли вместе с садовником Ф.Н. Крашенининым. Было ему уже около семидесяти. Подошёл Фирс Никифорович к одной из сосен: «Вот зарубка – здесь похоронены расстрелянные в 1921 году…» Дерево стоит у дорожки, по которой беспечно и радостно прогуливаются отдыхающие ребятишки и взрослые. Страшные гримасы истории…

«Привет вам, товарищи коммунисты…»

Личные качества, биографии лидеров повстанцев долгое время оставались загадкой. О них ничего не знал даже тот ограниченный круг историков, которые решались обратиться к теме крестьянского восстания. В книгах и брошюрах воспроизводились только восторженные очерки о героях красного фронта.

Командир 85-й бригады внутренней службы Николай Рахманов, участвовавший в подавлении восстания. 1923 год.
Фото из архива А.И. Васильева

Знамя повстанческого отряда. 1921 г. Центральный музей ВС РФ.
Фото из фондов ИМК им. П.П. Ершова

Десять лет по крупицам собирала Н.Л. Проскурякова кусочки мозаики, из которой сложилось представление о Петре Шевченко – «самом опасном и бесстрашном бандите Ишимского уезда», как его характеризовал красный командир Георгий Буриченков. Не сразу открыли тайники семейных преданий живущие в Приишимье его внучки. Опасно было в советские годы хранить в памяти образ мятежного деда. Не говоря уже о фотографиях.

Пётр Семёнович был высок, статен, приметен. Авторитетность и сила «генерала Шевченко» на севере Ишимского уезда были непререкаемы. В свой 1-й Освободительный полк Народной армии он производил настоящую мобилизацию. Под ружьём стояло семь сотен мужиков. Даже после подавления восстания он не сдался, а ушёл с отрядом в болота и оттуда партизанскими рейдами наносил противнику существенный урон. Противостояние продолжалось несколько месяцев, до августа 1921 года.

Как полагают земляки Шевченко, тот не ставил себе глобальных задач. Надеялся, что для изменения жизни крестьян достаточно покончить с представителями ненавистной власти в округе. «Привет вам, товарищи коммунисты, – писал он в листовке, датированной июлем. – Довольно вас миловать, довольно прощать вам за ваше зверство. Попавшие ваши товарищи к нам в плен не уничтожаются, но вы делаете не так. Вы каждого партизана, да и не только партизана, а простого человека, сказавшего хоть одно слово против вас, рубите шашками. Вам всё мало».

Шевченко был «бедняк-переселенец». То есть сам он или его родители пришли из Западной России на рубеже веков искать лучшей доли в привольную Сибирь. Дом Петра Семёновича в селе Большой Кусеряк Аромашевского района представлял собой обыкновенный пятистенок. Так что совсем не

боязнь за свои капиталы заставила его взяться за оружие и биться до конца за «мужицкое счастье».

Чтобы зажечь сибирского мужика, повторимся, надо было приложить немало усилий. Здешний житель от века аполитичен. «По донесениям колчаковской контрразведки, его устраивала любая власть, которая бы не мешала ему жить», – подчёркивает тюменский историк А.А. Петрушин. И воевать долго крестьянин тоже не собирался. Старики говорили: «Мужики собирались окончить войну к весне, к посевной». Примечательно и социальное положение соратника Шевченко, командира другого отряда Ивана Сикаченко: тот был крестьянин-середняк, а до восстания возглавлял Аромашевский сельский совет.

Лозунг «За Советы без коммунистов!» вдохновлял восставших. Монархистов среди воюющих сторон к тому времени в России не было, хотя православный царь юридически оставался единственным носителем полноты власти. Ни Временное правительство, так и не успевшее созвать Учредительное собрание для решения вопроса о преемстве власти, ни большевики, ни иное местное правительство не обладали легитимностью, поэтому у каждой из воюющих сторон в 1921 году была своя правда. Но истина не стояла ни за кем.

Когда попраны нравственные твердыни божественных заповедей, победа даётся не истиной, а силой. И среди повстанцев справедливый гнев скоро стал сменяться гневом горького похмелья. Перебив «краснопузых», многие взялись за своих командиров. Трагична изложенная И.В. Курышевым судьба лидера повстанцев Владимира Родина. Талантливый педагог, учитель сельской школы, с болью переживавший судьбу народа, остро критиковавший политику большевистского правительства, он возглавил Сибирский повстанческий фронт на юге Ишимского уезда. Но уже в конце февраля был заподозрен в измене, подвергнут пыткам и убит своими подчинёнными.

Подобная участь ожидала крестьянина села Смирновского (нынешнего Казанского района) Г.Д. Атаманова – командира повстанческой Ишимской армии, состоявшей из шести тысяч человек. Успевший повоевать в Первую мировую, он создал боеспособное войско, надёжно обеспеченное тылами. Григория Денисовича дважды обвиняли в измене, и дважды он находил аргументы для переубеждения. В третий раз, вероятно, ему не дали слова. Он был расстрелян у села Уктуз. Было командарму всего 23 года.

Но Шевченко пользовался широкой поддержкой народа. Мужики безропотно шли под его начало, бабы кормили повстанцев, и никто не выдавал красноармейцам местоположение отряда. Буриченкову с трудом удалось узнать тайные тропы. На остров Плита, стоявший среди труднопроходимых болот, отправилась карательная экспедиция. В жестоком бою, по выражению красного командира, «рубилось всё, что попадало под руку». Сто одиннадцать трупов остались лежать на острове, а тело Шевченко привезли в Большой Кусеряк как доказательство одержанной победы.

«Враги православного люда»

Далёкое от тонкостей богословской диалектики мировоззрение простых крестьян, поставленных перед угрозой голодной смерти, однозначно отождествляло коммуниста-безбожника с диаволом, то есть нелюдью и нечистью, которая, естественно, не заслуживала никакой жалости и снисхождения.

Наиболее ярко эту ветхозаветную мировоззренческую позицию по отношению к коммунистам выражает воззвание повстанческого штаба Лапушинской волости Курганского уезда от 15 февраля 1921 года: «…Они, не признававшие Бога, хотели и детей наших заставить забыть Его. Они – враги наши. Кто был в их партии? Одни воры, вечные лентяи, грабители и вообще самый негодный элемент. Кто был их вождь? Жид Троцкий, а все жиды с Рождества Христова – враги православного люда. Что ждало нас при их власти? Нас ждала гибель. Товарищи! Мы начали великое и святое дело – дело освобождения нашей измученной и исстрадавшейся родины от проклятого гнёта коммунизма. Так доведём его до конца, выловим кровожадных зверей – коммунистов…»

Конечно, такие крестьянские воззвания аукнулись потом и священству. Его положение становилось после подавления восстания всё более незавидным. Но были и люди, которых пережитая трагедия подвигла к тому, чтобы посвятить себя пастырскому служению.

Михаил Григорьевич Красноцветов (1885–1937), представитель старинного священнического рода. После полутора лет обучения в духовной семинарии избрал в духе предреволюционных настроений

Григорий Атаманов, будущий командир крупного повстанческого отряда, во время прохождения военной службы в РИА. Томск, 2 февраля 1916 года. Фото из фондов ИМК им. П.П. Ершова

Икона священномученика Михаила Красноцветова в Покровской церкви села Аромашево. Работа Тобольской иконописной мастерской. 2022 г. Фото Г. Крамора

интеллигенции светское служение, получил юридическое образование и работал мировым судьёй во Владимирской области. В 1920 году семья решила бежать от голода и всеобщей разрухи «как можно дальше от центра, в самую глушь, где, может быть, люди живут по-старому, в страхе Божием, ничего не зная о пришествии ада на землю». Красноцветов получил назначение за две тысячи вёрст – пожарным инспектором в село Кротовское Ишимского уезда Тюменской губернии.

Именно Кротово оказалось одним из «узлов» разгоревшегося вскоре восстания. Шесть раз оно переходило из рук в руки от повстанцев красноармейцам и наоборот…

Супруга Мария Николаевна Красноцветова вспоминала: «Перебили в селе, где мы жили, всех учителей и служащих в сельсовете, арестовали и нашего отца… Вот когда была молитва! Всю ночь мучилась, бросаясь от окна к иконам. Утром смотрю, идёт отец и [сын] Гриша с ним. Когда он убежал, я в скорби своей не заметила. А он прибежал в сельсовет с криком: «Папа мой не коммунист, пустите его!»; в это время туда пришёл наш сосед Сенченко, которому отец дал какой-то юридический совет, очень помогший в его деле, и сказал: «Ребята, он не коммунист, у него икон полон угол», – и они отпустили его…»

В другой раз на квартиру к Красноцветовым ввалилась ватага солдат-«усмирителей» восстания. «Вид дикий. Какие-то инородцы, не то киргизы, не то татары. Уселись, пьют чай». Один из них увидел пианино и принял музыкальный инструмент за военное орудие. Марии Николаевне пришлось продемонстрировать его работу. «О, музыка! Никогда ещё не оказывала ты мне такой услуги, никогда ещё аудитория не была так довольна, как в тот раз. Настроение у солдат смягчилось, а главное, о муже они на этот раз забыли…»

Однажды к Красноцветовым явился сам командир повстанческого отряда Пётр Шевченко, «мужик умный и хороший организатор».

«Вошёл к нам и прямо обращается к мужу:

– А вы, товарищ, что же? Коли за нас, так пойдёмте с нами!

…Вот когда взмолилась душа моя, всё существо моё в едином порыве возопило к Богу о помощи, и молитва была услышана… Я говорю:

– Товарищ Шевченко, муж мой для вас совершенно бесполезный человек, он плохо видит, очки спадут с носа – и он как слепой, а потом, что же я буду делать одна с детьми? У нас ни дома, ни родных, ни знакомых, мы приехали, не зная, что тут делается, пожалейте детей!

– А это всё ваши дети?

…Смотрю, он вычеркнул фамилию мужа из своего списка, встаёт и уходит. Как плакали тогда мы оба, с какой благодарной мольбой смотрели на святые иконы Милосердного Господа и Пресвятой Девы, защиты и прибежища всех беспомощных и беззащитных!»

Осенью 1921 года М.Г. Красноцветов взял расчёт в Ишимском пожарном подотделе уездного отдела коммунального хозяйства и поехал к тобольскому преосвящённому с просьбой о рукоположении во священника.

По дороге в Тобольск выпало новое испытание решимости в вере – его арестовал продотряд, однако сохранившийся в кармане мандат совработника и горячая молитва спасли его от расправы; более того, командир попросил своего пленника наладить счётные дела и даже уговаривал остаться с ними. Оказав помощь в счетоводстве и пробыв для этого в отряде две недели, Михаил Григорьевич всё же продолжил путь и, наконец, встретился с архиепископом Николаем, который «принял его как сына, обласкал и посвятил сначала во диакона, а потом и в священника. Подарил ему много книг и уговаривал остаться у него в Тобольске, но муж не захотел, а просил места где-нибудь в глуши».

Служил отец Михаил сначала в селе Мало-Скарединском (в 20 верстах от Кротово), а с 1925 года – в селе Аромашево, будущем районном центре. Первое его заключение в ишимской тюрьме было кратким – с 19 марта по 26 апреля 1927 года. В 1931-м его сослали в концлагерь на реке Вишера

на Северном Урале. Семья скиталась и бедствовала. После освобождения в 1936-м жил в Тюмени, служил сверхштатным священником во Всехсвятском храме. Пятого июля 1937 года был повторно арестован и расстрелян 12 октября того же года. Трое сыновей его стали священниками, внук Павел Красноцветов окончил дни в сане митрофорного протоиерея в должности ключаря (настоятеля) Казанского собора в Санкт-Петербурге.

В 2023-м Михаил Красноцветов прославлен для всецерковного почитания Русской Православной Церковью в лике священномученика.

Дубынская мистерия

...Багровая полоса зари робко показалась из-под тяжёлых вечерних туч и повисла над поросшим мелким березняком озером. И словно отсвет заката – на берегу появился строй мерцающих огней. Десятки языков пламени озарили заснеженную поляну и каменный обелиск со взметнувшимся в небо навечно застывшим в металле факелом...

Это казалось невероятным. Думалось, традиция факельных шествий ушла в прошлое вместе с государствами, которые нынче определяют как «тоталитарные». Но, оказывается, есть в нашей стране уголок, где эта традиция не прервалась даже в смутные девяностые. Этот уголок – село Дубынское в Казанском районе. По крайней мере, в первое десятилетие XXI века автору этих строк довелось увидеть такое шествие вживую.

Ещё в конце 1919 года, сразу с установлением советской власти, здесь организовали коммуну «Заря». В неё вступили триста человек из окрестных деревень. В двух верстах от Дубынки, на берегу озера они разбили посёлок. Совместными усилиями ставили дома, пахали землю, выращивали скот. Все средства производства были обобществлены.

Первый год жизни коммуны завершился успешно. Собрали хороший урожай, из которого коммунары рассчитались с государством за приобретённые в кредит сельхозмашины. Той же осенью сыграли и первую свадьбу. Коммунар Шура Иванов женился на дубынской девушке Маше Заполевой. Свадьбу решили играть без венчания, да и Маша ушла из дома без родительского благословения, получив вослед отцовское проклятие.

Коммунары и прежде не очень щадили «деревенское благочестие». В церковные праздники дружно шли на работу, открыто пропагандировали безбожие. А во время продразвёрстки все дубынские крестьяне видели, что коммуну продкомиссары обошли стороной. Обида и чувство несправедливости обожгли их душу.

Девятого февраля 1921 года до Дубынки дошла весть о восстании, охватившем уезд. Гнев и чувство мести взяли верх над благоразумием и милосердием. Повстанческий отряд без боя взял коммунарский посёлок. Никто не сопротивлялся, не желая подвергать опасности детей. Бежать удалось немногим. Коммунаров привели в село и разместили по разным помещениям. Наутро начался суд. Не сразу решились восставшие дубынцы поднять руку на собратьев. Но, опасаясь ответного восстания арестованных, повстанцы пошли на убийство. 144 коммунара казнены в период с 11 по 13 февраля. Истязали публично, в центре села. Исполнил свою клятву Устин Заполев, заколов вилами на глазах у односельчан дочь-«изменницу». Тела убитых свезли в коммунарский посёлок и сожгли в бане у самого озера.

В советское время трагедию коммунаров увековечили в двух мемориалах – на месте гибели и на месте погребения. Поставить памятники помогли «шефы» с Ишимского машиностроительного завода. Когда появилась традиция факельных шествий, никто не помнит. Но взрослые жители Дубынки рассказывают, как они школьниками ходили в день памяти коммунаров до места, где стояла коммуна (люди там жили ещё до середины 1950-х) и обратно – к памятнику в центре села...

Из повстанцев – в бандиты

Поначалу повстанцы, не имевшие единого центра руководства, достаточно успешно развивали

Николай Булатов (в центре, отмечен стрелкой) среди однополчан. 1914 г. Фото из фондов Лебяжьевского краеведческого музея

Братская могила жертв налёта банды Булатова в деревне Прохорово Армизонского района. 1950-е гг. Фото из архива Г. Крамора

боевые действия. Сорок дней они удерживали бывшую губернскую столицу – Тобольск, наладив даже выпуск собственной газеты. На несколько дней почти отвоевали Петропавловск. Пытались перерезать северную и южную ветви Транссиба, по которым продовольствие из Сибири шло в Россию.

Десятого февраля 1921 года полуторатысячный повстанческий отряд вошёл с юга в Ишим и даже занял половину города, дойдя до центра – Базарной площади. Навстречу ему оперативно выдвинулся сводный отряд из представителей 2-го Ишимского добровольческого эскадрона (командир Коклягин), 181-го полка (командир Лушников), конного и пешего резервов милиции, батальона частей особого назначения (ЧОН). Несмотря на десятикратное превосходство в численности у повстанцев, выучка и вооружённость красноармейцев дали свой результат. На Базарной площади был дан краткий бой, в ходе которого вооружённые преимущественно пиками и вилами крестьяне были изгнаны. Опасность занятия ими железнодорожной станции Ишим оказалась предотвращена.

По мнению историка, профессора В.И. Шишкина, это спасло советское правительство, ведь, «несмотря на удалённость от пролетарских центров, являвшихся опорой диктатуры пролетариата, Западно-Сибирское восстание представляло для коммунистического режима серьёзную опасность. Мятеж отрезал центральные районы советской России от Сибири, которая тогда наряду с Северным Кавказом являлась основным источником продовольствия для Красной армии, Москвы и Петрограда».

Попытки взятия повстанцами Тюмени и других станций железной дороги были столь же безуспешны. С наступлением весны восстание, подавляемое кадровыми частями Красной армии, залитое пулемётным и артиллерийским огнём, практически сошло на нет. Но отдельные формирования, подобно отряду Петра Шевченко, продолжали действовать несмотря на объявленную амнистию, превращаясь из повстанцев в бандитов даже в глазах сочувствующего населения.

В Армизонском районе действовал отряд под названием «3-й Освободительный полк», которым руководил Н.М. Булатов. Историку-краеведу О.А. Винокурову удалось разыскать ряд сведений о нём и даже фотопортрет. Родился Николай Митрофанович в селе Куртан Курганского уезда Тобольской губернии в 1891 году. До Первой мировой работал приказчиком в сельской лавке, на фронте дослужился до старшего унтер-офицера, командовал взводом в 42-м полку 11-й Сибирской дивизии. В Гражданскую воевал на стороне Белой армии, но в 1920-м уже служил инструктором Всевобуча Красной армии в селе Лопатинском (и снова – бывший советский работник!). Как пишет Олег Александрович, «оттуда, узнав о начавшемся мятеже, сбежал в родные места. По описаниям очевидцев, это был огромный мужик с рыжей бородой. У повстанцев он командовал сначала батальоном, а затем 3-м Освободительным полком».

Обрез – оружие повстанцев. Фото из фондов ИМК им. П.П. Ершова

Факельное шествие к памятнику на месте сожжённой коммуны «Заря» у села Дубынского Казанского района. 9 февраля 2007 года.
Фото Г. Крамора

Как и Шевченко, Булатов долго скрывался с остатками своего отряда на болотах между современными Упоровским и Армизонским районами. Лишь в ноябре 1921-го он был взят тюменскими чекистами у Кизакского зимовья.

22 октября 1921 года в окружной газете «Серп и молот» под № 155 появилась заметка за подписью Ефимова и с заголовком «Налёт бандитов»:

«Восьмого октября с. г. шайка бандитов под командованием Булатова под видом красноармейцев сделала налёт на дер. Прохорово Армизонской волости. Созывая собрание и спрашивая о бандитах, мнимые красноармейцы беспартийных стали удалять с такового, и когда остались одни только партийные, то бандиты скомандовали: "Руки вверх!" Только тут [коммунисты] увидели, что попали, но и тут они не растерялись: один из них, тов. Киприн Александр, выхватив имеющуюся бомбу, бросил в шайку. В результате взрывом ранило 9 бандитов, троих из них смертельно. Сам раненый тов. Киприн выпрыгнул в окно, думая бежать, но был настигнут и убит бандитами. Смертью же поплатились и другие четыре товарища, захваченные этими извергами...»

Жертвой налёта стал и брат моего прадеда Иван Тимофеевич Киприн. Дом окружили, бежать было некуда. Жена Наталья с бабушкой успели выскочить во двор, а трёхлетнего сына Илью спрятали в подпол, чтобы вернее уберечь от расправы. Дрожа от страха, сидел он под скрипящими от топота валенок половицами, слыша, как измываются убийцы над его отцом. Когда повстанцы свершили своё дело и ушли, вся изба была забрызгана кровью, а маленького Илью никак не могли достать. Он забился в самый дальний угол между завалинкой и полом и не отзывался даже на просьбы матери и бабушки. Согласился пойти лишь на руки дяди – Лавёра, – да так и остался жить в многодетной семье моего прадеда до совершеннолетия...

«Мы потеряли любящих землю крестьян»

Действительно, этот по-пушкински «беспощадный русский бунт», как впоследствии репрессии и Великая Отечественная война, не обошёл ни одну крестьянскую семью нашего края... Отец шёл на сына, свояк – на свояка. Племянник убивал родного дядю пешнёй, а брат командира повстанческого отряда служил в Красной армии. За каждым стояла своя правда, но жестокость была обоюдной.

Отряды карателей настолько не стеснялись в средствах подавления восстания, что даже известный пропагандист из коммунистического лагеря Емельян Ярославский придумал хлёсткое определение «красный бандитизм». Соотношение потерь к концу восстания доходило до пропорции: один красноармеец на пятнадцать крестьян. А порой и на пятьдесят. Жертвами бунта стали не менее тридцати тысяч крестьян и не менее двух тысяч советских работников. Точные цифры так и не подсчитаны.

«К сожалению, и сегодня трудно установить точное количество участников Западно-Сибирского восстания, – говорит ишимский историк И.В. Курышев. – В литературе можно найти цифры от 40 до 150 тысяч человек. Но если даже ориентироваться на меньшую из них, можно смело утверждать, что Западно-Сибирское восстание 1921 года было наиболее массовым антиправительственным выступлением за весь период коммунистической власти в России».

Образцом отношения советского правосудия к виновникам восстания стал Ишимский судебный процесс 22–28 февраля 1921 года, ход которого подробно рассмотрен в публикации профессора В.И. Шишкина. К суду привлекли шесть продовольственных работников и 93 «мятежника». Пять продработников и 41 крестьянин были приговорены к расстрелу. Однако приговор привели в исполнение только по отношению к последним, продработники же (кроме одного) «в политических видах» были помилованы и вернулись на прежнюю стезю.

Но мятеж повлиял на изменение политики компартии по отношению к крестьянству. Стало ясно, что практика развёрстки неэффективна, и её предложили заменить продовольственным налогом. Председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин на 14-м заседании X съезда РКП(б) 15 марта 1921 года в действиях осуждённых продработников увидел «проявление прямо уже уголовных безобразий, кои в обстановке, в которой происходит продовольственная работа, требуют кары свыше обыкновенной». Зная из доклада Сибревкома о том, что «стоит только оповестить всю Сибирь, что такой декрет (о продналоге) есть, как движение прекратится», Ленин настоял на принятии съездом соответствующей резолюции.

Однако облегчения сибирскому крестьянину это не принесло. Летом наступила засуха, и ещё долго вспоминался в народе голодный двадцать первый год. После НЭПа пришла коллективизация, потом – 1937-й, война... Деревня постепенно пустела. «Мы потеряли любящих землю крестьян», – с горечью заметил на посвящённой 85-летию восстания конференции в 2006 году тогдашний глава Ишима, депутат областной Думы В.А. Рейн.

Первая антология о восстании

Несмотря на тот значительный след, который оставило восстание в истории Тюменской области, несмотря даже на то, что во время визита в Ишим в августе 2015 года тогдашний губернатор В.В. Якушев особо подчеркнул важность его изучения и репрезентации памяти о нём, – в течение века на нашей земле так и не появилось обобщающего труда, который мог бы панорамно представить картину тех событий. Выходили сборники с тезисами и статьями историков, в газетах и журналах появлялись публицистические материалы, писатели и поэты погружались в минувшую эпоху, но... всё это рассеивалось и растворялось в малотиражье или «злобе дня».

Изданная в 2021 году в Ишиме антология архивных и исследовательских материалов о Западно-Сибирском восстании «Двадцать первый. Красная весна». Фото Г. Крамора

Могучими островами среди этой россыпи скал высятся лишь два фундаментальных сборника документов, подготовленных во многом на материалах тюменских архивов профессором В.И. Шишкиным: «За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921» (2000) и «Сибирская Вандея. 1920–1921. Документы. В 2-х томах» (2001). Без опоры на них начать изучение Западно-Сибирского восстания теперь просто невозможно. Но изданы они были не в Тюменской области.

Поэтому желание отдать землякам долг памяти в год столетия их гибели стало вполне естественным. Результатом стал выпуск Ишимским музейным комплексом им. П.П. Ершова антологии архивных и исследовательских материалов «Двадцать первый. Красная весна». Её выход в свет поддержал депутат Тюменской областной Думы В.А. Рейн.

В антологии представлены все жанры, кроме художественного. Это и документальные источники, дающие нам точные временные вешки, и мемуары, позволяющие увидеть происходившее эмоционально. Это и аналитические обобщения учёных-историков с мировым именем, и материалы «полевых исследований» краеведов-любителей.

Иллюстративный ряд также подбирался по принципу строгой документальности с указанием первоисточника. На данный момент, к сожалению, не выявлено ни одной фотографии, запечатлевшей непосредственно ход восстания. Изображения якобы мятежников 1921 года, которые бродят по Интернету, на самом деле либо не из нашего региона, либо не этого времени. Снимки участников восстания с обеих сторон сделаны либо до горячей фазы событий, либо после. Причём, конечно, карточки мятежников редки как алмазы. Но весьма нечасты и фотографии жертв мятежа, их похорон. Большинство иллюстраций извлечено из семейных и региональных архивов и музеев, они публикуются впервые, как и многие тексты.

Эпиграфом сборника избрана цитата из Евангелия от Матфея, глава 12, стих 25: «...Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Эта двухтысячелетняя мудрость и о том, что гражданская война обессиливает нацию, подрывает нравственные устои, приводит к распаду государства. Поэтому очень важно изучать прошлое для того, чтобы не повторить его ошибок в настоящем.

«Сибирское богатство» No 1’2026

Текст Сергея КОЗЛОВА

За спичками… в Тюмень

К 440-летию города

Сегодня мало кто знает или помнит, что в Тюмени была своя спичечная фабрика. Я вспомнил об этом, когда увидел в коллекции своего друга Сергея Дубинского уникальные коробки и этикетки.

Этикетка 1867 года.
Фото С. Дубинского

Тюменская спичечная фабрика была основана Василием Ивановичем Логиновым. Сам он известный екатеринбургский предприниматель, выпускавший спички с 1867 года. Есть среди наших фотографий этикетка, где и год этот указан. В 1898-м он объединил предприятие с производством своего конкурента Ворожцова – так образовалось «Акционерное общество спичечных фабрик Ворожцова и Логинова» (см. этикетку на другом фото). В июне 1904 года в Тюменскую городскую Думу было подано ходатайство об открытии спичечной фабрики. Примечательно, что прошение было отклонено ввиду опасности «в пожарном отношении». Ворожцов и Логинов продолжали слать прошения и настаивать, обосновывая, что их спички безопасны, фабрика на берегу Туры (вода рядом), производство безотходное, территория большая, а главное – налоговые отчисления и новые рабочие места. В августе 1904 года они получили свидетельство на строительство фабрики от городской управы.

Этикетка «Акционерное общество спичечных фабрик Ворожцова и Логинова».
Фото С. Дубинского

Тюмень с момента своего основания часто горела: город в основе своей был деревянным. Пожары наносили огромный ущерб, поэтому Управа и Дума города Тюмени выдвинули предпринимателям дополнительные условия, среди которых были не только противопожарные, но и экологические. К примеру, трубы предприятия должны быть с искротушителями, но и такой высоты, чтобы не наносить вреда населению. Ну и, разумеется, каменные брандмауэры и водонапорная башня.

Краеведы утверждают, что фабрика стала выпускать продукцию в конце 1905-го. Но официальной датой открытия считается ноябрь 1906 года. Так что в этом году у знаменитого производства юбилей – 120 лет! К моменту открытия во главе производства остался только Логинов, и потому предприятие стало называться «Спичечное акционерное общество Василия Логинова». Деревянная часть спичек была наша – тюменская, а всю химию завозили из-за границы. Да и технологию, например, из Швеции. Кстати, на спичечных этикетках, как и обещал Логинов, всегда писали, что они «безопасныя». К рекламе предприниматель относился серьёзно, именно поэтому до наших времён сохранились многие её образцы, включая почтовые открытки. Или, к примеру, брошюра, изданная на Урале в 1914 году – «История спичечного производства». А сама фабрика стала одним из самых передовых производств в городе с весьма продуманной инфраструктурой.

После смерти от сердечного приступа Василия Логинова (23 сентября 1907 года) предприятие возглавил его сын Степан, который не просто продолжил дело отца, но и обновил производство. Исто-

рики-краеведы утверждают, что он сам изобрёл и запатентовал сушильный аппарат для спичечной соломки «Россия», на котором процесс сушки сократился с полутора суток до 5 часов. Степан Васильевич пересмотрел и вопрос упаковки спичек. Дорогую сосну сменила фанера, а коробки из неё в свою очередь стали интересны, к примеру, и кондитерским фабрикам. В конце концов пришлось открыть полноценное фанерное производство, где, кроме прочего, изготавливались сиденья для венских стульев и фанерные лопаты. Я, кстати, так и помнил с детства, что за рекой стояла фанерная фабрика. И лопату фанерную её производства в руках держал и снег ею чистил.

В 1912 году было получено предложение экспортировать фанеру заграницу. Сегодня можно с уверенностью сказать, что Тюмень в начале XX века стала центром спичечного производства в Сибири, а спичками из нашего города, помимо самой Сибири и Урала, пользовались в Китае и Средней Азии.

Далее позволю себе обширную цитату из книги известного краеведа В.Е. Копылова «История Тюменского края глазами инженера»:

«О семье Логиновых в Екатеринбурге и Тюмени осталась добрая память. Отец Василий Иванович жил скромно и экономно. Отличался уживчивым характером, доброжелательным отношением к партнёрам. Капитал от прибыли тратил только на развитие производства. Его сын Степан числился в меценатах и попечителях совета торговой школы, избирался церковным старостой. Руководил и поддерживал материально Екатеринбургское общество велосипедистов и любителей физического развития. Увлекался фотографией почти профессионально, отпечатал каталог своих снимков – более 400 видов. Будучи образованным человеком, следил за новинками науки и техники, был близко знаком с выдающимися инженерами и представителями науки, в том числе с зарубежными. Так, в своём доме на Богоявленской улице в Екатеринбурге он открыл представительство Акционерного общества русских электротехнических заводов Сименса и Гальске. Общался с руководителем Общества Леонидом Красиным, нашим земляком.

Революционные события 1917 года и смута гражданской войны привели к спаду производства. Достижения и успехи прежних десятилетий стали невостребованными. Как и отец, С.В. Логинов страдал сердечной недостаточностью, болезнь обострилась, и в 1918 году в возрасте 54 лет он скоропостижно скончался. Его сын Н.С. Логинов в июне 1919 года предпринял попытку эвакуировать часть оборудования с отступающими войсками адмирала Колчака. С приходом Красной армии фабрики в Екатеринбурге и Тюмени оказались национализированными. Наступил советский этап спичечного производства. Тюменский завод преобразовали в спичечно-фанерную фабрику «Пламя» с подчинением окружному промкомбинату. Производство, разрушенное в годы гражданской войны, удалось восстановить и запустить только в 1921 году. В октябре 1926 года газета «Трудовой набат» с гордостью писала об установке автоматической «мазальной» машины. Она покрывала бока спичечных коробок специальным составом. При трении покрытия и головки спичка воспламенялась».

Труд В.Е. Копылова можно найти в открытом доступе на сайте «Электронная библиотека тюменского писателя». А вы можете полюбоваться спичками фабрики «Пламя» в руках моего друга – историка и коллекционера Сергея Дубинского. Кстати, заметьте, что спички тогда стоили 3 копейки. А в моей советской юности – всего одну…

С тюменскими спичками на этом всё. А вот фанерное производство Тюмень прославило ещё и в советские времена. Продукция комбината очень важна была для фронта с первых дней Великой Отечественной войны. А в 1973 году комбинат выпускал фанеру на экспорт в США и Европу. Но… фанера – это уже другая история, даже если она летала над Парижем, о которой мы как-нибудь расскажем в журнале как об особом роде сибирского богатства.

Этикетки советского времени фабрики «Пламя». Фото С. Дубинского

«Сибирское богатство» № 1'2026

Текст Сергея КОЗЛОВА

Где родился, там и пригодился, или №1

135 лет первому родильному дому Тюмени

В начале семидесятых годов прошлого века, когда мне было 5 или 6 лет, летом, когда тополиный пух накрывал Тюмень не хуже зимнего снега, мама подвела меня к старому, но белому, как пух, зданию. И показала на одно из его окон.

Роддом №1 в 70-е годы XX века. Фото из фондов Музейного комплекса им. И. Я. Словцова. Автор неизвестен

– Вот, Серёжа, за этим окном ты появился на свет.

Я постарался разглядеть, что там – за этим окном, но оно было плотно зашторено с внутренней стороны белыми занавесками до самого верха.

– А что там? – спросил я.

– Роддом номер один, – очень веско сказала мама, сделав акцент на последних двух словах.

– Значит, тут рождаются первые люди? – последовал мой вывод из этого громкого номера. – Но я ведь не первый у вас с папой, я третий, до меня Наташа и Света родились.

– Каждый в жизни может в чём-то стать первым, – улыбнулась мама. – И тебе тут тоже номерок на руку надели. Я его храню…

Потом я часто проходил мимо этого здания, уже не задумываясь ни над его номером, ни над его высоким предназначением: помогать новым тюменцам появляться на свет Божий. И только когда учился на историческом факультете, прочитал об истории этого дома. Сегодня она доступна в интернете, а тогда кто-то из сокурсников вытащил её из архива. Он писал работу по этой теме, а главное – тоже родился в роддоме номер один. И почему-то это нам добавляло некой гордости. Номер один…

Мне стало интересно: а кто ещё, кроме многих моих друзей, родился в этом аккуратном здании на улице Володарского? До революции она красиво называлась Знаменской, потому что вела к Кафедральному Знаменскому собору, пересекаясь с улицей Подаруевской. Роддом же был построен на пересечении той самой Знаменской и Войновской (ныне улица Кирова). Район считался купеческим из-за заполнявших его сословных особняков.

Володарской улица стала в 1922 году после смерти пламенного революционера Моисея Марковича Гольдштейна (Володарского), которого лично любил и уважал товарищ Ленин. Володарский был комиссаром по делам печати, как теперь говорят – организатором советской цензуры. Его убили 20 июня 1918 года в Петрограде, очень далеко от Тюмени. Ему было 26 лет. Рабочие Петрограда хотели ответить на убийство Володарского массовым террором, и товарищ Ленин поддержал их инициативу… Так или иначе, родился я на улице, названной его именем, рядом с прекрасным храмом в стиле сибирского барокко, и долгое время жил неподалёку, на улице Дзержинского (бывшей Садовой). В 1922 году многие улицы Тюмени получили имена истовых революционеров, и в дальнейшем это вошло в традицию… Но меня интересовал другой вопрос. Кто из тюменцев, появившихся на свет в роддоме № 1, действительно стал первым или хотя бы одним из первых в какой-либо области человеческого труда? А ещё я узнал, что прежде, чем получить свой номер, роддом назывался Александровским… Но об этом позже.

В 1930 году здесь увидел свет мой сосед по двору, известный русский певец Юрий Гуляев. В октябре 1938 года – будущий большой писатель Владислав Крапивин, с которым жизнь и творчество сведут меня куда ближе, чем я мог предполагать во времена весёлого студенчества. Да, в этом доме родилось немало наших известных земляков…

А в июле 2002 года роддом № 1, бывшее родовспомогательное заведение, построенное купцом Войновым (название улицы Кирова до 1922 года вспоминаем), было снесено, отслужив своему святому предназначению 111 лет. Мне кажется, я бы встал грудью на его защиту, но в это время находился на Севере, работал в Югре. А Тюмень и тюменцы, которые в этом доме родились, восприняли снос равнодушно. И теперь только на юбилеях роддома с некоторой ностальгией вспоминают и о самом здании, и о его отзывчивом, высокопрофессиональном персонале.

Подробности об истории этого дома, чтобы не повторяться, возьму у известного тюменского краеведа в недавнем прошлом, одного из авторов нашего журнала Татьяны Листопадской. Вот, что она пишет:

«В апреле 1879 года купец первой гильдии Иван Петрович Войнов на заседании городской Думы выразил желание, что готов привести в надлежащий порядок жертвуемый им каменный дом под родильно-воспитательное заведение и содержать его в течение трёх лет за свой счёт, а затем он должен перейти на городское обеспечение. Гласные Думы не были готовы к такому повороту дела, и вопрос закрыли. В январе 1883 года купец И.П. Войнов вновь вышел с предложением о необходимости учреждения родильного дома, предоставив устав и счёт в банке на 20 000 рублей на его содержание. Городская Дума вновь отклонила предложение купца, посчитав, что процентов с 20 000 рублей не хватит на содержание дома. Поэтому вопрос о пожертвовании Войнова опять остался открытым, хотя обсуждение данного предложения проходило бурно. Одни, в частности гласный П.И. Матягин, были против родильного дома, ссылаясь на то, что в городе нет средств на его содержание. Однако обычно молчаливый почтенный купец И.Е. Решетников на этот раз громко заявил, что такое пожертвование следует принять от Войнова, а Матягин не имеет права высказываться от имени общества, а только от себя. Страсти накалились настолько, что дебаты перешли во взаимные обвинения и личные оскорбления, некоторые гласные покидали собрание, хлопнув дверью.

Прошло почти три года, за это время И.П. Войнов, не получив поддержки в городской Думе, построил в деревне Букино деревянную часовню, а в 1886 году в селе Мальково была возведена церковь.

Так перекрёсток улиц Володарского и Кирова выглядит сегодня.
Фото В. Ермаковой

В день Крещения, 19 декабря 1886 года, в возрасте 60 лет И.П. Войнов умер, так и не дождавшись готовности тюменского общества принять его пожертвование. Душеприказчик Войнова и купец Прохор Алексеевич Андреев через положенное время предъявил городской управе духовное завещание, согласно которому деньги в сумме уже 30 000 рублей должны быть выданы 19 декабря 1889 года, то есть через три года, что позволит накопление средств на проценты, для использования их на содержание будущего родильного дома. От посмертного пожертвования гласные городской Думы отказаться не могли. Через три года вдова купца Войнова, Ирина Григорьевна, обратилась в городскую управу с просьбой ускорить осуществление замыслов покойного мужа и обязалась приобрести за свой счёт необходимое оборудование, инструменты, мебель, бельё и посуду.

Для родильного дома был выбран врач Александр Семёнович Гасилов. И хотя у него и так было много работы по городу, как опытного врача его утвердили, выделив ему в помощники молодого акушера Семянникова.

Открытие родильного дома состоялось 19 декабря 1891 года в пятую годовщину со дня смерти Ивана Петровича Войнова. Вдова учредителя, проживавшая в Томске, из-за болезни приехать на открытие не смогла, но отправила участникам торжества поздравительную телеграмму. Родильный дом быстро стал популярным, его оценили жительницы не только Тюмени, но и всего Тюменского уезда. Он стал называться Александровским в честь Александра II, посетившего Тюмень в 1837 году (в 1881-м группой террористов кортеж Александра II будет взорван, и император погибнет – прим. авт.). Через двадцать лет родильный дом стал тесен, и в 1911 году появилась пристройка… 50 лет он был единственным родильным домом в Тюмени…»

Интересно, что все женщины, которым довелось рожать в этом доме, в воспоминаниях отмечали и отмечают, что там было тепло, светло и как-то по-домашнему уютно. Может, из тех, кто прочитает этот материал, найдутся люди, готовые поделиться негативом, но мне таких встретить не довелось. Зато встречал семьи, где три поколения появились на свет в здании, к окну которого когда-то подвела меня мама… А ещё помню телефонную будку рядом с ним, откуда звонили друзьям и родственникам счастливые молодые отцы. В том числе – некоторые мои друзья…

Насколько я знаю, некоторые организации в Тюмени пытались присвоить себе название с разной аббревиатурой, лишь бы там звучало «Родильный дом № 1», но… Видимо, звучать так, как звучал голос Гуляева, ни у кого не получилось, и вряд ли получится… А перинатальный центр на Даудельной (акушерский стационар № 1) – это уже другая эпоха.

Сейчас на месте роддома № 1 находится элитный жилой дом. Там хорошие большие квартиры, подземная парковка. Тепло и светло…

«Сибирское богатство» № 1'2026

Текст Виктории ЕРМАКОВОЙ

Романовы. Новая встреча

Книга, превышающая объёмом восемьсот страниц, читается на одном дыхании. Хочется верить, что таким же захватывающим будет и фильм, который по ней снят. Ждать его выхода на экраны осталось совсем недолго: в настоящее время монтируются последние эпизоды, заканчивается озвучка.

Виталий Кищенко в роли Николая II на льду Иртыша. Фото предоставлено кинокомпанией «Соливс». Автор неизвестен

«Романовы. Преданность и предательство» – это до мелочей выверенный с исторической точки зрения сюжет, блестящая игра актёров, размах Первого канала. И тема – сложная, драматичная, до сих пор больная для российского общества. Когда кино закончится, наверняка каждый зритель в очередной раз спросит себя: что же это было в ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, в доме инженера Ипатьева, – выбор народа или выбор, сделанный за народ? И снова найдёт самый близкий, самый приемлемый для себя ответ. Только каким он будет на этот раз?

В ожидании премьеры (сперва нам покажут «полный метр», затем многосерийный телевизионный вариант) представляем в новом качестве нашего главного редактора Сергея Козлова – историка, журналиста, писателя. В основе киноленты и сериала – созданный им роман о Романовых, успевший с момента издания разойтись тридцатитысячным тиражом. Мы попросили Сергея Сергеевича ненадолго занять кресло гостя редакции и рассказать читателям об этой многолетней работе.

– *Задумывая книгу о последних днях императорской семьи, погружаясь в изучение быта и документов начала XX века, вы знали, что рано или поздно ваш труд будет экранизирован?*

– Да, Олег Урушев, генеральный продюсер кинокомпании «Соливс» и телекомпании «СургутИнформ-ТВ», на счету которого уже было несколько масштабных исторических лент, предложил мне поработать именно над сценарием. И всё же я хотел отказаться, как до этого отказался писать сценарий к фильму о Семёне Ремезове. Сам не имея глубоких знаний о жизни нашего выдающегося зодчего и картографа, я познакомил Олега с писателем Алексеем Ивановым, помог с подбором исторической литературы, вывел на тобольского хранителя истории Аркадия Елфимова и на писателя-историка Вячеслава Софронова. Результатом этих усилий стала книга «Тобол» и снятый по ней одноимённый сериал.

– *Но, в отличие от событий Петровских времён, история последних Романовых была вам близка. Более того, вы давно определились со своей позицией, со своими симпатиями и антипатиями – и вот она, возможность поделиться видением с огромной аудиторией...*

– Мою повесть «Мальчик без шпаги» удачно экранизировал наш земляк Константин Одегов. И хотя он на своё режиссёрское усмотрение поменял её концовку, я остался доволен первым опытом работы с киношниками. Но... Слишком трагично само это время, его события и судьбы. Слишком переломным оно стало для истории нашей страны – настолько, что белые и красные и сегодня не прекратили вражды. И вот когда я уже готовился подтвердить свой отказ, ко мне в полном священническом облачении пришёл мой хороший друг и однокурсник, священник отец Владимир Петров, он же известный тюменский поэт. Стукнул меня по лбу наперсным крестом и спросил: «А кто, кроме тебя?» Я созвонился с Урушевым и пообещал,

что соглашусь на его предложение, если мне будет обеспечена помощь конкретного человека. Есть такой историк, писатель и публицист Владимир Хрусталёв – он полвека занимается историей семьи Романовых. Без консультаций с ним поднимать эту тему не имело смысла. Уже в личном разговоре я признался Владимиру Михайловичу, что, работая в школе, учил детей по его книгам. Потому что рассказывать о жизни последнего императора по учебникам было невозможно.

Вторым человеком, оказавшим мне неоценимую помощь, стал Дмитрий Мизгулин – тоже мой друг, поэт, меценат, президент литературного фонда «Дорога жизни». Его образованность можно назвать энциклопедической. Мне до сих пор неудобно, что его имя не стоит на обложке рядом с моим. Я сохранил все его тетради с бесчисленными комментариями, дополнениями и замечаниями. Мы вместе путешествовали по романовским и распутинским местам в Питере, в Крыму, в Белграде, где, впрочем, у меня самого было немало добрых знакомых… Но именно благодаря Дмитрию круг лиц, помогавших в сборе информации, становился шире.

Важным источником новых сведений стали, например, наши спецслужбы. А издательский дом «Комсомольская правда» (сегодня он является воплотителем литературного проекта) предоставил мне книгу «ВЧК в документах». Многие читатели наверняка знают о шифрованной телеграмме председателя Уральского облсовета Белобородова, отправленной в Москву через несколько часов после сообщения о расстреле Николая II: «Передайте Свердлову и Ленину, что семью постигла та же участь». Так вот в этой книге я нашёл другую шифрограмму, более короткую и чёткую, которую Белобородов адресовал непосредственно Свердлову: «Расстреляны все». Исторический документ – ответ тем, кто склонен верить в выживших Алёшу или Анастасию…

– Наверное, сложная задача для писателя-историка – работать с мемуарами, письмами, записями в дневниках, делать своих героев понятными и человечными. И при этом знать, что нет права на вольные допущения: все они погибнут… А кому из Романовых вы сочувствовали больше других?

– Время сохранило огромное множество подлинных бумаг, и каждый новый документ, с которым я соприкасался, рождал новые вопросы, увеличивал круг моего незнания. Что касается императорской семьи – настоящей русской семьи, любящей и глубоко верующей, – мне все в ней по-своему симпатичны. Прежде всего, сам Николай Александрович, спокойный, сдержанный, обладающий феноменальной памятью, знавший пять языков и способный однажды увидев солдата при новой встрече назвать его по имени. Ему пришлось столкнуться с изменой элиты, с предательством членов своей фамилии, и только жена и дети остались с ним до конца.

Антон Батырев в роли Арсения Орлова. Фото предоставлено кинокомпанией «Соливс». Автор неизвестен

Старшая дочь Ольга, мудрая не по годам (не случайно он с ней советовался, иногда обижая этим предпочтением Александру Фёдоровну), любила простого мичмана Воронова. Понимая, что брак с ним невозможен, она сумела отстоять себя, когда её хотели выдать замуж за румынского принца или за великого князя Дмитрия Павловича (впоследствии он стал одним из заговорщиков), в близком кругу прозванного Ландышем. Кстати, на могиле Воронова, уехавшего в Америку и прожившего там долгую жизнь, по его собственному завещанию был установлен образ святой Ольги…

Вторая по старшинству великая княжна Татьяна была для Ольги лучшей подругой, поверенной её сердечных тайн. Всех девочек в семье можно назвать красавицами, но Татьяна обладала особенной привлекательностью, вернее даже сказать, притягательностью. Влюблённый в неё гвардейский офицер Дмитрий Малама (они познакомились в госпитале, где дочери императора ухаживали за ранеными) в 1919 году, узнав о расстреле царской семьи, поднял эскадрон в атаку и погиб в этом бою. Пытался покончить с собой и жених Татьяны, сербский принц Александр, когда до него дошло известие о её страшной кончине.

Невозможно не сопереживать Машеньке, самой простой и общительной из девушек, и Насте – милой, глубокой, тонко чувствующей… Был солдат – история не сохранила для нас его имени, – пытав-

шийся передать ей на Троицу пирог, когда семья уже находилась под стражей, и заплативший за это жизнью. Так что игравшей Анастасию молодой актрисе Тинатин Пачкория выпала сложная задача: передать хрупкость и очарование первых девичьих чувств.

– *И всё-таки самые тёплые слова в книге вы нашли для юного Алексея.*

– Это чуть-чуть личное: я тоже был младшим ребёнком в любящей семье и у меня были старшие сёстры… Алексей, которого воспитывали как будущего государя, оставался обычным мальчишкой – озорничал, не очень любил учиться, дорогим игрушкам предпочитал найденные на улице палки или камешки. Эти находки тащил к себе в комнату и не хотел с ними расставаться, словом, был немножко Плюшкин… Добрый и совестливый, в определённых моментах он проявлял твёрдость и волю. Допускаю, что у него было ощущение предстоящего трагического конца. Он говорил: «Если мне суждено стать царём, не будет войн и бедности, всё будет справедливо…» – и солдаты ему верили. Но это «если суждено» – важно! Когда его семью арестовали, тяжело больной Алёша раньше других понял, чем всё может закончиться.

– *Сергей Сергеевич, книга полностью основана на документах, но не случалось ли создателям фильма отступать от исторической правды, чтобы сделать картину более зрелищной и понятной зрителю?*

– Три года, пока шла работа, мы находились на связи с продюсером и режиссёрами: обсуждали детали, сокращали диалоги, дорабатывали сцены. И, разумеется, вели споры. Мне говорили, что зритель ждёт динамики, что я не имею понятия о законах, по которым снимается кино, а я отвечал, что знаю зато, как писали сценарии Шукшин и Тарковский, и что Голливуд когда-то учился режиссуре у наших мэтров, а теперь мы вынуждены преодолевать влияние американского кинематографа… Конечно, приходилось идти на уступки: мы отказались от книжных героев, чьи линии не вмещались в экранное время. Но я не могу не отметить и очень удачные находки.

Денис Пропалов в роли цесаревича Алексея. Фото предоставлено кинокомпанией «Соливс». Автор неизвестен

Практически все члены расстрельной команды оставили воспоминания, так что события июльской ночи несложно было реконструировать. Однако Олег Урушев придумал сильную сцену, которой нет ни в одном документе: Юровский раздаёт револьверы участникам расстрела, называя при этом цель, и камера фокусируется на его взгляде… Вообще, глаза артистов великолепно передавали эмоции, которые, мне кажется, должны были переживать их герои. В роли Николая II «профессиональный Романов», как шутили создатели фильма, – актёр Виталий Кищенко, до этого сыгравший Александра I. Не имея полного портретного сходства с последним российским императором, он потрясающе сумел передать описанный современниками его характерный «серый взгляд». В фильм вошёл документально подтверждённый эпизод: Керенский готовится к встрече с отрёкшимся государем. Репетирует перед зеркалом своё к нему обращение: «Бывший царь!.. Гражданин Романов!.. Полковник!..» Идёт по коридору, ещё раз смотрится в дворцовое зеркало: «Полковник!» А потом заходит в гостиную, встречается с этим самым «серым взглядом» и едва выжимает из себя: «Здравствуйте, Ваше Величество!» – «Здравствуйте, Александр Фёдорович! – спокойно отвечает ему Николай. – Поздравляю вас с назначением министром юстиции России».

– *Вы упомянули о режиссёрах фильма… Их было несколько?*

Великие княжны во время отдыха. Фото предоставлено кинокомпанией «Соливс». Автор неизвестен

– Мы начинали работать с молодым режиссёром Сергеем Коротаевым. Вот он как раз был сторонником динамичного действия, жёстких сцен… Я с ним постоянно спорил, но, не скрою, в чём-то его подход казался мне интересным. Потом Сергей переключился на другой проект, и продюсер пригласил опытного Василия Чигинского, к тому моменту снявшего фильмы о командире подводной лодки Александре Маринеску и о знаменитом вратаре Льве Яшине. Кроме того – я думаю, что это и определило выбор Урушева – Чигинский снял короткометражный фильм об «атаке мертвецов», известном эпизоде Первой мировой войны, когда отравленные газом российские солдаты обратили в бегство применивших химическое оружие немцев. С видением нового режиссёра у нас было больше совпадений. Например, он сразу же спросил: «А куда подевались все сцены в церкви, описанные у Козлова?» И первый съёмочный день по его желанию начался с молебна – не просто уместного, но и необходимого, потому что накануне в Москве, в Крокус Сити Холле произошёл теракт, унёсший множество жизней…

– Сергей Сергеевич, в фильме много звёздных исполнителей. Вы высказывали своё мнение, когда заходила речь о том, чтобы пригласить на роль того или иного актёра?

– В вопросах кастинга мнение сценариста не считается решающим. Это у режиссёров советского периода была возможность выбирать из огромного актёрского списка, сейчас такая практика не работает. Востребованные актёры задействованы во многих проектах, и даже если предложение им интересно, у них должно найтись время, чтобы его принять. Изначально мне хотелось видеть в роли Николая II Андрея Мерзликина, но он отказался из-за предельной занятости. На роль императрицы Александры Фёдоровны Олег Урушев приглашал Милу Йовович, даже получил её предварительное согласие. Но у Милы не только русские, но и украинские корни, и когда начались события на Украине, она не приняла нашу сторону. В итоге роль была предложена Ксении Кутеповой. Я брал небольшие интервью у актёров, с которыми встречался на площадке, и к ней подбирался дольше, чем к остальным. Ксения скромная, закрытая. Но в Александровском дворце мы, наконец, разговорились. Она призналась, что сюжет её внутренне перевернул. Я видел, как снимали сцену расстрела: там Александра Фёдоровна пыталась закрыть собой детей. Страшный и очень сильный эпизод…

– А как смотрится Дмитрий Дюжев в роли нашего знаменитого земляка Григория Распутина?

– Когда я увидел этого актёра в гриме, у меня отпали всякие сомнения. А ещё его рост! Кто-то мне пытался доказывать, что Распутин был низеньким. Смотрите документы – метр девяносто он был, даже выше! Кроме того, меня поразило поведение Дмитрия: в перерывах, когда все отдыхали, он сидел в сторонке и перебирал чётки. На чём-то глубоко сосредотачивался, наверняка молился. Дмитрий много разной литературы прочитал о своём герое, в основном, правда, «апокрифы», но он знает о нём гораздо больше, чем иные земляки Григория Ефимовича! Я ему посоветовал ряд серьёзных исследований.

– Подружились с кем-нибудь из звёзд?

– По крайней мере, встретил людей, с которыми интересно общаться. Меня там однажды подкололи, мол, Козлов плохо знаком с современными артистами… А я ответил, что артисты почти не знакомы с современной литературой. Все заулыбались и признали мою правоту. Для каждого исполнителя я составлял психологический портрет его героя. Потом участники съёмок говорили, что хотели бы услышать мою лекцию об этом времени… Николай Юшкевич (он играл эпизодическую роль повара Харитонова, на которого удивительно похож) стал моим вдумчивым читателем. Когда у нас появлялось время, мы сходились втроём – я, Николай Юшкевич и Сергей Тезов (доктор Боткин) и говорили об истории XX века.

– Съёмка каких сцен вам запомнилась?

– Стоило бы назвать ключевые сцены фильма, но остановлюсь на другом. Я убедился, насколько вообще сложно снимать кино. Работа на льду – обязательно в присутствии сотрудников МЧС. А конные трюки! А съёмки на природе, где постоянно следишь, чтобы не наступить на охраняемое растение – все требования экологов строго соблюдаются. Про интерьеры дворцов с произведениями искусства и прочими историческими ценностями и вовсе молчу. Там бесконечные красные ленточки, за которые нельзя заходить, и в этих условиях должны двигаться актёры, перемещаться камеры…

В Тобольске в тридцатипятиградусную жару мы

Солдат Николай Ильин и великая княжна Анастасия (Тинатин Пачкория). Фото предоставлено кинокомпанией «Соливс». Автор неизвестен

Дмитрий Дюжев в роли Григория Распутина. Фото предоставлено кинокомпанией «Соливс». Автор неизвестен

снимали воссозданную возле кремля рыночную площадь. Сделали десять дублей! Каждый шаг массовки подробно расписан: если кто-то ошибся, надо начинать сначала… Главный герой фильма офицер Арсений Орлов (его играет Антон Батырев) в этой сцене переодет торговцем рыбой. И поскольку его товар под солнцем начал портиться, Антон едва дождался конца съёмки, сразу бросился в душ. Но, естественно, были невероятно красивые моменты. Меня восхитило, когда в Царское Село на трейлерах доставили два уникальных старинных автомобиля: «Форд» и «Руссо-Балт», чтобы снять приезд Керенского. Обе машины на ходу, и мне позволили сесть за руль!

– *По сценарию многие события разворачиваются в наших краях – на Урале и в Сибири…*

– Давайте напомним будущим зрителям, что их ждут два разных фильма. Полнометражный посвящён, собственно, царской семье – нельзя было оставить без внимания её, пусть совсем кратковременное, пребывание в нашем городе. Тюменцы готовили бывшему императору торжественную встречу. Возможно поэтому литерные поезда были задержаны властями и прибыли сюда поздно вечером. Железная дорога доходила до Масловского взвоза, до станции «Тура». Там семью вместе с сопровождавшими сразу пересадили на пароход «Русь» – его близнеца съёмочной группе удалось отыскать на Северной Двине… Что все эти люди могли наблюдать с палубы? Только купола Ильинской церкви…

– *И всё-таки киношную Тюмень мы увидим?*

– Да, потому что следом выйдет снятый в приключенческом духе сериал о попытке верных присяге военных устроить семье Романовых побег и переправить её в безопасное место. Таких групп было несколько: самая серьёзная состояла из офицеров Генштаба, находившихся в то время в Екатеринбурге, но их быстро вычислили. А в Тюмени была устроена конспиративная квартира монархической организации, пытавшейся установить связь с Романовыми в Тобольске. Её активные члены корнет Сергей Марков и штабс-ротмистр Николай Седов когда-то лечились в Царскосельском госпитале. У Седова после ранения начиналась гангрена, и он верил, что только молитвы императрицы помогли ему выжить. Его друг Марков, приехав в Тюмень, умудрился войти в доверие к революционному совету и даже возглавил эскадрон летучей милиции! Затем сюда прибыл сам Седов, переодетый чернорабочим и настолько вжившийся в роль, что Марков при первой встрече его не узнал – это опять же не выдумка, а исторический сюжет!

Обе судьбы потрясающе интересны: Марков умрёт в Париже в 1944 году – обстоятельства его кончины до сих пор не выяснены. Седов переживёт своего товарища на сорок лет и уйдёт из жизни в Иерусалиме в чине архимандрита Русской православной церкви! В фильме, правда, Седова нет, остался только Марков, но основные события показаны достоверно. Известно, что перед отправлением в Екатеринбург семью разлучили: император с супругой и княжна Мария уехали раньше, остальные – много позже – отправились следом. Принято считать, что задержка была связана с болезнью Алёши, но я предположу, что красные власти что-то подозревали и везли детей отдельно, исключив для их родителей возможность побега. Опять вспомним историю: на льду реки санный поезд встречал эскадрон Маркова! А по дороге – в Борках – Седов… Странно полагать это случайностью.

Кстати, очень достойно вели себя жители Тюмени: многие пришли на станцию с гостинцами для цесаревича и великих княжон. Взбешённый комиссар Радионов, человек крайне жестокий, выхватил у одного из провожавших предназначенную больному мальчику бутылку молока и вдребезги её разбил. От дальнейшего беспредела его удержал «создатель Красной гвардии на Урале и руководитель карательной экспедиции Тобольского направления» Павел Хохряков, рявкнувший: «Что ты делаешь, толпа нас разорвёт!» В наших краях были сильны монархические настроения. Местная татарская диаспора организовала движение «Даёшь царя!», и чтобы не позволить ему разрастись, Екатерин-

Сценарист за рулём ретроавтомобиля. Фото предоставлено кинокомпанией «Соливс». Автор неизвестен

бург прислал отряд спецназначения, забравший в заложники представителей самых уважаемых татарских семей. Домой эти люди не вернулись: все были расстреляны на Сибирском тракте. Впрочем, не избежали мы и позорных страниц: деньги, которые с огромным трудом собирались на освобождение царской семьи, разворовывались, и руку к этому прикладывал один из членов монархической организации Борис Соловьёв, зять Григория Распутина.

– *Сибирские сцены снимали на месте?*

– Историческую Тюмень трудно снимать: к немногочисленным старинным зданиям здесь вплотную подступает современная застройка. Удалось сделать несколько экспозиций в БогородицкоРождественском монастыре, где сохранилась Ильинская церковь. Другие уголки нашего города проще было воссоздать в павильонах Мосфильма. Зато настоящего Тобольска отснято много! Мы работали с компанией «Зодчие» (руководитель Роберт Хайбуллин), в своё время построившей парк «Тобол»: для нас её мастера по сохранившимся фотографиям воспроизвели снесённый в прошлом веке дом инженера Ипатьева. Я не удержался, сфотографировал на его фоне свою припаркованную машину и разослал снимки друзьям. Те, естественно, смеялись: как это тебе удалось там припарковаться? Но отметить надо вот что: администрации многих городов запрашивали огромные суммы за возможность проводить съёмки на их улицах. На этом фоне Тюмень и Тобольск, а также Александровский дворец с его коллективом, напротив, старались оказывать съёмочной группе всю необходимую помощь.

Премьера фильма состоится в год 440-летия Тюмени – приятно это осознавать. Трагическая судьба семьи последнего императора до сих пор волнует людей в нашей стране и за рубежом. Я уже говорил, что у меня много друзей в Сербии – когда вышла книга «Романовы. Преданность и предательство», они первые захотели перевести её на свой язык. Более того, группа сербских писателей побывала в местах, где прошли последние месяцы святых страстотерпцев Русской православной церкви. Приезжали Горан Петрович, Любинка Милинчич, Михайло Пантич, редактор журнала «Геополитика» Слободан Ерич. Потянулись в Тобольск и потомки участников тех событий. Хочется верить, что теперь будет новый виток интереса к нашим местам, к событиям нашей большой истории.

– *Сегодня, когда оба фильма практически готовы, вы узнаёте в них свою ожившую книгу?*

– Во время презентации книги в Москве исполнитель главной роли сериала Антон Батырев на вопрос журналистов ответил, что не стоит сравнивать книгу и фильм – это самостоятельные произведения, которые друг друга дополняют. Книга – плод работы одного автора, фильм – видение многих людей, сложившееся в единое целое. Но, конечно, мне как писателю хочется призвать зрителей больше читать. Так что закончить беседу я готов словами английского режиссёра Ридли Скотта: «Лучший в мире кинозал – это мозг, и ты понимаешь это, когда читаешь хорошую книгу».

Съёмки в Тобольске. Фото предоставлено кинокомпанией «Соливс». Автор неизвестен

«Сибирское богатство» № 1'2026

Текст Наталии КОСПОЛОВОЙ

Динамика как свойство стиля

Летом 2025 года в Тюменском ДК «Родник» прошла персональная выставка Динары Апасовой «Вехи времени». Абстрактное искусство в Тюмени можно назвать комфортным пребыванием креатива «у себя дома», но для мастера креатив – понятие достаточно многомерное.

Динара Апасова. Фото И. Усачевой

Фигура этой художницы в среде тюменских творцов кисти и графита ещё не проявилась в полной мере. Но и с общим фоном слить её довольно трудно. Яркий мастер, яркие краски, смелые замыслы, неожиданные решения…

Мы знакомы с Динарой Мансуровной давно, она явилась в моей жизни – впрочем, как и в жизни многих наших общих знакомых, – как виденье, ангел чистой красоты с тонким профилем царицы татарского селенья. Но, в сущности, что наша Тюмень, как не сплав множества наций? «Тюмень – татарская орда; Тюмень – угорские сказанья…»

Родилась Динара в Тюмени 29 апреля 1970 года. Окончила в 1995 году Тюменский государственный институт культуры по специальности «художник ДПИ», но это не первый и не единственный её длительный и успешный ученический опыт – всего год назад, например, она пополнила копилку своих компетенций, пройдя курс «Профессиональное введение в теорию и практику современного искусства». Работает в различных техниках – масло, акварель, акрил, графика, текстиль. Картины представлены в собраниях детской областной библиотеки им. К.Я. Лагунова, в частном музее «Царская пристань» и во множестве солидных частных коллекций. Её работы оставили приятное впечатление у искусствоведов и выставлялись в таких знаковых музеях, как мемориальная усадьба П.Е. Щербова в Гатчине.

А вот первые опыты творчества – не только изобразительного, но и словесного – пришли к ней очень рано. На излёте подросткового возраста она часто оставалась одна, один на один с интерьером, с натурой – страной пока ещё заповедной и таинственной, но уже посылающей ей свои образы и силуэты, словно с прицелом на будущее.

Рисовать начала сразу и с упоением; именно – «думать карандашом», «думать кистью». Застывшая поза – и острый, всё подмечающий, всё охватывающий взгляд. Я увидела её яркой и радостной молодой мамой, имеющей опыт самостоятельного взросления, раннего самоопределения и умелого выправления чужих судеб. Она стала старшим другом и своему мужу, влюбившемуся без памяти в эту черноглазую хрупкую воительницу. Да, именно это надо понять в человеке – то, что вначале не вырисовывается слишком отчётливо. Тонкими пальцами в интерьере частного дома где-то совсем не в центре города она протягивала мне свою фотографию, а на ней из кипы оранжево-воздушно-капроново-газового платья словно выскакивала длинная шея и аккуратная головка с озорными чёрными глазами… Кроме больших этих глаз, я, собственно, в первые наши встречи ничего и не замечала. И выражение-то – правильное, «художницкое», не детское, не детски строгое – и доброе.

Экспозиция в «Роднике», о которой я упоминала выше, была представлена 29-ю форматными работами. Помимо высокого качества отдельно взятых музейно-экспозиционных комплексов на этой площадке, порадовала абсолютная свобода высказанности, словно прорвалась какая-то завеса, упала преграда. Помните, у Тарковского в «Зеркале»: «Я могу говорить…» Художница, давно готовая к художественно-экспозиционному монологу, наконец-то обрела для этого и средства, и возможности. Позади – окончание института, занятия с декоративно-прикладным материалом – долгая и плодотворная,

постижение азов различных техник, преподавательская работа в школе «Гармония» и эксперименты, эксперименты, эксперименты...

Натюрморт

Остановимся на техниках и жанрах. Из огромного арсенала станковой живописи наиболее целостно «высказалась» Динара в жанре натюрморта. Об этом говорит и её персональная выставка «Учебный натюрморт» в школе «Палитра» посёлка Московского Тюменского округа, прошедшая в апреле 2025 года. Независимому географическому расположению этой школы вполне вторит независимость креатива её преподавателей, среди которых, помимо Динары, недавно числилась Ольга Демкова – мастер живописи и мужского портрета. Но вернёмся к натюрморту в творчестве моей героини.

Пара таких маленьких картинок маслом ещё недавно освежала интерьеры историко-культурного центра «Царская пристань», где, как в особом мире особняка XIX века, именно натюрморту «флаг в руки». За музеями-усадьбами XIX века – будущее, и в Тюмени, возможно, ещё произойдёт культурологический взрыв на эту тему. Первые события-«петарды» уже просияли. Это, например, «Петербургская осень» – состоявшаяся в 2018 году выставка креативных художников Тюмени, Петербурга и других городов, объединившихся под сводами ИКЦ «Царская пристань», чтобы воспеть очередной лирически яркий осенний сезон. Динарины натюрморты были на ней в числе фаворитов. Кстати, мир усадьбы «Царской пристани» не раз вдохновлял и учеников Апасовой, успешных и разноплановых.

В творчестве самой Динары натюрморт в какой-то период сыграл «партию первой скрипки» – и в годы учёбы, и много позже. Натюрморт в её творчестве прошёл ряд закономерных стадий, вполне законченных и самодостаточных. Натуру все земные знаки (Динара Мансуровна по гороскопу – Телец) чувствуют превосходно уже по определению: земное тепло, земная трансформация, земная стилистика. Эдакая симфония земного универсума. Какая там «мёртвая натура» а ля франсе? Это, конечно, жизнь! И не просто «тихая жизнь», как в голландском натюрморте. Вещи в натюрмортах Апасовой довольно активны. Погружённые в кристаллизующуюся воду акварели звучат и производят эхо; в технике масла же – почти физически действенны и даже вступают в разговор и спор. Жаль, что она редко и мало писала музыкальные инструменты – результат предсказуемо был бы фантастический.

Травы. Смешанная техника. 2022 г.
Фото Д. Апасовой

Пионы. Смешанная техника. 2025 г.
Фото Д. Апасовой

Графика

Любуясь апасовскими натюрмортами и пейзажами, каким-то неуловимым образом начинаешь чувствовать, что эту художницу интересует текст как нечто программное. Текст в ракурсе новых форм подачи в изобразительном искусстве и текст как часть графики, что неудивительно. Школа Николая Макарова, Геннадия Вершинина, Елены Улькиной налицо, она даёт свои всходы и – в случае Динары – совсем не сковывает. Ну невозможно пройти Улькинскую штудию, совсем ничего не захватив от этого камерного опыта! Поэтому отдадим должное графику-Апасовой: групповая городская XIV выставка «Арт-коллаж – 2018» в ДХШ Митинского доказала её высокий профессиональный уровень. Чувство композиции у Динары – качество чи-

Вот так графично автор статьи увидела свою героиню. Рисунок Н. Косполовой

сто женское. Оно, как и чувство формы, сдобрено безупречным вкусом, помогающим не браться за то, в чём она не чувствует достаточной уверенности и вольности. Эта выборочность – тоже знаковая черта. Свободный формат и формат вообще – уже не есть нечто определяющее. Всё больше внимания микромиру или макромиру, запечатлённому как некие окна. Абстрактные композиции лишены каких-либо намёков на теневые аспекты нашей действительности, пронизаны светом и, кажется, имеют даже различную температуру. Нас подчиняет себе сфера реальности, может быть, существующей в иных мирах, параллельно, в иной субстанции, и хочется разгадать некую тайну, найти ключ, удивиться. Хочется быть сопричастным чему-то непривычному, далёкому от быта, и нас уверенно проводят по этой дороге: углубляясь в её повороты и развороты, мы даже можем услышать музыку. Безусловно, большая часть работ Апасовой может быть объединена в комплексы, трактуемые как погружения, временная определённость которых размыта.

Динамика

Динара – человек, не склонный к стагнации ни в каком её виде и проявлении. Мы уже указали на свойство взаимодействия предметов в её вроде бы взывающих к статике натюрмортах. Динамика как свойство стиля отразилась в выставочной истории её поиска и проявилась в Гатчине, в музее-усадьбе П.Е. Щербова; в персональной выставке «Живопись, графика» в ТГИИК и других экспозициях; и наиболее ярко – в выставочных комплексах «Родника» в рамках проекта «Вехи времени». Открывая для себя композицию как пространство, художница не апеллирует к временным константам. «Вехи времени» – это, скорее, не про какие-то конкретные изображаемые времена, а про её собственный путь, её становление как мастера, человека, творца.

Контурные, линейно проработанные динамичные композиции приближают нас к материальному пространству, которым хочется любоваться и которое очень условно можно назвать декоративным планом. Апасова впускает нас в мир своих предпочтений – ненавязчиво, не с помощью предметов или коллажей, а с помощью объективации среды. Это, безусловно, средовой этап художницы. Долой стагнацию – наверное, это её сегодняшний – если не всегдашний девиз... Так и унеслась куда-то – не смогла подтвердить мою гипотезу. Летящий, ускользающий, движущийся мир; летящая и странствующая художница – не угнаться, всё время с новыми идеями и с новыми, в том числе оздоровительными, технологиями и техниками на рабочем творческом столе. Забредя как-то ко мне в гости в старый дом глубокой снежной зимой, она обозвала его «отель у погибшего альпиниста...» Удач и света тебе, азартный и сверхподвижный Телец, «альпинист», созданный покорять новые вершины и видеть далёкие горизонты!

Дети флоры. Смешанная техника. 2025 г. Фото Д. Апасовой

Текст Дарьи АКСАРИНОЙ

О жизни и песне

Беседа с тюменским бардом

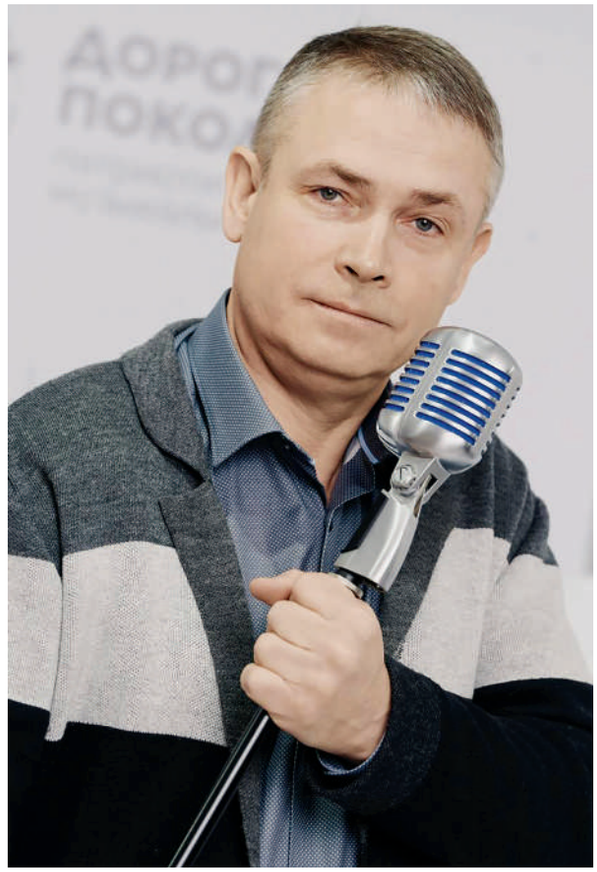
Авторская, или бардовская песня – один из самых примечательных элементов русской культуры. Сборники поэтов-бардов ёмки, словно исторические фолианты, – так живо и детально в них отражается история России и душа её народа. Движение авторской песни, когда-то мощное, сейчас подутихло, и даже творчество известнейших бардов стало теряться на фоне хаотичной медийно-массовой литературной и музыкальной культуры нового времени.

Передовик бардовского движения родился 7 декабря 1969 года в Новосибирской области. В Тюмень семья Ломакиных перебралась, когда Сергею был всего год, поэтому наш город стал для него родным – ему он посвятил и себя, и своё творчество.

Детство Сергея Ломакина прошло в квартире-двушке на Пермякова, 24. Жилплощадь семье выделил индустриальный институт, в котором работал отец поэта. В то время дом был, считай, на окраине – город ещё не разросся так далеко, как сейчас, но всё больше наползал на болотистые пустыри, «проглатывал» и застраивал незанятые околицы. Уже в 1974-м вид из окна «пермяковского» дома разнообразился автовокзалом, а позднее и прочей архитектурой разного назначения. Родному городу, с которым они росли вместе, Сергей посвятил немало песен.

Всерьёз взялся за гитару Сергей Ломакин в студенчестве, когда жил в Томске. Учился на историческом факультете, успешно его окончил в 1994 году и даже работал до поры по специальности – учителем истории в школе. По воспоминаниям самого барда, томский университет оказался на редкость «музыкальным», как, впрочем, и сам Томск, в котором было множество клубов авторской песни. Эта творческая атмосфера и уникальный культурный фон тогда покорили приезжего студента. Сергей заслушивался бардами-классиками и талантливыми томичами, среди которых были Никита Владимирович Зонов, Игорь Валерьевич Иванов, Дмитрий Валентинович Коршун.

В Тюмень Сергей Ломакин вернулся просвещённым энтузиастом и «двигателем культурного прогресса». К 1998 году ударился в работу: выступал с концертами, собирал фестивали, помогал с выпуском авторских аудиосборников местных, тюменских и областных исполнителей бардовской песни. На многочисленных мероприятиях Сергей Ломакин становился и ведущим, и дипломантом, и лауреатом. А в случае с межрегиональным фестивалем авторской песни «Зимний Грушинский в Тюмени» и детским «Попутного ветра!» он – исполнительный директор.



Сергей Станиславович Ломакин на ямальском фестивале «Дорогами поколений». Фото из личного архива С.С. Ломакина. Автор неизвестен

Конечно, одними фестивалями и музыкальными альбомами творческая деятельность не ограничилась – Сергей имеет многолетний стаж радиовещателя. Первая его программа «Сверим наши песни» вышла на тюменском «Радио 7» ещё в 2005 году. Пару лет, с 2008 по 2010 год, бард также был автором и ведущим «Простых историй» – программы с авторскими аудиорассказами на радио «Добрые песни Тюмени». С 2013-го Сергей Ломакин ведёт свою передачу «Будем жить» на радио «Шансон».

В нашем обстоятельном интервью он говорил о многом в контексте авторской песни: о культуре (и не только музыкальной), о моральном и идейном единстве народа, о многих замечательных людях,

создававших песни, которые невозможно подвинуть с полки хитов… Меньше всего говорил бард о себе.

Большая беседа о большом деле

– Настоящая литература, а авторская песня, как говорил Булат Окуджава, – «поющая поэзия», всегда отражала день сегодняшний и давала ответы на вопросы. Литература обязана их давать. А иначе ради чего всё это? Развлекательность, которая у нас стартанула условно в девяносто первом году, когда развалился Советский Союз, привела к тому, что уже вся индустрия кино, музыки и даже книг повернулась в сторону поверхностного ощущения жизни. Один из примеров таких изменений в песенной культуре – это «Руки вверх». Для меня это ещё и обобщающий образ. Руки вверх! Действительно, мы словно сдались перед Западом. Резко прорвавшаяся в девяностых за наш периметр западная культура была нарочито развлекательно-легкомысленной.

Смотрел недавно фильм Никиты Михалкова «12» (на спектакль не попал, к сожалению). Знаете, там есть хороший монолог, и один его фрагмент очень точно описывает состояние людей в девяностые: «А почему смеётесь, почему вот это "ха-ха-ха"? А потому, что когда серьёзно – вам страшно!» Почему серьёзное на протяжение последних лет тридцати стало вызывать у людей страх? О серьёзном хотелось забыть, хотелось «отдохнуть», поразвлекаться…

Но авторская песня никогда не сдавалась. Она всегда отражала именно ту жизнь, которая действительно была в девяностых, нулевых годах. Была, например, прекрасный автор Любовь Захарченко. Окуджава всегда отстаивал авторскую песню как жанр, но ко времени «культурных перемен» стал переживать, что она себя изжила. И всё же, когда в 1986 году он услышал Любу Захарченко на первом и, помнится, единственном всесоюзном фестивале авторской песни в Минске, он сказал: «Я беру свои слова обратно».

Идёт война, но это не событие.
Живём мы параллельно рядом с нею.
Страна не прерывает чаепитие.
Экраны голубые не краснеют.

Эти стихи Любови Захарченко двухтысячного года «ложатся» и на сегодняшний день…

Мы – странники пожизненного детства.
Ребёнок – он и ангел, и злодей,
Все в ужасе от нашего соседства!
Мы в ужасе от собственных затей…

…

Одной рукой мы пилим, чтобы строить,
Другой – строгаем спички, чтобы жечь.
(«Клиника неврозов, или Золотая середина», 2001 г.)

> «Казалось бы, как песня настолько индивидуальная, отражающая образ мыслей и отношение к жизни поэта, может быть заказной? Но факт – такая «портретная» песня Владимира Высоцкого была написана именно для фильма»

Конечно, советская песня прекрасна. И прежде всего потому, что цензура советского периода действительно отсеивала «шелуху». Хотя той, честно, было очень мало. Был чёткий госзаказ. Среди шедевров того времени немало заказных. И в этом на самом деле нет ничего страшного.

Владимиру Высоцкому нередко заказывали песни к кино. Эти песни стали его визитными карточками. Вспоминаем и «Вертикаль», и «Если друг оказался вдруг»… Он писал их для кино. Даже одна из его самых популярных песен «Кони привередливые» была заказана для кинофильма «Земля Санникова». Казалось бы, как песня настолько индивидуальная, отражающая образ мыслей и отношение к жизни поэта, может быть заказной? Но факт – такая «портретная» песня Владимира Высоцкого была написана именно для фильма. Так было и с работами Александры Пахмутовой, Николая Добронравова и многих других. Эти песни так и остались непревзойдёнными хитами музыкально-поэтической культуры нашей страны.

Хотя, будем честны, век песни в масштабах истории не так уж и долог… Мы же не поём песни XIX века, только немногие из них прижились настолько, что перепеваются и переосмысливаются до сих пор. Про XVIII век и говорить нечего. Уйдут однажды и нынешние старые хиты, тем более что о них вспоминают всё меньше. Из молодёжи уже мало кто их знает. И это понятно. В 1991 году прервалась преемственность поколений. Неприятно звучит, но это всё же так.

Я вспоминаю свою юность – мы тоже шли дальше, читали и слушали новое, но это всё ложилось поверх понимаемого и принимаемого старого, ставшего для нас культурной базой. А в девяносто первом случился слом – всё старое резко отмели в сторону, как что-то ущербное. Мы взялись «открывать Америку», вступив в цветастую эпоху песен-однодневок. Советское окрестили вдруг плохим, а новый заграничный мир стал казаться прогрессивным и красочным.

Примечание: Любовь Ивановна Захарченко была редким энциклопедистом, имела немало творческих и даже научных увлечений. Получила юридическое образование, а с 1975 года увлеклась созданием песен. Музыку писала только на собственные стихи. В 1986 году её наградили Гран-при Первого всесоюзного фестиваля авторской песни. Это была не последняя победа, но, вероятно, самая впечатляющая. Любовь Захарченко много гастролировала и была частым гостем и участником фестивалей. Позднее выступала уже как организатор собственного фестиваля «Ростовское метро». В 90-е годы поэтесса много времени уделяла детским творческим мастерским.

И собственная культура осталась внезапно без опоры. Позднее по остаткам советской культуры сильно ударил и интернет, также пестрящий новьём и противосоветским материалом. И до сих пор бьёт.

У меня был проект в 2023 году «История страны в песне», поддержанный нашим губернатором. Я выступал в школах, беседовал с ребятами. Говорили мы о том, что любой исторический период отражается в музыке, в песне. Неформальное музыкальное искусство всегда соответствует «содержанию» времени, отражает взгляды и принципы людей, исторические события. Обсужу с ребятами какой-то момент – приведу вдохновлённые им песни. Сколько всего написано про освоение нашего Севера: «За туманом», «Главное, ребята, сердцем не стареть»…

Огромное количество школ обошёл. Заметил, что впечатление у молодых ребят – неглупых ребят – от песен остаётся двойственное. С одной стороны, они песнями проникаются, они им нравятся. Школьники понимают, что эти песни и про них тоже. Я им прямо говорю: «Ребята, вам может казаться, что война, которая окончилась восемьдесят лет назад, была давно. Это не так, это на расстоянии вытянутой руки». А с другой стороны – они очень мало знают.

– *Не слышали таких песен?*

– Не слышали! Ко мне после одного из таких просветительских разговоров подошла девочка, сказала: «Знаете, вы спели песню "Тёмная ночь"… Какая хорошая песня! Я плакала, я впервые слышала эту песню». Это странное ощущение, что мы с разных планет с молодыми, всё же есть… И это последствия того культурного разрыва, произошедшего в девяностых. Это не просто культурный кризис, а настоящая драма. Драма тех людей, которые верили, которые строили. Мы их буквально предали. Люди создали государство, с которым считался весь мир. И в один прекрасный момент всё это просто взять и разрушить? Словно наша стихия – саморазрушение. Не просто вдруг появилось несколько стран – распалось сильное, когда-то идеологически единое и гармоничное государство. Даже происходящее сейчас на Украине – последствия этого уничтожения культурной общности.

Мы вполне закономерно ушли в такой краткий исторический экскурс. Всё же авторская песня всегда была в эпицентре событий. Сегодня мы говорим о том, что нет такой песенной музыкальной культуры в стране. Её действительно нет, потому что новых песен как таковых, серьёзных песен, не пишется. Их пытаются писать, но опыта у авторов на такое большое дело не хватает. Оттого нынешние хиты зачастую не трогают так глубоко. Они, безусловно, способны развлекать, но содержательно, литературно они сильно отстали от добровольно забытых советских произведений. Чтобы писать действительно хорошие стихи, нужно читать хорошие книги и слушать хорошие песни. Для творчества тоже нужна какая-то база.

Бард-бенд «ТЕ САМЫЕ» на открытии зимнего бардовского фестиваля в 2025 году. Фото из личного архива С.С. Ломакина. Автор неизвестен

Недавно был форум «Своя культура». Я, к слову, тоже поучаствовал. А главное – там были ребята с СВО. Были среди них и музыканты-сочинители, представившие свои песни. Замечательные ребята, но их песни текстово очень слабые. Чтобы эти песни выпустить в свет, петь не только в узком кружке товарищей, их нужно серьёзно доработать.

Но даже так авторская песня никуда не исчезла, её ещё поют, ещё слушают. Не так массово, конечно. Многие её буквально не замечают, не интересуются ею: «Ну, бренчат чего-то на гитарах». Но даже самый далёкий от культуры чиновник знает и понимает слова: «Мы воспитывались на этих книгах. Мы воспитывались на этих фильмах. Мы воспитывались на этих песнях». У нас скоро будет концерт бард-бенда «ТЕ САМЫЕ», который я собрал два года назад. Сейчас нас пятеро, есть и опытные барды, и талантливые начинающие. Те самые – не мы, те самые – песни. Я написал песню. Она и про наш бард-бенд, и про сам жанр.

Звук гитары тихий слышу в стороне
И слова такие, словно обо мне.
Музыка и слово сплетены навек,

Примечание: Песню «За туманом» в 1964 году исполнил советский поэт Юрий Кукин. Перебирая волны транзисторного приёмника, он наткнулся на мелодию итальянского композитора и «переложил» её на гитару, слегка упростив для большей песенности. А в пути до Алтая к получившейся походной песне родились стихи. Песня «Главное, ребята, сердцем не стареть» – результат коллективного труда нескольких исключительно талантливых людей. Музыку написала Александра Николаевна Пахмутова, а воодушевляющий текст принадлежит перу её супруга Николая Николаевича Добронравова и хорошего друга творческой семьи поэта-песенника Сергея Тимофеевича Гребенникова.

Сергей Станиславович Ломакин. Выступление в рамках проекта «История страны в песнях». Фото из личного архива С.С. Ломакина. Автор неизвестен

Доброго, родного ищет человек
В тех самых, что не подведут,
Голосами нам проложат путь.
Всем вместе от меня и как тебе
Петь песни те самые.

С авторской песней все знакомятся по-своему. Я о ней узнал «от телевизора» – показывали концерт авторской песни, и я попал на Городницкого. Я обалдел. А дальше пели Александр Суханов, Юрий Визбор, Александр Дольский… Эти песни стали для меня откровением. Знаете, почему? Дело в этом удивительном чувстве: вроде человек писал песню о себе, а вышло – и про тебя тоже.

На Зимнем бардовском фестивале в Тюмени, который проводим обычно в феврале (этот будет двадцать вторым), я как-то делал такую зарисовку: фестивальная поляна. Бардовская песня до сих пор живёт в условиях фестивалей. Они дают импульс, а уже потом бардовское творчество начинает колесить по стране. Человек попадает на фестиваль – песенный остров – и понимает, что всё спето про него. Он задумывается: «Как же так? Ценность моей жизни ведь едва ли представима для кого-то, кроме меня». Но вдруг оказывается, что в этой особой среде, культуре, обществе, в которых рождаются такие песни, он не чужой и непонятый пришлый, а свой. Бардовская песня особенно ценна своей искренностью к миру и человеку, своей приближённостью к нему. Даже сейчас музыка и поэзия Юрия Визбора, Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого признаётся сокровищем нашей культуры. Даже не сведущие в авторской песне люди хотя бы слышали эти имена. Воспетая этими замечательными людьми, музыкантами и поэтами жизнь – это жизнь узнаваемая, жизнь простого и настоящего человека. Оттого в их песнях традиционно мы чувствуем себя, оттого она так резонирует с нашими мыслями и переживаниями. И в ней же становится видна эта человеческая общность, народная близость.

Вот смотришь сейчас на фотографии людей семидесятых, восьмидесятых годов и ловишь себя на мысли: «Какие счастливые, просветлённые люди». Мне всё чаще думается, что идея преобладания общественного над сугубо личным и разумна, и справедлива. Может, в этом и есть человеческое счастье? Но сейчас каждый о себе и каждый за себя…

– Странно, что подобная позиция вообще прижилась у нас. Всё же она нехарактерна для нашей культуры. Может быть, дело в «чёрством пряннике»? Нас так дразнило западное просвещение правами и свободами, не упоминая при этом обязанностей, что новый мир показался слаще…

– Я убеждён, что немалая доля психологических проблем – следствие этого неразумного отношения к себе и окружающим. Сплошные депрессии и расстройства. И какой спрос на психологов! Просто бум… А что ещё делать человеку, оторванному от общества, одинокому и не находящему своего места?

Авторская песня всегда собирала людей вместе, связывала их в товарищеский круг. До сих пор на фестивалях можно видеть, как проникшиеся песней незнакомцы собираются в компанию, а через год встречаются на следующем мероприятии друзьями – обнимаются и плачут, соскучившись без друзей. Песня должна поддерживать, сплачивать. Что же касается «Руки вверх»… Подобные песни не могут похвастаться тем же, им для этого просто не хватает глубины. О чём они? В них не рассказывается ничего о том, как жить. Они скорее о том, как развлекаться. И с развлечением публики эти песни ещё справляются.

Помню, как готовились к фестивалю «Нефтегаз собирает друзей». Задумались, какой песней мероприятие закончить. Я предложил «Милая моя» Юрия Визбора. Народ засомневался, мне сказали: «Она же грустная…» Я плечами пожал и честно признался: «Для меня грустная "Восемнадцать мне уже". Невозможно грустная песня!» А «Милая моя» – светлая. Я порой выступаю в ресторанах, и не так давно в одном из заведений пел её. Посетители отложили приборы,

Примечание: Песня «Тёмная ночь» была написана в 1943 году композитором Никитой Владимировичем Богословским и поэтом Владимиром Гариевичем Агатовым для фильма Леонида Давидовича Лукова «Два бойца». Фильм вышел в кинопрокат 6 октября 1943-го, а под конец года добрался и до Советской армии. К тому моменту солдаты её уже пели. Никита Владимирович по дороге на фронт навестил Леонида Осиповича Утёсова, которому песня очень уж приглянулась, из-за чего сразу попала в его музыкальный репертуар. Так, раньше, чем в фильме, «Тёмная ночь» оказалась на пластинке.
Для фильма песню исполнил советский киноактёр и исполнитель Марк Наумович Бернес.

забыли о дорогих блюдах на столе и пели со мной. Всё же к душевному и искреннему люди тянутся.

Хорошая песня может спасти не только человеческую душу, но и человеческую жизнь. И «Тёмная ночь», которую помнят до сих пор, спасала жизни. Благодаря этой песне солдаты помнили, что их ждут.

Я сам не раз был свидетелем спасения песней. После концертов ко мне подходили люди и признавались, что накануне не представляли, как жить, отчаялись и уже едва во что-то верили. Но неожиданно нашлись песни, которые смогли их успокоить и воодушевить, прогнать это чувство безысходности. Они благодарят и уходят с новыми силами.

Я верю, что эти песни нужны людям. Провожу Зимний бардовский – практически никому из чиновников он не интересен, исключения редки. Финансирование зачастую было минимальное, нередко мероприятие и вовсе вычёркивали... В таких обстоятельствах у меня самого порой опускаются руки. Но когда я вижу, как люди толпами идут на этот «ненужный» фестиваль, когда мы с этими толпами вместе поём любимые песни, я понимаю, насколько ценны такие собрания.

Песня, вызывающая тёплые, светлые чувства, – это практически молитва. Есть замечательный человек Александр Завенович Мирзаян. Недавно ему исполнилось восемьдесят лет, по этому случаю даже был концерт в Москве. Он абсолютный теоретик авторской песни! Когда я ещё работал в молодёжной политике, сумел уговорить чиновников организовать форум, посвящённый русскому языку. Предложил обсудить развитие языка сейчас, молодёжный сленг, поэтический язык, вспомнить речь Иосифа Бродского на вручении Нобелевской премии (что он говорил про язык вообще и про русский язык в частности)... Это всё должно быть в учебниках! И Бродский – обязательно. Он ведь говорил, что поэтический язык – это двигатель мышления. Что такое «двигатель мышления» – это двигатель всего.

– Это, к слову, и объективная научная истина, десятилетиями повторяемая учёными-лингвистами. Язык – и следствие, и главный инструмент мышления. Наша речь и мысль находятся в исключительно тонких и взаимозависимых отношениях.

– Конечно. На этот форум я как раз пригласил Александра Завеновича. Нам очень повезло – он действительно приехал и даже прочитал свою лекцию «Авторская песня как основа национальной идеи». И ядром, основой этой национальной идеи наш гость назвал сам язык.

Сохранение языка – это сохранение нации. И это должно быть очевидно для общества. «Певец приходит к племенам и делает из них нацию», – это слова итальянского философа Жана-Батиста Вико. Конечно, певец в высоком понимании – носитель и транслятор языка и культуры. Да раньше иначе певец и не воспринимался! Это теперь певец тот, кто просто развлекает. Но я убеждён, что высокая песня, мудрая, людям всё ещё нужна.

> «Сохранение языка – это сохранение нации. И это должно быть очевидно для общества. «Певец приходит к племенам и делает из них нацию». Это слова итальянского философа Жана-Батиста Вико»

Два года назад мы устроили концерт, посвящённый Владимиру Высоцкому. Дело было в разгар лета, в июле. Никакой рекламы мероприятия не было. В назначенный день мы просто начали концерт. Пришли люди, которые сидели на ступеньках. В этом году снова играли концерт, снова посвятили его Высоцкому – уже сорок пять лет гениального барда с нами нет. Выступить решили как раз в День города. Погода была не располагающей ни к концертам, ни к прогулкам вообще – дождь лил стеной. Но у нас собрался полный зал. Настоящая музыка не уходит.

Любая композиция Высоцкого, написанная сорок, пятьдесят лет назад, ложится на наши дни. Возможно, с точки зрения молодёжи, внедрять авторскую песню в массовую современную культуру сейчас сложно. Но есть великая фраза моего товарища: «Авторскую песню не любят те, кто её не знает». И правда, она до сих пор приходится к душе и к месту, вызывает искренний интерес даже у услышавших её впервые.

За скептицизм в сторону этого жанра, бардов, конечно, ответственна и массовая медийная культура, породившая немало стереотипов. Какие сейчас ассоциации вызывает слово «бард», каким видят его современные слушатели? Это небритый полутрезвый человек в растянутом свитере, сидящий возле костра и что-то бренчащий на расстроенной гитаре. На самом деле образ весьма далёк от истины. Тем более, что авторская песня давно шагнула на большую сцену с богатой инструментальной палитрой. Как сказал Вадим Мищук, которого не стало в прошлом году: «Барды, учитесь играть на гитарах!»

С этого момента многое изменилось. Хотя об авторской песне как движении сейчас говорить сложно, музыкальный кругозор людей стал шире. К слову, Фонд Олега Митяева два года назад в Москве на ВДНХ проводил Открытый слёт бардовского дви-

Примечание: Александр Завенович Мирзаян – бард, известный теоретик авторской песни, телеведущий. За плечами у музыканта и поэта множество фестивалей, на одних он был участником, на других занимал место в жюри. Александр Завенович окончил филиал Московского высшего технологического училища имени Н.Э. Баумана, выучившись на инженера-экспериментатора (в 1969 году). Многие годы работал по специальности в Институте теоретической и экспериментальной физики, отводя музыке и поэзии роль хобби. Только девятнадцать лет спустя (в 1988 году) он окончательно «перебрался» в музыку.

жения «Чтобы наши песни пели, как свои». Наш коллектив тоже поучаствовал, повезло даже заслужить лауреатство.

Что же до Тюмени – сказал бы, что мы, к сожалению, культурно подотстали. В Челябинск приехал – там двадцать театров! Я был поражён. В близком к нам Екатеринбурге тоже очень много культурных пространств. А ведь это всё среда. По ней виден и общий уровень культуры, и заинтересованность людей в искусстве, в авторской песне в том числе.

Знаете, есть массовая культура, а есть высокая. В СССР массовая культура была как раз на уровне высокой. К человеку приходили в гости и составляли о нём впечатление не по дороговизне мебели – мебель у всех была практически одна, редко у кого раритет выискивался, – а по количеству и качеству стоящих в шкафу книг. За каким-нибудь подписным изданием выстраивались очереди. И в той среде появление «Высоцких» воспринималось с воодушевлением и интересом. Сейчас тоже есть талантливые люди, но им намного сложнее пробиться к сцене.

Сергей Станиславович Ломакин. Выступление для молодых педагогов в рамках проекта «История страны в песнях». Фото из личного архива С.С. Ломакина. Автор неизвестен

Я очень хотел развернуть мероприятие в концертном зале нового корпуса Тюменского государственного университета. Авторская песня вышла из студенческой аудитории, из вузов. Хотелось бы её туда вернуть. Мы бы спели с ребятами Юлия Кима, Юрия Визбора, Аду Якушеву... Этих замечательных авторов, пришедших в музыку, в поэзию из студенческой среды. С университетом я уже связывался. Сложится – в феврале выступим. Пока запланировали концерт на двадцать шестое число. Правда, что-то меня пугают, мол, студентам не интересно, что они не придут.

– *Отчего не придут? Я знаю, что на журналистике, педагогике, филологии преподаватели нередко работают с текстами бардов-классиков, даже смотрят с ребятами советское кино. Да и в моём студенчестве с нами так работали. Нам нравилось! Даже тем ребятам, кто к советскому кинематографу и музыке был мало привычен. И среди нынешних студентов тоже находятся заинтересованные.*

– И всё же меня предостерегли. Обосновали свою позицию тем, что для современного студента бардовская песня уже не является ценностным ориентиром. Впрочем, был бы зал, а зрители, да хоть наши школьники, найдутся. Благо, всё же и среди чиновников есть такие, которые понимают, что это не просто блажь, а воспитание молодого поколения. Зал для мероприятия мне отстоять помогла заместитель председателя Тюменской областной Думы Наталья Александровна Шевчик. Поддержал инициативу и наш заместитель губернатора области Алексей Владимирович Райдер, он прямо сказал: «Это воспитательная задача». Им обоим я искренне благодарен. Алексей Владимирович, кстати, и сам вышел из «Республики неугомонных». А в таких организациях всегда культивировалась авторская песня, ею действительно учили и воспитывали. И нынешние дети до сих пор те песни поют. Да, эта среда существует лишь внутри организаций, но она всё же есть. Я тоже убеждён, что «не придут» – это заблуждение.

Помню, когда сам работал в молодёжной политике, мы с товарищами всё мучались сомнениями, рассуждали: «А что понравится молодым?» Но ведь настоящая культура и настоящее образование основывается не на понравится – не понравится предложенное ребёнку сейчас. Даже в школе – мы разве выбираем задачки, которые ученик решит без усилий, чтобы он просто потешился? Любое обучение, воспитание построено на преодолении трудностей. И авторская песня должна быть назидательной. Она должна вынуждать думать, чувствовать, поднимать слушателя до своего уровня.

И не так уж и пугает молодёжь необходимость просвещаться. На Зимнем бардовском фестивале у нас по сто тридцать, а то и сто пятьдесят участников собирается. Едут из тридцати городов. Заодно, кстати, и с Тюменью знакомятся. Знаете, наш Тюменский бардовский фестиваль был изначально концертным, но по итогу стал конкурсным. А всё оттого, что было много молодых музыкантов, желающих выступить.

В этом журнале нет рекламы. Но на этой странице может быть исключительно ваша.

отдел рекламы

8 (3452) 49 00 22

8 (3452) 49 00 23